ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:
В. Н. Бараков
Н. В. Возжаева
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Д. А. Ковальчук
Ю. В. Козлов
В. Ю. Лапина
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
А. В. Пиценко
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татаринов
А. А. Фокин
Е. В. Хомутов
В. И. Шульженко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА
Д. К. Диденко

ДИЗАЙН
И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА
Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР
Л. А. Мирошникова

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 3 (108) 2025 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

СОУЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского края, ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора публикации.

Заказ № 1498
Тираж номера 650 экз. **Свободная цена.**

Подписано в печать 09.09.2025 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода 23.09.2025 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань».
Адрес типографии:
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250 от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ
«А БОГ ВСЁ СЫПЛЕТ, СЫПЛЕТ ИЗ ГОРСТИ...» 6

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ
«МЫ ВСЁ Ж СУМЕЛИ НЕ УПАСТЬ» 18

МАРИНА РЫБКИНА
«ЕСЛИ ТЫ ЕЩЁ МОЖЕШЬ СЛЫШАТЬ…» 24

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА
ГРОЗОВЫЕ ПСАЛМЫ 28

ПРОЗА

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ
МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ ТКАЧЁВА 34

ДМИТРИЙ ЧУРКИН
СОТВОРЕНИЕ ЧУДА 48

ОЛЕГ ВИЗЕР
ПРОЧИТАЙ И ПОЧИТАЙ! 52

ГОСТЬ НОМЕРА

«ПИСАТЬ СТИХИ О РОДИНЕ И РАЗГОВОРЕ С БОГОМ...»
Беседа Даниила Диденко с поэтом Сергеем Зубаревым 62

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ – ПЕВЕЦ ГАРМОНИИ
Интервью Андрея Нейжмака с Лидией Сычёвой 70

РОДИНОВЕДЕНИЕ

АНДРЕЙ БАРАНОВ, ВАЛЕРИЙ КАСЬЯНОВ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ
В 1920–1939 ГОДАХ 78

ЮРИЙ ЯХУТЛЬ, МАРИЯ ДИРИВЯНКИНА
К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ РКП(Б)
С СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ КУБАНИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ 84

ПРОГУЛКИ ПО КРАСНОДАРУ

О ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ФУТБОЛЕ И ЛЮБИМОМ ГОРОДЕ
Беседа Андрея Нейжмака и Андрея Пиценко с Олегом Морозом 94

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЮДМИЛА ХОРЕВА
«ЕГО "НОМЕР РЯДА" – ЭТО ОН САМ»: РУССКИЙ ПОЭТ СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ 110

ДАНИЛ ДИДЕНКО
КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО МИРА»
В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА 120

АЛЕКСАНДРА КРЫШКА
ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В РАБОТАХ ЛЕОНИДА БОРОДИНА И СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТОВ 128

ДАРИНА ИГНАТЕНКО
КЛИШИРОВАННЫЙ ЕСЕНИН, ИЛИ «АЙСЕДОРА И ЕСЕНИН»
В КРАСНОДАРСКОМ «ДОМЕ МЕЦЕНАТА» 134

ЕЛИЗАВЕТА ГУСАРОВА
КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕКЦИЯХ ДОЦЕНТА РАНХИГС 138

КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

..... 140

Остаток дней ты проживи в тиши
Без гневных строк, без слез и суеты.
Свет золотой излей-ка из души
На белый лист, попробуй, напиши
О мягкой силе Божьей красоты.
Заря такая – глаз не отвести!..
Сумей ее запечатлеть в стихах.
А Бог все сыплет, сыплет из горсти –
Цветенья хмель, броди, вскипай, лети...
И все цветет в полях, лугах, садах.

ПОЭЗИЯ

ru.freepik.com

Архив Сергея Зубарева

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Родился 28 августа 1954 года в городе Челябинске. В 1966 году семья переехала на Кубань. Публиковался в «Российском писателе», «Родной Кубани» и других центральных и региональных СМИ. Автор восьми сборников стихов. Член Союза писателей России.
Живёт в Анапе.

«А БОГ ВСЁ СЫПЛЕТ, СЫПЛЕТ ИЗ ГОРСТИ...»

***

Г. Н.

О, женщина-свеча!
Как ты во тьме мерцаешь!
Нежна и горяча
И в полночь обжигаешь.

Так хочется любить –
Протягиваешь пламя,
А он, чтоб прикурить,
Прикрыл его руками.

Ушел. К огням каким?
За что судьба такая?
Остался горький дым,
Слезами воск стекает.

Одна. Как быть теперь?
И вновь сомнений муки:
Вдруг постучится в дверь
Лишь тот, что греет руки?

Тоскливо, хоть кричи!
Но горький ком глотаешь.
Горишь одна в ночи
И таешь, таешь, таешь...

7 марта 2001 г.

***

Не плачь, Любовь моя!
Еще тот день не скоро,
Когда с тобою мы расстанемся навек.
Коль суждено пройти
больничным коридором,
Его не миновать. Как, впрочем, и аптек.

Не надо о плохом… Смотри, какая осень!
Сад в золотом огне, а ей все сходит с рук.
Гусиное перо – случайно ль? –
с неба сбросит,
Там стаи белых птиц торопятся на юг.

Вот с крыльев отряхнут
прощальный свет заката
И что-то прокричат и скроются во мгле.
И будет ночь тиха, и чай заварен с мятой,
Чего еще желать? Бумага на столе

Дрожит и ждет стихов о юности беспечной.
Строка к строке, и стих забродит,
как вино –
Мы молоды опять, летим дорогой Млечной…
А мотыльки летят в раскрытое окно

На лампы яркий свет, им обжигает крылья
Горячее стекло. Так будет вновь и вновь.
Летящие вослед, все рухнут от бессилья.
Когда-нибудь и мы… Не плачь, моя Любовь.

Февраль 2009 г.

СВЕТ ПАМЯТИ

Да как же, Господи, забыть
Любимых женщин имена!
Ты дал мне радость их любить,
Будь это мать или жена…

И милосердие сестер,
И милой внучки звонкий смех…
Все-все питает мой костер,
И я живу, любя их всех.

Подруг веселых голоса
Едва слышны за далью лет…
Настанет час, и в небесах
Души моей растает след.

Представ перед Тобой, скажу:
«Да, я страдал, да, я любил…
Стекал кровинкой по ножу,
Но никого я не забыл!»

5–6 января 2016 г.

СТАРИК

Износилось тело, как рубаха.
И в чем только держится душа?
Но гляди-ка, как старик без страха
Смотрит в небо жадно, не дыша.

Что там видит? Дальнюю дорогу
Всю в сугробах снежных облаков.
Он уже готов предстать пред Богом
И ответ держать за все готов.

За любовь, которой знает цену,
За безумства, за хмельной туман...
И расскажет он, как брали Вену,
Как тогда от крови был он пьян.

Многое старик расскажет Богу,
Как всю жизнь на Родину пахал.
Хоть она порой судила строго,
Никогда ее не предавал.

О большой «вине» своей расскажет
Он, прошедший тысячи дорог:
– Господи, как жить ты мне прикажешь,
Если я державу не сберег?

В чистое одет, как перед боем.
Под ногами лишь землицы пядь,
А над ним все небо голубое,
До звезды уже рукой подать...

13 июня 2013 г.

****

Петухи не во сне ли пропели?
Не за печкою ль скрипнул сверчок?
Никого! Все давно улетели.
На деревне один «дурачок».

Вот проснулся опять с петухами,
С полоумным запечным сверчком.
И, бубня, он наполнил стихами –
Иль молитвами! – старенький дом.

Не стенал он про горе и счастье,
Не туманил слезами свой взор.
Просто взял рыболовные снасти
По привычке и вышел во двор.

Ночь истаяла в лунной ограде.
Просыпалась с рассветом земля…
Что рыбалка? Не отдыха ради,
А сейчас пропитания для.

И спешил он тропинкою узкой
На заре среди трав росяных
К светлой речке, пока еще русской.
Но зевнешь, потечет для иных.

Может, он и судьбою отмечен –
Доживать ото всех вдалеке,
Чтоб вот так разговаривать с речкой
Каждый день на родном языке.

Январь 2014 г.

СЛАВЯНСКОЕ СОЛНЦЕ

Рассорили нас злые силы,
А мы и купились на ложь.
И множатся наши могилы,
И жизни цена – медный грош.

Славянское солнышко вянет,
Ссыхается русская речь…
Эх, как же мы, братья-славяне,
Любовь не сумели сберечь?

Неужто навек разойдемся?
Покрошим друг друга в бою?..
Не гасни, славянское солнце!
Услыши молитву мою!

8 мая 2015 г.

****

Муза прядет золотую нить –
Вяжет стихи поэт,
В строках пытаясь соединить
С болью небесный свет.

Кладбище. Сына хоронит мать –
Не дождаться внучат.
Где слова утешения взять?..
Строки кровоточат.

Рядом чирикают воробьи,
Всласть купаясь в пыли.
Ринувшись в солнечные ручьи,
Ландыши расцвели…

13 июня 2017 г.

***

Ворочаются мысли еле-еле,
Как мельницы убогой жернова.
И что они никчемные намелят?..
А мельнику, как видно, трын-трава.

Он мысленно опять в далеком детстве,
Иль в тех годах, где сын его – живой…
Так хочется порой душой согреться,
Но зябко на душе, хоть волком вой.

А как согреться в сумасшедшем мире?
В бутылке тоже нет тепла на дне…
Вот он сейчас сидит в своей квартире,
А мыслями все там же, на войне,

Где вражий снайпер в его сына метит…
Ах, как бы заслонить был сына рад!..
Холодная весна, холодный ветер,
И ласточки так долго не летят…

9 мая 2022 г.

***

Когда угасает Любовь,
Бледнеют цветы на лугах.
Из них источает любой
Не запах волшебный, а страх,
Нектар превращается в яд,
К ним пчелы уже не летят.

Когда угасает Любовь,
Скисает вино в погребах.
Об этом и плачут гобой
И скрипки в ночных кабаках,
Где так же рыдают и пьют,
Вино и любовь продают.

Когда угасает Любовь,
Согреет ли русская печь?
Отыщем ли снова с тобой,
Что мы не сумели сберечь?
Кладу уголек на ладонь,
Раздуем ли вместе огонь?..

19 июня 2022 г.

ДЕНЬ ГОРОДА

Из Изюма отходили с боем,
Боевых друзей теряя тут…
А в Москве гулянье чумовое,
Над Москвою праздничный салют…

Это пораженье не сломает,
Нас еще вино Победы ждет.
Верим в это! А Москва гуляет,
А Москва и пляшет, и поет.

Всем врагам мы воздадим сторицей…
Всем! И по делам, и по судьбе…

Ну а ты гуляй, моя столица,
Ты гуляй, раз весело тебе…

12 октября 2022 г.

****

Памяти летчиков ЧВК «Вагнер»
Александра Антонова
и Владимира Никишина

– Сыграйте что-нибудь из Вагнера,
«Полет валькирий», например…
И вот войною в угол загнаны,
Горят и танк, и БТР.

Горит «броня», железо плавится,
Бетон крошится в прах и пух…
Нет, не война поэтом славится,
А воинов геройский дух.

«Встречайте, суки, Папу!» – слышится,
И Су–24 М
Сейчас в бронеколонну впишется,
И враг останется ни с чем.

И наступленье будет сорвано,
Враги попятятся назад…
Не разберешь, где кружат вороны,
А где валькирии кружат?..

19 декабря 2022 г.

****

Из хаоса выуживать слова,
На нити строк нанизывать их звонко
Так, чтобы закружилась голова
От крика стихотворного ребенка.
Молчание прервав, опять запеть,
Как запевают птицы на рассвете.
И с жадностью на поплавок глядеть,
Как к облакам его уносит ветер.

Клюет, клюет! Крючок достал до дна.
Как тяжело! Поймал какое слово?
Выуживаю горькое: «Война!..»
Оно глядит печально и сурово.

Плачь, колокол!.. Рыдает белый храм.
И сердце разрывает пополам…

6 июля 2023 г.

УГОЛЕК

Я в золе уголек, я под пеплом
седым угасаю.
Но еще я горяч, вы не троньте меня,
обожгу.
Не от злости своей, а скорей от того,
что дерзаю
Разгореться костром на высоком
морском берегу.

Чтобы искры – до звезд, чтобы пламя
раздвинуло темень,
Чтобы щедрым теплом был бы
путник озябший согрет…
Это счастье гореть!
Эта светлая радость быть с теми,
Кто в ночи заплутал,
но идет и выходит на свет!..
Ах, мечты, ах, мечты!..
Не угнаться за вами за всеми.
И без вас нам никак –
помогаете жизнь озарить.
Было время гореть,
а теперь угасания время…
Ветер, сдуй всю золу,
и я дам вам еще прикурить…

27 мая 2024 г.

****

Слава Богу за все!
И за это осеннее утро,
И за строки Басе
Про ночную росу с перламутром,
Что так бабочка пьет,
Жадно пьет и напиться не может.
Завершила полет.
И ее жизнь осень итожит.

Слава Богу за свет,
Исходящий из нашего детства!
На него столько лет
Мы глядим, не боясь наглядеться.
Свет тот весь из тепла,
К нам летит, словно бабочек стая…
Осень жизни пришла,
Вот и мы свой полет завершаем.

Слава Богу за все!
За любовь, за надежду, за веру.
Все мы в жизни снесем,
Что отсыпал Он полною мерой.
Свет пролей, Альтаир,
Пусть отступят от Родины беды.
Слава Богу за мир,
Наступающий после Победы!
7 сентября 2024 г.

ВСТРЕЧА

После инсульта стал плаксив,
Буквально все могло растрогать:
И песни жалобный мотив,
И образ нищенки убогой.

И в руки ей суя рубли,
Он бормотал негромко: «Нате!»
А слезы по щекам текли,
Как будто видел Богоматерь.

И в храм скорее поспешил,
Перед дверьми перекрестился

И о спасении души
Он долго, истово молился.

Слезами на пол капал воск,
Свеча в руке его горела…
И плакал он… Но вот вопрос:
«Рождалось что в душе из слез
Или душа рвалась из тела?..»

20 сентября 2024 г.

****

Лист пожелтевший на землю упал,
Дождик заплакал уныло…
Веру в себя ты давно растерял,
Как и талант, если был он…
Думаешь: «Если пуста голова,
Душу без толка не мучай –
И приручить не сумеешь слова,
И не расслышишь созвучья».

Хватит! Не ной! Ведь уныние – грех.
Глянь вон! Деревья не ноют.
Гол, как сокол, за окошком орех,
Будет зеленым весною.

Так вот и ты свои силы копи,
Будь терпеливым в ненастье.
Час твой придет, мир на миг ослепи,
Вот она – капелька счастья.

29 декабря 2024 г.

****

Зазвенел сережками орешник,
Ветер за окном уже чуть свет
Свищет: «Просыпайся, старый
грешник! –
Время за грехи держать ответ».

И встаешь ты с горькою усмешкой,
Голова – расколотый орех.
У окна застыл больною пешкой,
А вчера ферзем глядел на всех.

Ты вчера в безудержном веселье
Все никак не мог залить свой пыл,
А сегодня горькое похмелье,
Час расплаты вот он – наступил.

3 января 2025 г.

****

Бабушка с внучкой пекут круассаны,
Их начинив абрикосовым джемом.
Кажется, с Сены дохнуло туманом,
И оказались во Франции все мы.

Листья и травы фантазий не жухнут,
Я ароматы вдыхаю и вижу:
Бабушка с внучкой танцуют на кухне,
Кружатся в вальсе «Под небом Парижа».

Запах стоит, как в кофейнях Монмартра,
Дразнит, смущает он наших котов…
Бабушка с внучкой, вы все-таки завтра –
Эх! – напеките-ка русских блинов!

5–6 января 2025 г.

****

Що зажурився, бывший брат мой,
Убивший русского в себе?..
Не оттого ль, что путь обратный
Не видишь ты в своей судьбе?

А ты припомни, брат мой бывший,
Как нас вела одна судьба.
Текли в одном потоке, слившись,
Моя печаль, твоя журба.

Как наши и отцы, и деды
Громили общего врага
И приближали День Победы,
И честь была им дорога…

Случилось как, ответь, братуха, –
Не дед же этого хотел! –
Что мы отныне друг на друга
Глядим с тобой через прицел?

На горе множится «груз 200»…
Ты посмотри в немую даль:
Обнявшись, там шагают вместе
Твоя журба, моя печаль…

6 января 2025 г.

****

Прилетит на рассвете зарянка
И заплачет она за окном:
«С новогодней завязывай пьянкой,
А давай-ка, брат, лучше споем».

Про белеющий парус в тумане
И про женщину на берегу,
Про увядшую розу в стакане,
Про надежду, что в сердце не вянет,
И про грозди калины в снегу.

Про разлуку споем и про встречу,
Про любовь, что спасла на краю,
И про теплый сиреневый вечер…
Баю-баюшки-баю-баю…

Как поется! И сон этот светел,
Он весь полон зари огневой.
И проснешься ты, брат, на рассвете –
Да к окну, а за ним только ветер,
И зарянки там нет… Никакой!..

12 января 2025 г.

****

Сорвался желтый лист,
Вскружился, полетел…
Ну что ты, брат, раскис?
Неужто заболел?

Никак нельзя болеть,
Тем более сейчас,
Когда поет нам медь,
Зовя в дорогу нас.

Осенние дожди,
Дороги развезло…
Но ты, родная, жди –
Вернусь я все равно.

Пусть впереди снега
Завьются все в метель…
Мы разобьем врага,
И зацветет апрель.

Сиренью вспыхнет май,
И сбудутся все сны…
Родная, обнимай
Пришедшего с войны.

21 января 2025 г.

****

Николаю Зиновьеву

В сумерках свирель заплачет,
И душа заплачет тоже…
Быть поэтом – это значит
Боль свою в стихах итожить.

Не для славы, не для денег,
Чтоб кому-то стало легче.
Говорят: «Поэт – бездельник!»
Но ведь слово правды лечит.

Да не всем оно по нраву,
А уж горькое тем паче.
Быть поэтом – это право
Говорить, смеясь и плача;

Быть ответственным за слово,
Душу рвать, а не рубаху,
И все время быть готовым
За него пойти на плаху.

13 февраля 2025 г.

****

Ни музы, ни вина…
Какое ж вдохновенье?..
В душе тоска одна.
Нет, вру. Вдвоем с терпеньем,

Ведут свой давний спор –
Кто ж все-таки сильнее?..
А я иду во двор,
От воздуха пьянею.

Вот и пришла весна,
Щебечет мне: «Работай!
Не время, брат, для сна –
Садовник ты иль кто там?..

В саду рука твоя
Легка, как птичья стая…»
И снова вижу я:
Терпенье побеждает.

8 марта 2025 г.

****

Бывают дни, когда не до стихов…
Ни до каких, хоть самых гениальных…
Всю ночь не спишь до третьих петухов
И думаешь о горьком и печальном.

Мысль мучает: «Не спас, не уберег…
Не уберег ни Родину, ни сына…»
Из песни вспомнишь вдруг одну из строк,
Звучит: «Судьба и Родина едины!..»

И, кажется, терпимей стала боль.
На помощь вновь услужливая память
Спешит: «А сыновья уходят в бой…»
И веришь, не истлело наше знамя.

Апрель 2025 г.

ГОЛОС ВО СНЕ

Остаток дней ты проживи в тиши
Без гневных строк, без слез и суеты.
Свет золотой излей-ка из души
На белый лист, попробуй, напиши
О мягкой силе Божьей красоты.
Заря такая – глаз не отвести!..
Сумей ее запечатлеть в стихах.
А Бог все сыплет, сыплет из горсти –
Цветенья хмель, броди, вскипай, лети…
И все цветет в полях, лугах, садах…

Мир обомлел от этой красоты…
Но как продлить очарованья миг?
От созерцанья не устанешь ты,
Лишь станут твои помыслы чисты,
И ты за всем увидишь Божий лик.

Простые расцветут карандаши –
Жужжи пчелой, пей их нектар, пиши!

Апрель 2025 г.

****

Давай я боль твою заговорю,
Мои слова настояны на травах,
На вещих снах и солнечных дубравах,
К ним подмешал я вешнюю зарю.

Я все твои тревоги зашепчу,
Пусть слово утолит твои печали,
И пусть стекает лунными ночами
Лишь светлый сон по бледному лучу.

Моя молитва будет горяча,
И боль твоя в тебе и мне растает,
Откроется нам истина простая:
«Молись, душа, пока горит свеча!»

2 мая 2025 г.

****

…А я, Мой Бог, еще не догорел,
Еще пою, еще смеюсь и плачу…
Ты щедр ко мне, Мой Бог, а это значит –
Ты за последний не зовешь предел.

Даешь мне надышаться до конца,
Боль дотерпеть, испить
до донца радость…
И лишь потом по мостику из радуг
Прийти к Тебе – в объятия Отца.

4 июня 2025 г.

****

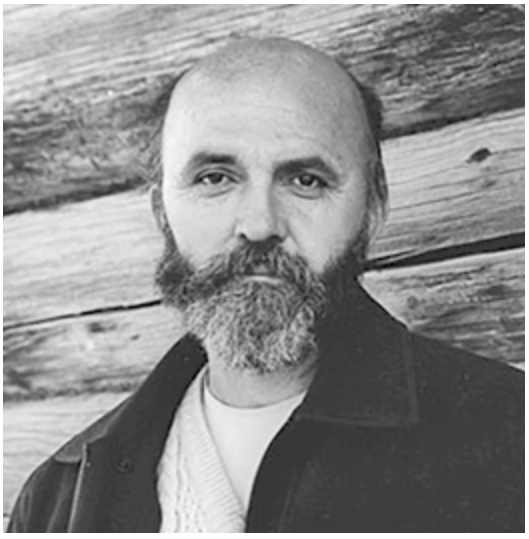
Как выйти из этого круга,
Где нет нам покоя и сна?..
Мы жизнь отравляем друг другу,
И пьем ту отраву до дна.

Взрываешься ты, словно порох,
Уперт я – трави, не трави…
Стихи вырастают из ссоры,
А помнишь? Росли из любви.

И каждый росточек был светел.
А как они ярко цвели!
Сорвал их безжалостный ветер,
И вот засыхают в пыли.

Погаснет закатное пламя,
И снова – бессонная ночь…
И ангелы кружат над нами,
Пытаясь нам как-то помочь… ■

Июль 2025 г.

Архив Николая Зиновьева

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Родился в 1960 году в станице Кореновской Краснодарского края. Поэт, член Союза писателей России. Классик современной русской литературы. Лауреат Патриаршей и Большой литературной премий России, Бунинской премии, Международного конкурса газеты «Литературная Россия». Живёт в Кореновске.

«МЫ ВСЁ Ж СУМЕЛИ НЕ УПАСТЬ»

ЖЕНЕ

Я к тебе подхожу, как к Причастью,
Когда горько душе и темно.
Для меня, недотепы, не частью,
А всей жизнью ты стала давно.

Твоя кисть так тепла и прохладна,
Что споткнется слегка на бегу
Мое сердце. А ты мне: «Ну ладно,
А то я и заплакать могу».

РОМАНС

Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.
Н. Гумилев

Прошу тебя, не плачь, родная,
Поверь, я чудо сотворю:
Всю выпью, милая, до дна я
Свою печаль и грусть твою.

На нас нередко поднимала
Свои глаза земная страсть,
Но в пропасть падая устало,
Мы все ж сумели не упасть.

Утри, родная, свои слезы,
Мы вновь с тобой отыщем их:
Благоухающие розы
И соловьев, как мы, живых.

***

«Ретроград. Косноязычен.
Нет мелодии стиха».
Лишь бы не был безразличен,
Остальное – чепуха.

Пусть цветами не встречают,
Не сажают в первый ряд.
Страх – когда не замечают,
Ничего не говорят.

***

Сергею Зубареву

В мире торга и бездушья
Все мельчает, старина.
Только пушкинская кружка,
Сколь ни пей, всегда полна.

***

Когда я злом обезоружен,
И сердцу страшно от грехов,
Ко мне приходит в гости Юшин
Волшебным томиком стихов.

ИЗ ДЕТСТВА

Я бегал за бабочкой с веткой,
И вот, наконец, ее сбил,
А если быть проще: убил,
Подумав, какой же я меткий…

…Теперь же в руках моих лира,
Пою про сияние дня,
И смотрят все бабочки мира
С упреком немым на меня.

ВОПРОС

Прекрасен Божий мир, но все же
И обезбоженный мир есть,
И он не где-нибудь, а здесь,
Мы в двух мирах живем, похоже.

Но как нам жить в таком разладе,
Как разделить вино и яд
В одном бокале?! Бога ради,
Ответьте мне. Но все молчат…

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Кто пятилетний не дружен
С теплым объятьем реки?
Все головастики в луже
Тоже мои земляки.

Пахну я солнцем и потом,
Мятой и теплой водой.
Господи Боже мой, вот он,
Сказочный век золотой…

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Ты мне казалась божеством,
Когда в глаза мои глядела.
Ты мне казалась торжеством
Души своей над моим телом.
Я слышал, как струится кровь

Под ослепительною кожей.
Я в ноги был упасть готов,
И ты была готова тоже.

А парк опавшею листвой
Шуршал таинственно чуть слышно,
А я подумал: «Все, я твой».
И как подумал, так и вышло.

***

Утки летят над станицей,
Смотрят, наверное, вниз,
Как там мужик бледнолицый
Красит зеленым карниз.

Вот прицепиться бы к уткам,
И на юга, не спеша.
Господи, вновь над рассудком
Власть забирает душа.

ПОДРОСТКИ

Они кормили голубей,
Потом катались в лодке зыбкой.
Он рыцарем казался ей,
Она была его улыбкой.

Шептал мне ангел мой: «Взгляни,
Как они трепетно неловки!»
Кто знал, что к вечеру они
Умрут от передозировки…

И вот без них закат горит,
Уже без них пылит дорога,
И мне мой ангел говорит:
«Все в мире сущее – от Бога».

РОМАНС

Живут и властвуют соблазны
В существовании моем.
О, как они однообразны
В разнообразии своем.

Давно пора уже бороться,
Чтоб ни винить потом судьбу,
Но все никак не соберется
Моя душа вступить в борьбу.

Что делать с нею, я не знаю?
Как лень ее мне превозмочь?
И я поэтому дерзаю
Просить Создателя помочь.

***

В потаенных глубинах души
Никогда не бывает заката.
Там стоит наша старая хата,
И нетленно шумят камыши.
Все нетленно там: речка и лес,

Там мой дед в сорок третьем убитый,
Сенокос начинает с молитвы,
И «добро» получает с небес…

***

Не вспашешь поле без огреха,
Паши хоть час, хоть год, хоть век,
Не потому, что неумеха,
А потому, что – человек.

***

Мне на плечи кидается
век-волкодав.
О. Мандельштам

Шагает жизнь своей дорогой,
Я ей стараюсь не мешать,
Но невозможно не дышать
Разлитой в воздухе тревогой.

Быть может, дальше будет легче,
Ты лишь на красное не ставь,
Чтоб вновь не кинулся на плечи
Тебе тот самый волкодав…

ПОДРОСТКИ

Плывут над рекою
Тумана слои,
И вечность мне дарит
Мгновенья свои.

Я бражною кружкой
В корчагу нырну:
«Будь здрава, старушка,
Потом все верну.

Другому подаришь
Мгновенья свои».
Плывут над рекою
Тумана слои…

***

И звезда с звездою говорит.
М. Лермонтов

Две звезды судачили привычно:
– Как там люди? Мир у них и лад?
– Не поверишь, люди, как обычно,
Строят рай, а выйдет сущий ад.

СОЗЕРЦАНИЕ

Сижу на лавке сиротливо
С тоской, подругою своей.

В саду то яблоко, то слива
На землю падают с ветвей.

Ворона с дерева слетела,
Прошел подвыпивший сосед.
И никому из них нет дела:
Поэт я или не поэт…

В каком варюсь я адском круге,
Кто сыплет мне стекло в кровать?
Но и тоске, моей подруге,
На это тоже наплевать.

***

Никак, увы, не удается,
Не помню, сколько лет уже,
Изжить того, кто так смеется
Зло-издевательски в душе.

Кто из нее всю радость выжег,
Теперь стоит в ней полумгла.
Я написал немало книжек,
Но ни одна не помогла.

Хоть кто-нибудь, ну помогите
Вернуть душе моей покой.
А если нет, то берегите
Себя от участи такой.

***

Вспоминаю лето, детство,
В палисаднике цветы,
Никуда душе не деться
От их яркой красоты.

Что, душа, творилось с нами?
Почему текла слеза?..
Смог понять я лишь с годами:
Это сам Господь цветами
Нам с тобой смотрел в глаза.

В ПОДВАЛЕ

Всегда здесь сыро, но не зябко,
И по поверхности стены
Ползет какая-то козявка
Из той заветной старины,

Когда мне было лет семь-восемь,
А грусти не было следа,
Все, чем была богата осень,
На зиму прятали сюда.

О, годы детства! Столько света,
Что до сих пор от жизни той
Светло душе, ну а от этой…
От этой веет пустотой. ■

Архив Марины Рыбкиной

МАРИНА РЫБКИНА

Родилась в 1964 году в городе Новороссийске. Значительную часть жизни провела на Урале, где началась ее профессиональная деятельность. В родной город вернулась в 1996 году. До 2020 года работала в газете «Новороссийский рабочий». Имеет звание «Заслуженный журналист Кубани».

Автор сборника стихов и лирических подборок в литературных альманахах. Живёт в Новороссийске.

«ЕСЛИ ТЫ ЕЩЁ МОЖЕШЬ СЛЫШАТЬ...»

УЛИТКИ

Сегодня, я не знаю, почему,
Дождит из глаз. Купаясь в стылых лужах,
Мой город погружается во тьму,
Радаром фонарей не обнаружен.

Так на моей окраине темно,
В домах еще не зажигали окон.
Вдоль улицы моей проволокло
Промокший холст из дождевых волокон.

Забил ливневку этот смятый холст,
Кружится лист в ее водовороте,
Улитки виноградные из хост
Изъеденных повыползали. Вроде

Природа рада этому дождю.
Но соляных следов в моих подглазьях
Природы я сегодня не пойму.
Опять плутаю в дебрях непролазных

Своей тоски. Какую-то вину
Опять я чувствую. Но перед кем, не знаю.
И в эту боль сердечную, во мглу,
Я, как улитка, медленно вползаю.

МАЗЬ ВИШНЕВСКОГО

Кому я вру! Ведь ты возник случайно –
Из марева вечернего перрона,
Из толщи слез, из моего отчаяния
И из непоправимого урона,
Нам нанесенного (одним прощальным взмахом)
Уехавшим тогда бесповоротно
И вскоре обернувшегося прахом.

Он ехал, проницал безвестных станций
Тьму заоконную; подрагивая мерно,
Вагон качал его, качал – и с верхней полки
Свисала неиструженная кисть,
Не знавшая иного инструмента,
Как шариковой ручки шестигранник
Или патрон бумажный папиросы,

Про шестиструнку вспоминать не станем,
Он струны мастер был порвать известный
Доверившейся брошенной души.
Твоей, конечно. И моей, понятно.
Натянутых от этого перрона
До станции прибытия, звеневших
И лопнувших в районе Сортировки.

И завитки оборванных двух струн –
Допустим, «ми» твоей, моей – повыше –
Сцепились в стылом воздухе осеннем
И будто плоскогубцами замкнулись
В пять завитков шипастых на колючке
Волос из стали низкоуглеродной,
Обвившей тесно города пространство,

Чтоб нам не сметь и думать о побеге,
В периметре остаться и впаяться
Друг в друга и погоней не тревожить
Того, кто уезжал бесповоротно,
Навстречу скорой незакатной славе,
Которую, известно, покупают
Одной ценой. Навстречу скорой смерти.

Любовью ли назвать тоску перрона,
Лютующую, липшую к подошвам,
Лудившую открывшиеся раны?
Любовь ли ложью застилала ложе
И холодила сквозняками спины,
Опасно обращенные к дверям,
Тогда как лиц заплаканные окна

Светили тускло в непроглядность ночи,
Доросшей до шестого этажа,
Куда не досягали ни витрины,
Ни фары, ни фонарные столбы,
И до чего не нисходили звезды,
Ни стробоскопы гулких самолетов –
Гирляндами ночных авиарейсов.

И вот – любовь, кофейный суррогат
В титанах булочных. Спешащим к первой паре
Заменит он французский поцелуй,
Язык во рту и мертвого поднимет –
Как кофе обжигающий глоток
Взведет на эшафот седого дня,
Возжаждавшего свежей юной крови.

Любовь. Чужая лайба на штанах,
В цеху подпольном сшитых самостроках.
Любовь. В бутыль залитый самогон,
Окрашенный корою из аптеки.
Подделка смерти. Смерти псевдоним.
Пустое слово. Просто карамелька.
А он уехал.
Пластырь друг для друга –
Вот кто мы.
Мазь Вишневского на ранах.

ЕСЛИ СЛЫШИШЬ

Если ты еще можешь слышать –
сквозь толщу почв,
Сквозь доски сосновой глухую дверь,
Сквозь гуденье соков земли, сквозь ночь,
Я шепчу тебе из глубины потерь,

Я кричу тебе в рупор оглохших лет,
Я ору в динамик пустой мольбы,
Не надеясь хотя бы на звук в ответ,
Ты и прежде не словоохотлив был.

Потому что и я – из упрямства ли, от обид –
Не сложила две гласные: «ю» да «ю».
Но во мне проросло из слез, точно сталагмит,
Это слово, тебе его отдаю.

Если ты еще можешь слышать, прими, молю,
Опоздавшее – да, на целую жизнь –
Трудно выращенное мое «люблю».

Подскажи мне, куда отправить: в высь, вниз?

ХУРМА

День был тихий. Скорее, притихший.
Затаившийся, в общем-то, день.
Даже ветром не било по крыше
И по стенам не шастала тень.

Не гремели под ветром заборы
Металлическим звонким листом.
Будто дни новогодья не скоры
И отложен январь на потом.

В сером воздухе серые звуки
Осыпались обдирной мукой.
Словно сеяли тихие руки
Через мелкое сито покой.

В переулках привычно дремотно,
Непривычно дорога пуста.
Без движения, будто примотан,
Старый пес у сухого куста.

А деревья стояли по струнке,
Строго в сером, тянулись во фрунт.
Лишь алел на подсушенном грунте
Каблуками раздавленный фрукт.

НОЯБРЬСКИЕ ЛИСТЬЯ

Жужжание осы над столиком садовым,
Где стынет сладкий сок разлитой сангрии,
Осенний сонный день невысказанным словом
Спускается, смеясь, в окраины мои.

Уже ноябрь. Ноябрь? Как быстро! Неужели?
Ужалит мысль: подкручены часы.
В саду поскрипывают старые качели,
Украшенные радугой росы.

И жухлый лист висит,
с своим недавним домом
Напрасно силясь пуповину оборвать.
Ему бы прочь, в изжитое влекомым,
Ему бы в лето, в юношество, вспять.
Но оловом сверкает, как солдатик,
Под редким разленившимся лучом.
Он мужества пока что не утратил.

Лети со мною плакать ни о чем! ■

Архив Елены Колесниковой

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

Родилась в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского госпедуниверситета. Публиковалась в журналах «Родная Кубань», «Подъём»,«Берега», «Сура» и других СМИ.
Лауреат литературных премий. Живёт в Воронеже.

«ГРОЗОВЫЕ ПСАЛМЫ»

****

«Готово сердце мое, Боже,
готово сердце мое:
воспою и пою во славе моей»
(псалом 107 Давида)

В молчание, обнявшее сады,
Упал и канул возглас соловьиный,
Как солнца уходящего чисты
Последние прохладные разливы.

Поющее сомыслие ветвей,
Янтарных трав и неба золотого...
И слышится прозрачней и ясней –
Уже земля вечерняя готова.

Полупарящих ирисов горит
В сияющей тени шестокрылатость,
Мгновенье – и расплещется вдали
На этот день отпущенная радость.

Вдали, в глуби ночной, но не во мне,
Ее ничто во мне не потревожит,
И голос мой сомысленен земле –
Уже готово сердце, Боже...

****

Гвоздочком небо креплено к земле
С блестцой алмазной – ткачество ночное,
Бесшовно-богородичного кроя,
Нездешнего, творимого извне,

Из вышних, и откуда это ей,*
Что к ней весна пришла, иных претише,
В цветущей славе сухоруких вишен,
В кипенье белом девственных кровей

Пречистых, и откуда это ей –
Земле – не мир, но меч, и ветер шало
Свежует нежнорунные отары
Едва пушком поросших тополей...

И будет так – взардеет, полыхнет,
Взыграет гром в пресинем недре душном,
И грозное оружие пройдет
Ее несокрушаемую душу...

** «И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» – приветствие праведной Елисаветы.*

ПАВШИМ

На крышу обрушена, будто на плаху,
Дрожала, не сразу притихнув, листвой...
Березовой кровью удушливо пахло
И праведно-гневно пролитой грозой.

И павших своих – в три погибели согнут –
Оплакивал древний безлистый старик.
И глух был воды утоляющий рокот
И птицы – о жизни воскреснувшей – крик.
«Придите, – взывала она, – поклонимся!» –*
Иным же нескоро подняться с земли,
А где-то рассветы румянили выси,
Краснея, закаты беспечно цвели.

А здесь белостволья разодраны руна,
От плоти безвинной преломлена плоть,
Но попрана смерть, но навеки уснула,
Когда пробуждался навеки Господь.

ГРОЗА

Бывает так – в разгарище весны,
Смирив разбушевавшееся солнце,
Сорвется дух прохлады с вышины,
И, с ветром спевшись, в мутный гул сольется,
Дробя на брызги лиственный прибой,
Свирепясь на изрыв, до исступленья.
И не на жизнь, а насмерть вспыхнет бой
Для чистых воском светочей весенних.

Развеяв в клочья ладаннейший дым,
Все тянут души и стягом за небо,
И мне б, многовиновной, а не им,
Стоять под изливающимся гневом
И слышать, как в немеющих ветвях
Лютует дождь, безжалостный и хлесткий,
*И крутят ветра крепнущего слетки***
Цветков невинных палый полупрах...

В ПОЛЕ

Дом травой по ставенки затоплен,
Жизнь вошла в последний свой предел.
Тесно в поле от лохматых копен –
Час жнитва нелегкого приспел.

Через край – ромашковая накипь –
Дух июля терпок и горяч,
Зонтики поникли пастернака
Под дождя животворящий плач.

Заполночь – разверзнутого неба
Звездами уставленный канун,
Тихий ропот зреющего хлеба,
Тучи наползающий колтун...

Звонки полновесные амбарцы
Солнечных колосьев в темноте.
Эх, успеть бы до жилья добраться
По затишной этой пустоте.

Голубыми звякает серпами
В черных тучах скрывшаяся смерть.
– Господи, не рано ли за нами,
Дай жнитву зеленому дозреть.

---

* *«Приидите, поклонимся...» – одно из вводных стихословий пасхальной полунощницы.*

** *Слетки – у охотников: молодая птица, только что начавшая вылетать из гнезда.*

***

*Когда вовсю начал*ует весна –
Взволнованно, шумливо, откровенно,
И стлев, приопадает пелена
С ее высоких тайн неимоверных,
Когда уходит в тень небытия
Затянутая холодностью нецветь,
И солнцу с полусонного ранья
Обильно небо велено рассветить.

Когда по воле, данной ей одной,
Забывшись, распояшется ручьями,
Бывает вдруг за ломкой тишиной
Настанет миг, печальностью нечаян.

И все когда-то жившее давно,
Всей ветра грудью взрыдывая тонко,
Всей тяжью туч и болью неземной*
Прильнется к ныне дышащим потомкам.

И стоят всей мистерии весны,
Сверканий дней и звезд певучих самых –
Зародышки фиалок у стены,
Горючими вспоенные слезами...

***

И вновь большой весенний взрыв,
И ветер, судорожно взвыв,
В окно все ломится и стонет,
И дом в тягучем гуле тонет.
Молочно-белый набрызг звезд
Замазан густо амальгамой,
И древней нисходящей гаммой
Звучит гроза, и синий хвост

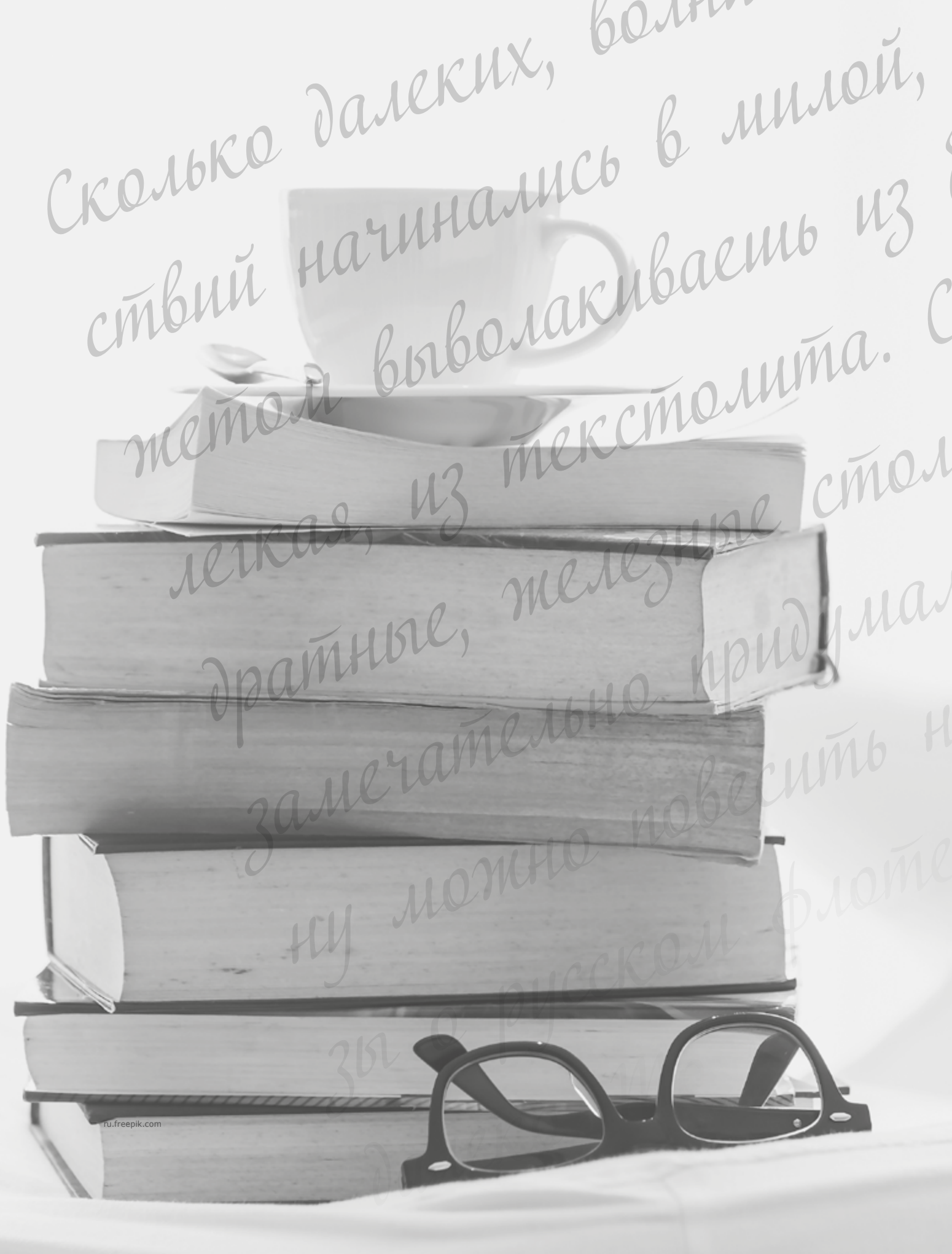
Ее то в плеске светлом тает,
То пышным веером пылает.
И пыль, и дым, и свет столбом!
И заплутавший стриж серпом

Крыла срезает сноп лиловый,
И под стреху – давно пора –
Полило, будто из ведра!
Засвечен, вздрогнул лес сосновый,

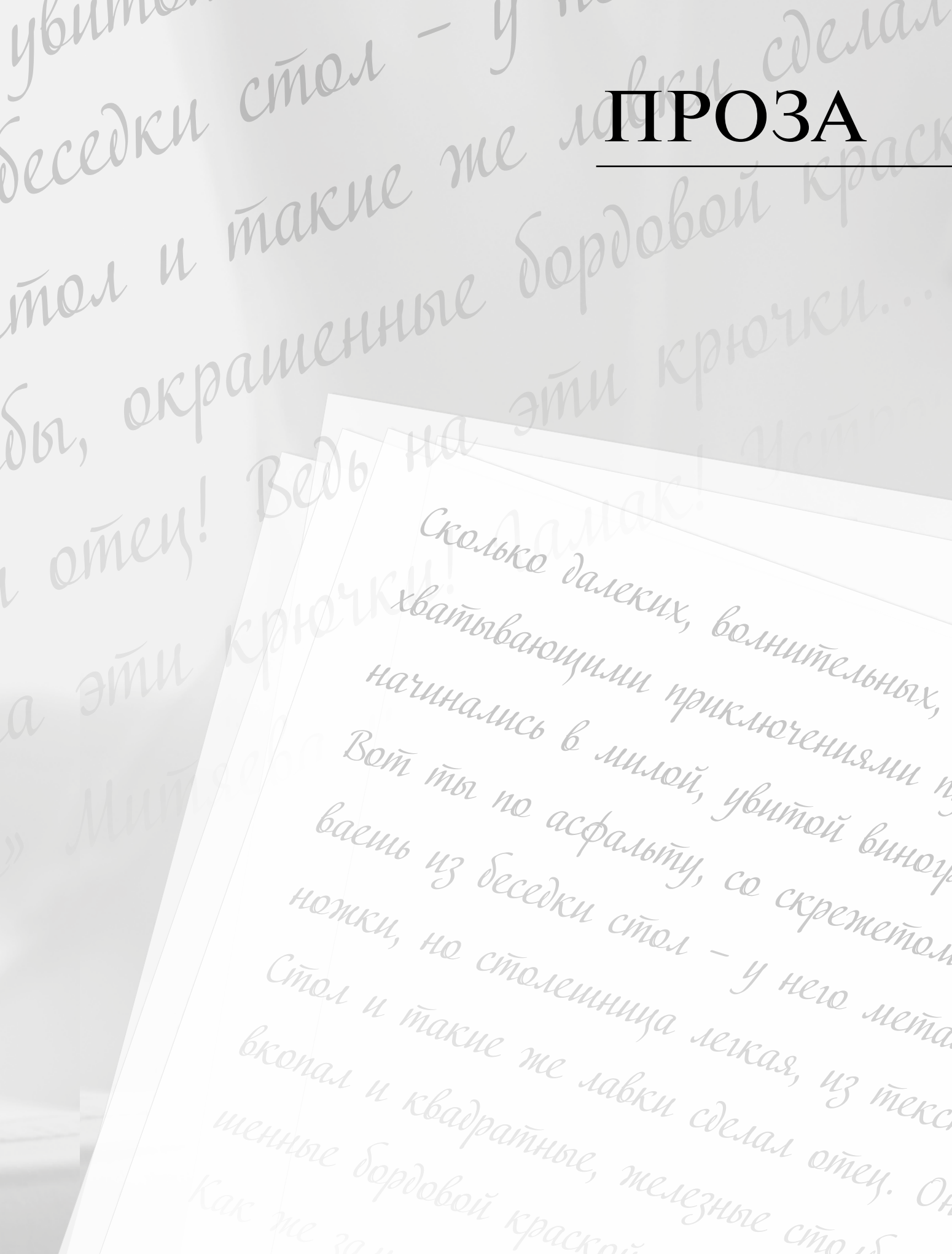
И молний огненный аршин
До заполошенных рябин
Все ходит-мерит – широко ли
Водой затопленное поле.

Из ничего – весенний взрыв,
И окна наглухо закрыв,
Забыв молитвы, что есть силы,
Все шепчешь: «Господи, помилуй...» ■

* *Тяжь – грубая льняная домотканая материя*

ru.freepik.com

ПРОЗА

Архив Виктора Озерского

ВИКТОР ОЗЕРСКИЙ

Родился в 1956 году на Кубани.
В 1978 году окончил филфак КубГУ.
С середины 80-х начал печататься
в местных и региональных СМИ.
Автор книг «Правители России
от Рюрика до Путина», «Статс-секретарь
Н. В. Гулькевич», «Перед концом света».
Лауреат литературных конкурсов.
Живёт в городе Гулькевичи.

МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ ТКАЧЁВА

Историческая повесть
(продолжение)

4. ФЛЮИДЫ ЛЮБВИ

Жизнь в гарнизоне текла привычным своим чередом: гимнастика, уставная зубрежка, строевые занятия, конный проезд, по средам и субботам стрельба, чистка оружия и прочие бытовые мелочи. В общем, сплошная муштровка, отработка приемов и навыков до автоматизма – все, что положено в армейских буднях.

Есаул Бородин, временно исполнявший обязанности командира батареи вместо заболевшего полковника Пелля, был доволен, как грамотно прикомандированный хорунжий приручал его артиллеристов к безоткатным трехдюймовкам. Правда, ему не нравилась излишняя лояльность молодого офицера к нижним чинам, да и в последнее время он стал подмечать какую-то отрешенность, нервозность в поведении хорунжего, поэтому решил поговорить с ним по душам.

Петр Карлович Пелль – грузный вояка с громоподобным басом, порой заглушавшим орудийные раскаты, кичился тем, что еще тридцать лет назад успел понюхать пороху на Балканах. Однако по всему было видно: новый артиллерийский устав ему давался с трудом, а уходить со службы не хотелось. Да и прежний боевой опыт не был по достоинству оценен на последних сарыкамышских стрельбах, после которых из-за жесткого разноса, полученного от командира дивизиона, он не сумел оправиться. Часто болел. Поэтому основной груз по командованию батареей лег на с виду мешковатого неповоротливого есаула Бородина.

Андрей Данилович, в отличие от полковника, не имел громоподобного голоса, но обладал природной казачьей хитростью. Был в его воспитательном арсенале такой галантный прием: вызывать подчинявшегося ему молодого офицера к себе домой с докладом, после чего приглашать к столу – отобедать вместе с семьей командира. Батарейные остряки шутили по этому поводу: есаул, мол, очередному кандидату смотрины устраивает.

На такие смотрины и был приглашен Ткачев во второй декаде октября. Данилов принял его в небольшой зальной комнате, где, помимо круглого стола с тремя стульями, хозяева смогли втиснуть лишь диван да буфет. Из кухни доносились женские голоса, и сквозь щели дверной занавески пробивался резкий запах шкварчащего на сковородке лука.

– Ну, что скажешь, хорунжий, смогут теперь наши казаки утереть нос второй батарее? – по-отечески благожелательно начал разговор Бородин, вальяжно развалившись на диване и лукаво глядя в глаза сидевшему напротив него через стол Ткачеву.

– Трудно сказать, Андрей Данилович, но пока точно не готовы, – ответил молодой артиллерист, растирая пальцами колючие луковые слезы.

– А к весне успеют подготовиться?

– Будем стараться!

– Ну, вы уж постарайтесь! Постарайтесь, голубчик! – протяжным голосом, как бы обволакивая любезностью, попросил Бородин и следом в галоп, замкнув запястья на своем плешивом затылке, резко спросил:

– От меня помощь нужна?

– Никак нет! – отвечал хорунжий четко, без лишних слов, в то же время мозг его работал сосредоточенно в попытке разобраться, куда клонит командир и чем вызвана столь неформальная беседа.

– Ничего другого я не ожидал услышать, Вячеслав Матвеевич, – продолжал есаул окучивать Ткачева. – Метко в цель снаряды запускать по крутой траектории у вас получается получше нашего. Конечно, грамотешки вы побольше имеете. Поэтому, согласитесь, потихоньку по за углами посмеиваетесь над нами, стариками, и готовы хоть сегодня отправить в отставку.

Хорунжий попытался было возразить, но Бородин,

голосом усилив тон, не позволил ему, пока не выразил мысль до конца:

– Мы это тоже все проходили и тоже шишки набивали. Однако поверьте моему опыту, старый конь борозды не портит, и послушайте совета: «С рядовым составом нужно соблюдать дистанцию, вести себя построже».

– Согласен с вами, Андрей Данилович! Стараюсь этому следовать. Правда, пока не всегда получается. Они же мои годки. В одно время, как говорится, голубей гоняли.

– Вы уж постарайтесь! Постарайтесь! – второй раз, но уже с насмешкой, повторил есаул. – А то панибратство ни до чего хорошего не доведет! И никаких стихов им читать не надо!

Бородин, кряхтя, оперся руками о стол, поднялся с дивана, подошел к буфету, взял оттуда томик Пушкина и бросил на скатерть перед хорунжим. Теперь голос его зазвучал строго, с претензией:

– Вот, в казарме намедни забыли. Амуры, видно, в голове витают! Я понимаю, дело молодое! Но подчиненным чтобы больше мозги не забивали! Честь казаку, когда конь напоен и шашка наточена, а у нас, артиллеристов, и пушка всегда должна быть готова к бою!

На кухне позвякивала посуда. На смену ранее доносившимся оттуда резким запахам аппетитный аромат приятно щекотал нос. Из-за занавески выглянуло миловидное лицо с лучистыми, как у Нади, глазами, уголки которых сверкнули, будто льдинки в отблесках солнца. Это была жена есаула. После ее слов «Обед готов, Андрей Данилович!» Ткачев решительно поднялся со стула, коротким кивком головы поприветствовал привлекательную, хотя, видно, перешагнувшую бальзаковский возраст, женщину и одновременно дал понять, что готов срочно удалиться, дабы своим присутствием не помешать семейной трапезе. Но стоявший сзади Бородин положил ему руки на плечи и с силой усадил на место.

– От нас с пустым животом не уходят, Вячеслав Матвеевич! – произнес он вновь приобретшим любезность голосом. – Сейчас будем потчевать вас французской кухней. Супом, кхе-кхе... так сказать, с лягушками... Ммм-а, – есаул от предвкушения удовольствия смачно причмокнул языком – пальчики оближешь! Маруся, доченька моя, готовила. На курином бульоне, с обжаренным лучком и морковочкой.

И пока женщины не закончили колдовать на кухне, есаул, опять усевшись на диван, продолжил нахваливать свою любимицу, совсем не похожую на мать, – полногрудую жирноволосую девицу лет двадцати.

– Маруся, убери Пушкина на буфет. А то поэт будет отвлекать хорунжего своей близостью. Кхе-кхе... – приказал отец и, взглянув на Ткачева, тут же переключился на доверительный тон. – Я по поводу вреда рассеянности, Вячеслав Матвеевич, хочу вам рассказать про реальный случай, который произошел в Полтавском полку полтора десятка лет тому назад. Штаб у них тогда располагался в Эривани, а подразделения разбросали по разным поселениям.

Был у командира полка переводчик. Грузин по национальности. Горячий кавказский парень такой! И влюбился он в одну местную красавицу. Совсем покой потерял. Всюду она ему мерещилась. А тут как раз объявили общий сбор, и кермечатахскому старшине поступило предписание – доставить казачью часть в летний лагерь в Кинакиры. Каково же было возмущение командира части при виде местных крестьян, которые стали сходиться к нему со свирелями в руках. Оказывается, сей грузин, когда переводил предписание, услышал музыку за окном, размечтался о чем-то своем и указал вместо 54 повозок 54 свирели. Кхе-кхе... Вот какие казусы случаются из-за амуров!

Вскоре за обедом Ткачеву окончательно стало ясно, куда клонит есаул. Правда, для приличия тот выдержал небольшую паузу. Запихнул сваренное в ароматном бульоне тесто в рот и, приплямкивая от удовольствия губами, искоса прощупывал взглядом настрой молодого офицера.

Суп действительно оказался вкусным. Только был он никакой не французский, а настоящий кубанский – с галушками. Просто Маруся в детстве это слово не выговаривала, поэтому называла галушки лягушками.

– Ну что, нравится? – поинтересовался Бородин, довольный результатом своего наблюдения.

– Да, очень. Давно не пробовал такого, – похвалил хорунжий и для большей достоверности прибавил: – Как у моей матушки. Домашний.

– Вот-вот. И я о том же, – назидательно изрек есаул. – Для офицера важно, чтобы дома у него был тыл надежный, ждала верная супруга. Тогда не будет он ни в каких

в эмпиреях витать, борделями пользоваться и страдать от «стыдных» болезней. Да вы, Вячеслав Матвеевич, и сами все разумеете. Пади, взрослый парубок. Который вам год?

– Двадцать третий пошел, Андрей Данилович.

– Хорошо. Очень хорошо. Пора уже о семье подумывать. Невесту подыскать благопристойную. Мы с Верой Васильевной поженились аккурат, как я в этот возраст вошел. Сразу после Михайловского училища был выпущен хорунжим в Первую Терскую казачью батарею. Отец ее, Василий Никитич, светлая ему память, есаулом там служил. То, что Верочка – офицерская дочь, нам пришлось на руку: реверсные обязательства составили половину суммы. Когда через пять лет залог возвратили, мы решили деньги эти не тратить. Приберечь Марусеньке на свадьбу. Вдруг тоже за офицера замуж пойдет, а реверс уже готов.

– А как иначе? Вся наша жизнь в гарнизонах, – приветливо блеснув хорунжему глазами, вступила в разговор Вера Васильевна и в знак солидарности с мужем согласно закивала головой.

То ли от ее улыбки, то ли еще отчего, но в этот момент Ткачеву вдруг вспомнился душный июльский день, сарыкамышская читальня и грустный возглас подпоручика Садовникова: «Скучаю по ней, брат! Сильно скучаю! В Тифлис хочу...»

Сидя сбоку, опытная женщина не могла не заметить, как искривилось лицо хорунжего после ее слов, а тот с горькой усмешкой мысленно дополнил фразу подпоручика: «Хочу... к Надежде с надеждой...»

Возвращаясь от Бородина в гостиницу, Ткачев встретил возле плаца вахмистра Чередниченко, пышущего здоровьем, известного на всю батарею ловеласа, который лихо отдал честь и тут же, осклабившись в сальной улыбке, не преминул поинтересоваться:

– Как вам дочка есаула, господин хорунжий? Понравилась?

– Да-да, – рассеянно отозвался офицер, проходя мимо. Однако произнесенные следом слова вахмистра насчет того, что Ткачева ищет Клавдия Потаповна, заставили его остановиться и изменить направление движения.

Подъесаулша передала ему письмо из Тифлиса.

Попробуй не поверь после этого силам небесным, которые способны направлять токи душевной энергии на расстояния. Казалось, ничего не предвещало весточки от Нади. Она уехала внезапно, оставив его наедине со своими тревогами и ожиданиями неизвестности.

Первым желанием было кинуться за ней сломя голову, невзирая ни на какие последствия. Но куда ехать? Он не знал ни адреса, ни фамилии родителей. Да и потом, что он будет говорить при встрече?

Вскоре спонтанный порыв сменился другими мыслями: «Она ничего не сказала, значит, я ей случайный, совершенно чужой человек. У нее есть свои интересы, свои пристрастия. В ее душе нет места для меня. И как бы тяжко ни было, с этим надо смириться и продолжать жить...»

Тогда почему сегодня во время обеда у есаула, когда в Кинакиры доставили почту, его что-то торкнуло, заставило встрепенуться, снова вернуть в сердце надежду?

Флюиды, сударь, флюиды!

Ткачев распечатал конверт в гостиничном номере, едва затворив за собой дверь.

«Дорогой Вячеслав Матвеевич! Не удивляйтесь, пожалуйста, моему письму. Я раньше сама никогда не могла представить ничего подобного. Но коли нынче случилось, значит, сильно (зачеркнуто слово “сильно”) очень скучаю по этому человеку, – пробежал он глазами первые строчки и далее, чуть справившись с неумеренным сердцебиением, продолжил чтение. – Для себя я окончательно решила, что никогда не вернусь в Кинакиры. Лишь об одном сожалею, что больше не увижу вас.

Сейчас я пишу, а передо мной на столе крохотный ангелочек – ваш рождественский подарок. И в памяти всплывают шумные веселые Святки, хрустально-морозный Сарыкамыш, ваши заиндевелые усы на строгом лице и дерзкое, но трогательное предложение руки (зачеркнуто слово “руки”) выйти за вас замуж.

Конечно, это было нереально тогда, да и теперь ничего нельзя поправить, несмотря на то, что я сбежала от мужа.

Вы умны, молоды и красивы. Любая девушка сочтет за счастье стать вашей супругой. Я же “за ошибки молодости” буду расплачиваться сама, так как не желаю вам неприятностей по службе.

Офицерское собрание никогда не одобрит вашего

решения жениться на разведенной женщине, и из-за непристойности брака меня больше не примут в “общество полковых дам”.

Жалею ли я об этом? И да, и нет! Нет, потому что, слава Богу, скинула тяжкий груз с души – жить с нелюбимым человеком. Говорят, что браки совершаются на небесах и принадлежат ведомству церковному, поскольку они есть таинство. Но, видимо, насчет меня и Яновского в небесной канцелярии (извините за богохульство) ошибка вышла. И это, увы, невозможно поправить...

А вы (помните, Клавдия Потаповна сказала, и я с ней согласна) благородный человек. Поэтому желаю вам только счастья и продвижения по службе.

Прощайте и не поминайте, пожалуйста, лихом...»

Ткачев дважды перечитал письмо. Прилившая к голове кровь стучала в его висках в такт гулким шагам чьих-то сапог в безлюдном коридоре гостиницы. Видно, кто-то из офицеров после обеда возвращался в свою комнату.

– Надя, милая Надя! Ты все рассудила, все решила за меня... Ну нет уж...

Теперь он знал, как ее можно найти и что делать. Вскоре выхлопотал у есаула служебную командировку в Тифлис, где при штабе Кавказского корпуса находилась учебная команда артиллерийской бригады, и отправился туда...

После первой встречи последовали редкие невинные свидания, которые продолжались до лета. Образованные разлукой лакуны тянулись мучительно медленно. Но это были уже не затхлые беспросветные будни, а манящие предвкушения долгожданных встреч.

На службе его хвалили. Весенние стрельбы пятая батарея провела достойно, что ни для кого не явилось случайностью. В период своего четырехлетнего «артиллерийско-педагогического поприща» Ткачев от преподавателя в артбатарее дослужился до начальника учебной команды бригадного соединения. Инициативный, стратегически мыслящий офицер, он проводил обучение по новым, созданным им самим программам, используя неординарные подходы. Согласно Высочайшему Указу был произведен в сотники и награжден орденом Святого Станислава.

Его ждала блестящая артиллерийская карьера, но, к великому удивлению окружающих, что-то пошло не так. По-видимому, для молодого хорунжего переломным явился первый отпуск, проведенный летом 1908 года. Тогда Надя решила съездить к своим родственникам в Сочи, а у Вячеслава там жила сестра матери...

...Лет через тридцать после смерти Ткачева Влад Прибытков среди черновиков старого генерала найдет исписанный простым карандашом потускневший от времени лист и, с трудом разбирая полустершиеся буквы, прочтет его наброски к воспоминаниям о тех памятных днях.

«Здесь я тогда пережил счастливейший, самый романтический месяц в моей жизни (подобный которому, мне кажется, редко кому приходилось переживать), – писал Вячеслав Матвеевич. – Чудная, усыпанная розами июльская природа Сочи, убаюкивающая своими нежными всплесками, или будоражащее нервы бушующее море... И чары безумно любимой и горячо любящей, дышащей молодостью и красотой женщины, приковывающей к себе нежной лаской и глубиной своей духовной природы...

Удача сопровождала меня...»

Примечания.

1. Флюиды – *биотоки; внешне неощутимая энергия, передаваемая от человека к человеку.*

2. Пелль П. К. – *командир 5-й Кубанской казачьей конноартиллерийской батареи (1898–1908); участник Русско-турецкой войны 1877–78 гг.; полковник (1906); умер в 1908 г. в Кинакирах.*

3. Бородин А. Д. – *командир 5-й батареи (1908–1913); войсковой старшина (1908).*

4. Пятая Кубанская казачья батарея *по штату мирного времени (на шесть скорострельных трехдюймовых орудий) имела офицерский штаб (шесть чел.), 19 обер-офицеров, 136 казаков рядового состава (наводчики, бомбардиры, канониры) и 20 нижних чинов нестроевого состава (обозные казаки, писари, фельдшеры, шорники и т. д.). Кроме того, в конный состав батареи входило шесть лошадей для офицеров, 93 строевых лошади для нижних чинов и 53 упряжных – для орудий, зарядных ящиков и запасного лафета.*

5. Амур – *в римской мифологии бог любви, сын Венеры.*

6. Эмпиреи – *заоблачные страны, далекие от земли, земных интересов, мелочей и тревог.*

7. Вахмистр – *воинское звание обер-офицерского состава, соответствующее званию старшего сержанта Вооруженных сил РФ.*

8. Лакуна (лат.) – *пропуск, провал.*

5. ЕСТЬ КОНТАКТ!

Влад Прибытков вернулся в родительскую квартиру вскоре после смерти матери, в сентябре девяносто пятого. В Ростове ему больше делать было нечего.

Не такой представлял он раньше свою жизнь. Где-то далеко позади таяли в дымке воспоминаний студенческие весны, первые семейные радости, первые командировки по заданию редакции; потом, уже будучи завотделом, сам стал направлять в командировки. Нужно было «выдавать на-гора» материалы про подвиги советских тружеников... Закрутилось, завертелось... После девяносто первого возник новый запрос: на обломках прежнего Союза потребовалось славить «героев» капиталистического труда... Обрыдло все...

А начиналось со счастливого билета. Ленка тогда провалила экзамен по истории и вернулась домой. Его ждала та же участь. На первый вопрос о Пугачевском восстании он, запинаясь и перевирая факты, пытался отвечать по эпизодам, которые помнил из «Капитанской дочки».

– Плохо, молодой человек! Ни причин, ни итогов, ни исторического значения восстания вы по существу не назвали, – жестко оценила ответ одна из двух женщин, сидевших напротив Влада, и тем же металлическим голосом пригвоздила его окончательно. – Второй вопрос знаете?

– Ззз-наю, – срывающимся тоном промямлил Влад, в голове которого в тот момент зазияло все, как в «Черном квадрате» Малевича, – беспросветная пустота.

Неожиданно приоткрылась дверь, и в аудиторию крадущейся походкой вошел низкорослый, обрюзглый, в очках мужчина. Обе дамы тут же приосанились, увидев председателя приемной комиссии факультета. Склонив голову между темно-русыми шиньонами сидевших за экзаменаторским столом женщин, он шепотком задышал в ухо той, которая только что учинила строгую отповедь Владу:

– На предыдущих экзаменах произошел значительный отсев юношей, прошу вас отнестись к оставшимся полояльнее, если по другим предметам у них неплохие шансы на поступление.

Влад обладал отменным слухом и умел чутко улавливать тонкие вибрации среди окружавших его людей. Спасительная передышка, пока взрослые перешептывались, придала ему уверенности. К ответу на второй вопрос «Об ударных стройках первых пятилеток» он решил приступить, бросив в бой свою тяжелую артиллерию – заранее подобранные заготовки для сочинений на свободно-патриотические темы.

Турксиб, ДнепроГЭС, Магнитка... Не вдаваясь в причины и последствия событий, абитуриент засыпал экзаменаторов примерами о трудовых подвигах советских людей. Не обошел вниманием новаторов производства: Никиту Изотова, Макара Мазая, Петра Кривоноса. А комсомольца Бориса Гайнулина – Корчагина наших дней, как называли его в начале шестидесятых, назначенного при строительстве Братской гидроэлектростанции бригадиром отстающей бригады бурильщиков, которая под его руководством достигла выработки в 220 процентов, Влад силой своего воображения отправил ставить рекорды на ДнепроГЭС.

– Ну-у, второй вопрос вы хорошо знаете, – смягчив прежнюю строгость, прервала его ответ экзаменаторша и с одобрения соседки поставила ему четверку.

Этой оценки хватило, чтобы выдержать конкурс на факультет журналистики.

В начале третьего курса, вскоре после «яблочного семестра» на уборке в колхозе, Влад женился на Валюшке, милом светловолосом мышонке, с которым они учились в одной группе, но прежде она будто жила в своей норке, и он ее первые два года просто не замечал. «На яблоках» же, видно, однажды от сидра сильно охмелел или просто бес попутал, и в результате через девять месяцев у них с Валентиной родился сын Максим.

Валя по совместительству оказалась дочерью того самого председателя комиссии доцента Первухина, имевшего авторитет в редакционных кругах. Два года молодая семья кормилась за родительский счет. Правда, Влад начал подрабатывать и набивать с четвертого курса руку в областной молодежной газете, а по окончании университета был принят туда спецкором – освещать трудовые будни донских комсомольцев с полей, шахт и заводов.

Им выделили семейное общежитие. Максика устроили в детский сад, где тот изредка появлялся между почти не прекращавшимися болезнями. Валентина после академического отпуска продолжила учебу. Из-за постоянной загруженности в редакции и командировок мужа приняла на свои хрупкие плечи все домашние хлопоты, отчего у нее вскоре начались нервные срывы. Вместо того чтобы помочь, поддержать жену, Влад, бравируя званием кор-

мильца семьи, выдвинул лозунг: «Волка ноги кормят», поэтому при малейшей возможности «делал ноги» из домашнего логова.

Сперва Валя пыталась сопротивляться, выяснять отношения, но быстро сломалась, запустила себя – располнела, обабилась. Года через три они развелись, и она с Максиком вернулась жить к родителям.

После разрыва семейных пут Влад пустился во все тяжкие. Покуролесил всласть, но недолго. Сам себе не сознаваясь, пытался найти женщину, похожую на Ленку. Такие не попадались. Образумившись, начал копить на кооперативную квартиру. К середине восьмидесятых добился своего. Жениться больше не захотел, хотя порой подворачивались неплохие варианты. Максима любил – Прибытковское семя! Помогал постоянно. Одной из причин покинуть Ростов явилось решение отдать ему свою квартиру.

Краснодар встретил Влада неприветливо, хмуро – за два дня солнце ни разу не выглянуло из-за облаков. Единственный, кто порадовался его приезду, так это отец. Вечером они распили бутылку водки. Почти без разговоров. Первый тост «За встречу», потом помянули Людмилу Васильевну, потом за здоровье Макса и его жены Аллы. Дальше просто – за «Быть добру!». О том, что будет дальше, думать не хотелось, а отец не решался спрашивать. Когда водка закончилась, Николай Иванович стал рассматривать привезенные Владом фотографии молодоженов. Заметив на последних снимках изменения в фигуре Аллы, поинтересовался, когда ожидается потомство.

– Жалко, Людочка не увидит, – проговорил, растрогавшись, словно в глаза ему подсыпали щепотку соли.

Утром, пока Влад еще спал, он ходил по комнате на цыпочках, болезненно реагируя на любой посторонний шум. Под его окном соседка вздумала выбивать палас.

– Потише, Зоя! – зашипел на нее старик, выскочив во двор. – Ишь, разошлась как!

– А че, нельзя?! – удивилась женщина. – Мне до дождя успеть надо.

– Погоди немножко. Владик спит. С дороги устал.

– Влад приехал?! Надолго?

– Насовсем.

– Ух ты! Ну по такому случаю, дядь Коля, подожду. Может, хоть теперь замуж возьмет, – радостно затараторила Зойка, игриво крутя выбивалку в руке. – А то я все переживаю: такой видный мужик и вхолостую расходуется. Вернее, разлеживается.

Довольная своей шуткой, она громко рассмеялась, поправила шаловливо распахнувшийся лацкан халата и неожиданно предложила:

– Давайте я вам сегодня борща наварю...

– Сами справимся, – сердито буркнул старик и закрыл за собой дверь.

Перед обедом отец с сыном по-холостяцки позавтракали яичницей на сале, после чего Влад решил прогуляться. Заодно подкупить продуктов. Однако дальнейшие события помешали этой затее.

Все пути текли к Кооперативному рынку. Жизнь там кипела вовсю. На входе вкусно пахло беляшами и аппетитным дымком от жарившихся на мангалах шашлыков, а внутри шла бойкая торговля всякой всячиной. Между прилавками, протискиваясь сквозь толпу, сновали женщины в фартуках – предлагали растворимый кофе или чай из термосов с кипятком и прочую снедь для перекуса.

Когда Влад пробирался к мясному павильону, в вещевом ряду его окликнул чей-то знакомый голос. За прилавком, на котором были аккуратно разложены брюки, стоял мужчина с пирожком в руке. Он жевал и приветливо улыбался.

– Миша, ты?! Что ты тут делаешь?

– Джинсами торгую. Из Турции вожу.

– Из Турции? А как же твой завод?

– Я думаю, ты не с Луны свалился, – хмыкнул Михаил. – Сам знаешь – везде беспредел. Сырья нет. Завод на простое. Народ в неоплачиваемых отпусках, а семью кормить надо. Да ладно я, ты как?

– Домой вернулся – к отцу.

– Здорово! Давай встретимся! Посидим. Поговорим. Лена тебе будет рада. Адрес помнишь?

– Какой?

– Ну там, где в детстве с чердака за шпионом следили.

Неожиданно в небе загрохотало. Первое, что подумал Влад: «Жаль, зонтик не взял. Сейчас ливанет!» Но это оказался не гром. Забыв о своем пирожке, Михаил от удивления приоткрыл рот. Тысячи глаз устремились в небо. Ошарашенные грозовыми раскатами, люди, запрокинув головы, завороженно наблюдали за невиданным прежде зрелищем. Над ними, придавливая воздух исступленным ревом и свистом, пронеслась шестерка истребителей, раскрашенных в цвета российского триколора.

Не успел гул стихнуть, как самолеты появились вновь. Они летели, едва не касаясь крыльями друг друга, после чего тем же строем, задрав носы, стали ввинчиваться в нависшие над городом дождевые облака.

– Ничего себе! – послышались недоуменные возгласы, когда чуть ослаб грохот. – Что происходит?

В это время истребители, вынырнув назад, перешли в пикирование, затем, набрав на бреющем полете скорость, взмыли ввысь распустившимся после них тюльпаном из белоснежного пара.

До аплодисментов дело не дошло. Но когда стих рев моторов, по толпе пронеслось радостное, с привкусом восторгов оживление. И вскоре уже весь рынок знал об истинных причинах произошедшего. Оказывается, в нескольких кварталах от Кооперативного в эти минуты проходил митинг, посвященный юбилею со дня рождения летчика Ткачева. По случаю такого события в Краснодар прилетел сам Дейнекин с пилотажной группой «Стрижи».

– Вот тебе и шпион, – усмехнулся, возвращаясь к прерванному разговору, Влад. – Скорей доедай свой пирожок, Миша; пакуй штаны в кошелки, пойдем посмотрим, что сейчас на Шаумяна творится!

– С чердака хочешь посмотреть?

– Шутишь?! С улицы, конечно.

– Тогда иди сам. Потом встретимся, расскажешь.

На митинг Влад не поспел. По бывшей улице Свердлова (теперь Карасунской) он вышел на Шаумяна, где к тому времени были сняты заграждения и возобновилось движение транспорта от Колхозного рынка в сторону центра. Его же целью было направление, противоположное медленно ползущему потоку машин.

Миновав трамвайные пути на Горького, издалека заметил свежевыкрашенные ворота и ехидно улыбнулся: «Видно, организаторы серьезно подготовились к мероприятию». Вот, наконец, и калитка, на которой сохранились знакомые с детства табличка «Во дворе злая собака» и прорезь для почтового ящика, откуда Владик когда-то вытащил письмо, адресованное теперь уж точно знаменитому на всю страну «шпиону».

Но это были мелочи по сравнению с тем, что он увидел на стене старого коммунального дома. Там висела бронзовая мемориальная доска с изображением офицера русской армии с орденом Святого Георгия на груди. Над головой офицера, будто в едва заметном далеке, самолетик-биплан выполнял легендарную «мертвую петлю» Нестерова. Сбоку, перед портретом, были высечены слова: «Моя политика и мой водитель в жизни – это любовь к Родине и моему народу. В. М. Ткачев». Под ними надпись:

«Здесь с 1959 по 1965 год жил непревзойденный летчик и авиационный военачальник, первый Георгиевский кавалер Воздушного флота России кубанский казак Вячеслав Матвеевич Ткачев. 24.09.1885 (ст. ст.) – 25. 03. 1965».

Калитка приветливо скрипнула, Влад вошел во двор. Никто на него не залаял. Там было безлюдно. Лишь за прежним, сколоченным из досок столом сидел под старой тютиной мужчина в очках и читал газету.

– Вам кого? – грубоватым голосом поинтересовался он, недовольный нежданным вторжением очередного визитера. Слишком много их сюда зачастило в последние дни.

Мужчина снял, положил на газетку очки и поднялся из-за стола, чтобы выпроводить незваного гостя, а тот вдруг засиял в лучезарной улыбке и радостно воскликнул:

– Вы Толик? Извините, Анатолий Стравинский?

– Ддд-да.

– Я вас еще студентом помню. Потом, после института, вы уехали по распределению куда-то отрабатывать.

– Ну было такое, – согласился Анатолий, с настороженным лицом изучая собеседника. – А вы кто?

– Владик Прибытков! Не узнали? Я в детстве сюда к дедушке Славе часто захаживал.

– Не припоминаю, – ответил Стравинский, и по напряженно прищуренному его взгляду была видна не совсем удачная попытка сфокусироваться на прошлом.

Лишь когда Влад поинтересовался, кто еще из старожилов остался в этом доме, назвав поименно родителей Анатолия, бабу Глашу, тетю Асю, в голове Стравинского-младшего что-то наконец перещелкнуло, глаза, словно от неожиданно возникшей искры, посветлели – контакт пошел.

Дальше беседа потекла в дружелюбном русле. Вернее, сама беседа произошла чуть позже. Сперва Влад предложил и отлучился ненадолго в поисках «Столичной», а Анатолий к этому времени к столу подготовил незамысловатую закуску: лук, сырые яйца да хлеб с салом.

Когда поминали стариков, оживились, освежая цитатами командирские замашки Глафиры Сергеевны про: «Наливай с-скорей!» и «Поч-чему стаканы пус-стые?» Но

подтрунивали не зло, по-доброму. Поставили в заслугу, что благодаря ее решительности и предприимчивости в их коммунальном доме зародилась традиция дружно, по-соседски, отмечать праздники под раскидистой тютиной.

– Да-а... Ушла эпоха, – с грустью от навеянных воспоминаний произнес Стравинский, загрызая луком очередную стопку. – Под этим деревом мы с нашими стариками прощались и провожали их в последний путь.

– Вот только Вячеслава Матвеевича увезли на кладбище не со двора, а прямо из больничного морга, – не согласился с ним Влад. – Правда, туда почти все соседи пришли. День тогда был солнечный. В небе ни одного захудалого облачка. Не то что сейчас. Открытый гроб тогда стоял у белой кирпичной стены. Там еще во дворе алыча цвела. Пчелы дружно гудели. А вот людей собралось немного. Были венки. Мне почему-то запомнился самый большой – от Краснодарской писательской организации. Вячеслав Матвеевич лежал в своем любимом сереньком в полоску костюме. А еще помню, как к нему подошла молча, в слезах тетя Ася и положила на грудь букет красных гвоздик. Кстати, где она сейчас?

– Вышла замуж. Живет в Сочи, – последовал ответ. – Иногда, когда приезжает в Краснодар, заходит в гости и обязательно на кладбище, чтобы на могилке прибраться.

– Какая молодчина! Она замечательная женщина! – восхитился Прибытков. – Давай выпьем за ее здоровье.

Выпили. Влад занюхал водку хлебом. Стравинский, словно через трубочку, выцедил сырое яйцо.

Начало моросить. Во дворе от мелких капель быстро намок асфальт.

– Может, в дом перейдем? – предложил Анатолий. – Ветра нет. Зарядило теперь надолго.

– Не стоит. Под деревом пока сухо, а у нас лишь на посошок осталось, – сказал Влад, опорожняя «Столичную» по стопкам. – Я еще только вот о чем хотел спросить: четыре последних года Ткачев пытался напечатать свои воспоминания о прошлом русской авиации. Ничего не вышло. Не знаешь, куда подевались его рукописи?

– Отец говорил, что все бумаги, которые остались после смерти Вячеслава Матвеевича, забрали в архив.

– В какой?

– В тот, на Карла Либкнехта, – Анатолий запнулся, почесал проплешину надо лбом, но тут же поправился и уточнил. – Сейчас эта улица Ставропольская называется. Ну та – возле университета. А зачем тебе рукописи?

– Как зачем! Надо их из архивов вытаскивать! – резко ответил Влад и поднялся со скамейки. Глаза его заблестели то ли от водки, то ли от внезапно принятого решения, как можно скорее выполнить сокровенное желание дедушки Славы. Но он не стал больше ничего говорить, лишь предложил. – Давай за это выпьем!

Стравинский тоже поднялся со стопкой в руке. Он все понял и в знак поддержки лишь расставил смысловые акценты:

– Рюмки об асфальт бить не будем, но пусть у тебя все получится.

Когда Прибытков собрался уходить, Анатолий хотел вынести ему зонтик, но тот отказался. Он вернулся домой без продуктов с накинутой на голову промокшей газетой, счастливый и довольный.

Примечания.

1. Фраза «Есть контакт!» *стала знаменитой после 30 октября 1967 года, когда благодаря испытаниям советских ученых и инженеров была проведена автоматическая стыковка двух космических аппаратов. Для эксперимента запустили беспилотные корабли «Космос-186» и «Космос-188». Первый с помощью радиолокационной антенны отыскал другой. Но на сближение ушло больше запланированного времени, поэтому произошел перерасход топлива и аппараты ушли из зоны видимости. В ЦУПе воцарилось тревожное молчание. Неожиданно к радости собравшихся космонавт К. Феоктистов воскликнул: «Есть контакт!» Автоматическая стыковка удалась с первой попытки.*

2. Турксиб (1927–1931), ДнепроГЭС (1927–1932), Магнитка (1929–1934) *– ударные стройки первых пятилеток в СССР.*

3. Изотов Н. А. *– новатор в угольной промышленности, инициатор массового обучения молодых рабочих на производстве.*

4. Мазай М. Н. *– новатор в металлургической промышленности, зачинатель социалистического соревнования за высокие съемы стали.*

5. Кривонос П. Ф. *– новатор на транспорте, инициатор повышения вдвое технической скорости грузовых поездов.*

6. Дейнекин П. С. (1937–2017) *– главнокомандующий ВВС РФ (1992–1998), генерал армии (1996).*

7. «Стрижи» *– авиационная группа высшего пилотажа ВВС России, сформированная из летчиков-асов на подмосковной авиабазе Кубинка.*

8. Мемориальная доска летчику В. М. Ткачеву *(автор – заслуженный художник России А. Аполлонов) была установлена в Краснодаре 23 сентября 1995 года на доме по ул. Шаумяна, 82 (в 1996 году улица переименована в Рашпилевскую).*

6. «РАССВЕТ ПРИХОДИТ К ТЕМ, КТО ВИДЕЛ ТЬМУ»

В фонде Ткачева оказалось девяносто папок. Работники архива скрупулезно изучили и сформировали дела из бумаг, которые раньше Вячеслав Матвеевич хранил на своей этажерке. Среди них Влад Прибытков обнаружил документы, позволявшие отследить продвижение по службе будущего генерала, рукописи «Воспоминаний о прошлом русской авиации» и многочисленную переписку, связанную с тщетной попыткой автора издать их книгой.

Через неделю после поданной в архив заявки Влад приступил к чтению...

«Я кубанский казак, – писал Ткачев. – Корни моего прошлого покрыты несколькими сотнями лет в казачьих землях, когда-то (до Екатерины Второй) еще на Дону.

Я не думал и не мечтал быть знаменитым, почему никогда в своей жизни не вел каких-либо заметок, дневников. Да и некогда было: вечно перегружен службой, в которую уходил с головой, какой-либо интересной работой или увлечениям. Всевозможные же предметы и фотографии, которыми невольно обрастает каждый живущий в спокойной обстановке, – все это я растерял по дороге, в бурном вихре жизни.

Коли сама судьба заставляет меня приступить к этим моим воспоминаниям, пусть же они будут честными... Не знаю, в чьи руки после моей смерти попадут они... Но я уверен, что если они не попадут сразу в печь, то кто-то и чем-то из этих моих воспоминаний сумеет воспользоваться».

У Влада на текст рукописи, словно яркоцветные лоскутки для заплаток из бабушкиного сундука, накладывались впечатления от рассказов самого дедушки Славы про его детские мечты парить и любоваться землей с высоты птичьего полета. О начале военной карьеры в Закавказье, где Ткачев выискивал заметки из столичных газет о полетах первых аэропланов, после чего служба в конной артиллерии начала казаться ему скучной и однообразной.

«Эти сообщения радовали и одновременно удручали меня, – читал Влад. – С одной стороны, парить человеку в небе стало реальностью. Но тогда мы, русские, с завистью лишь взирали на крылатых чужеземцев».

Под исступленные восторги столичной и московской публики французские летчики Леганье, Гюйо, Блерио своими показательными выступлениями покоряли российское небо. А почему не наши пилоты?

Весной 1910 года такое беспокойство выразил журналист из «Нового времени» в репортаже с авиационной недели, проведенной в Петербурге. «Стряхните ж, наконец, ваш русский сплин! – восклицал он. – Неужели и на это захватывающее зрелище способны только иностранцы?!»

Когда в офицерской читальне Ткачев громко процитировал его слова, в ответ подъесаул Мажара саркастически ухмыльнулся:

– Вячеслав Матвеевич, вы всерьез верите в возможность широкого развития русской авиации? Разрешите по этому поводу напомнить вам известную поговорку: «Куда уж нам со свиным рылом да в калашный ряд!»

– Смею обратить ваше внимание, господа! – поддержал Мажару сотник Озаровский. – Прошлым летом директор департамента полиции Нил Петрович Зуев особым циркуляром запретил поставлять в Россию аэропланы и запасные части к ним, кабы не случилось чего.

Про колкий обмен любезностями со стороны сослуживцев, хорошо знавших пристрастие Ткачева к воздухоплаванию, Влад уже слышал, когда старик рассказывал об этом писателю Степанову.

– Ну и как же вы ответили? – поинтересовался тогда Георгий Георгиевич.

– На поговорку я ответил поговоркой: «Мы, русские, долго запрягаем, но быстро едем!» Так все в дальнейшем и произошло. Статью в газете за утренним кофе прочитал великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя императора. Сам-то он был флотским офицером, но загорелся идеей покорить другой океан – воздушный. И уже на следующий год благодаря его усилиям в Севастополе открылась школа для военных летчиков, будущая знаменитая Кача, куда я вскорости после окончания Одесского аэроклуба и поступил.

– А в Одессу вы перевелись специально для обучения летному делу?

– Нет. Случайное, но счастливое совпадение. Мне по семейным обстоятельствам необходимо было уехать из Кинакир. А мой старший брат служил тогда в Одессе. Он-то и поспособствовал, чтобы меня зачислили воспитателем в кадетский корпус...

Всех этих подробностей в рукописи не оказалось по вполне понятным причинам. Не могли в советские годы пропустить в печать положительные отзывы о великом князе, да и семейные перипетии в мемуарах об авиации считались неуместными.

– Владислав Николаевич, вот еще ваш заказ! – голос сотрудницы архива вернул Прибыткова в реальность. – Подойдите, пожалуйста, распишитесь!

Читальный зал находился на втором этаже. На дворе стояла еще не подернутая увяданием чудная кубанская осень. Внизу, за открытым настежь окном, перебегая через дорогу к трамваю, весело щебетала стайка девушек, видно, студенток из находившегося рядом с архивом университета.

– Елена тоже его окончила, – подумал вдруг Влад, поднимаясь со стула. – Когда это было? Кажется, в семьдесят четвертом.

Тоненько дзинькнув перед отправлением, через пару секунд застучал по рельсам трамвай.

– Дело номер семьдесят четыре. «Письма жены и родственников Ткачева», – уточнила заказ сотрудница и передала папку с документами.

– Ну вот, еще один лоскуток нашелся, – тихо проговорил Прибытков.

– Что? Что вы сказали? – переспросила женщина.

– Извините, я о своем.

Влад вернулся на место и принялся перелистывать папку с письмами. Однако радость его оказалась преждевременной – нигде в переписке родственников не обнаружилась истинная причина переезда Ткачева в Севастополь.

...А дело было так. После сочинской феерии девятьсот восьмого года остаток отпуска Вячеслав Матвеевич провел у родителей в Келермесской. Охотился на перепелов, косил траву, ночевал на сеновале. Сторонился шумных компаний, изнывал от вынужденной разлуки с Надей. Каждую минуту хотелось все бросить и помчаться к ней.

– Какой-то ты, Славик, стал молчаливый, загадочный, а глаза блестят, как светлячки в ночи. Никак влюбился, – однажды за вечерним чаем обронила догадку Лена, сестра. – Ну, выкладывай, кто она?

– Не городи глупостей! Мне некогда этим заниматься! – вспыхнув, кажется, до кончиков ушей, недовольно отреагировал Вячеслав. Лишь тусклый свет лампы спас его тогда от упреков, что он говорит неправду.

Тайна раскрылась следующим летом, когда отец отмечал восьмидесятилетие. К нему в Келермесскую на день рождения съехались родня из Майкопа, Екатеринодара, Сочи и многочисленные знакомые из окрестных станиц.

Матвей Васильевич Ткачев в этих краях был человеком известным. Еще подъесаулом пришел сюда во главе казаков-переселенцев с семьями из станиц Кавказской и Григорополисской. За находчивость и неустрашимый нрав заслужил уважение не только среди своих товарищей, но и среди черкесов. Помимо войны с горцами, участвовал в русско-турецких кампаниях 1854–1855 и 1877–1878 годов. Дослужился до чина полковника. Помимо семи боевых орденов, получил в потомственное владение сто восемьдесят десятин земли. После отчисления из комплекта строевых частей многократно избирался атаманом станицы Келермесской.

Юбилей отмечали почти неделю, с размахом. По такому случаю забили быка, несколько баранов, домашней птицы немерено.

Однако для отца праздник омрачился неожиданно полученным известием о невесте сына. Нечаянно Анастасии Ивановне проговорилась ее сочинская сестра, которая толком-то ничего и не знала: мол, когда гостил у нее прошлым летом, встречался с какой-то женщиной.

Несмотря на всю суету и занятость, любопытство Анастасии Ивановны оказалось сильнее остальных забот. Она сразу же разыскала Вячеслава, чтобы уточнить подробности, а тот не смог соврать матери, хотя собирался объясниться с родителями после празднования юбилея отца. Дальше скрывать свои отношения с Надей не было смысла. К тому времени она уже официально развелась с мужем.

В груди у старого казака, как только от жены узнал о порочной связи сына, словно черти на раскаленной сково-

родке пляски устроили. Хотел было сразу рубануть сплеча, учинить разнос сладострастному любовнику.

– Это ж надо – на такое решиться! Да еще с кем – с женой командира! – бушевал Матвей Васильевич. Нутро его кипело. – Пусть она, баба – курица безмозглая, ничего не соображает. Но он, Вячеслав, – строевой казак, офицер! Позор! Какой позор!

Лена слышала шум за плотно закрытой дверью родительской комнаты, но постучать, а тем более войти, чтобы узнать о случившемся, не посмела. Они с матерью, когда гости разошлись отдыхать по отведенным им местам, допоздна убирались, после чего Анастасия Ивановна зашла к мужу поинтересоваться его самочувствием и поделилась новостью, которую ей сообщил Вячеслав.

Лучше бы она этого не делала. Единственное, чего тогда удалось ей добиться, – упросила Матвея Васильевича не устраивать выволочку, пока не разъедутся гости.

На следующее утро Анастасия Ивановна сообщила сыну о гневе отца. Лена тоже не удержалась и поведала о своих тревогах из-за услышанного поздним вечером шума за дверью.

А на какую другую реакцию рассчитывал Вячеслав? Получить благословение на брак с прежде повенчанной женщиной?

Еще три дня, пока продолжалось торжество, три нескончаемо долгих дня он жил в ожидании отцовского вердикта. В это время гостям устроили праздничное раздолье. Для их увеселения был доставлен из Майкопа специально нанятый оркестр пластунов.

Наконец они поразъехались, но отец все не заводил разговор. Лишь изредка прощупывал сына колючим взглядом, словно шнур бикфордов закладывал. Умел старый казак изводить ожиданием: наблюдал и надеялся, что Вячеслав, зная реакцию отца на его безумный поступок, одумается и пойдет на попятную. А, может, взбучка отодвигалась, потому что у Ткачева-старшего праздник еще продолжался?

Через Келермесскую проходила прогонная и почтовая дорога на Майкоп – главный город для окрестных мусульман, в котором располагались их учреждения. И чуть ли не каждый из направлявшихся туда или обратно в свои аулы горцев считал своим долгом по пути завернуть с подарком во двор к глубокоуважаемому в округе человеку, чтобы поздравить его с прошедшим юбилеем.

Тут же для гостя ловилась курица, которую он собственноручно резал, так как черкесы не ели мясо из не убитой ими самими свежатины, а Матвей Васильевич чтил их законы.

Запал сдетонировал перед Преображением Господним, когда пришла поздравительная открытка от Нади.

– Что? Променял казачью честь на женскую юбку?! – взорвался тогда отец.

День был ясный, безоблачный. Семья собралась за обеденным столом на террасе. В метрах десяти от них, за штакетником, с медлительной важностью покачивались в саду ветки, облепленные яблоками. Урожай ожидался хороший. За садом под солнцем сияли купола церкви. А справа, в сторону Майкопа, в синеве горизонта красовалась белоснежная шапка Кавказского хребта.

– Хороший знак, – проговорил Матвей Васильевич и указал рукой на отчетливо видимую вдалеке горную гряду. – Сегодня батюшка тоже будет весь в белом облачении.

Родители готовились к всенощному бдению. По русской народной традиции Преображение Господне именовали также и Яблочным Спасом, поэтому в конце Литургии священник обходил выстроившихся с корзинками вокруг церкви прихожан и окроплял принесенные ими плоды, чтобы урожай был хорошим.

– А почему батюшка сегодня облачится в белые одежды, а не в зеленые, как на Троицу? – полюбопытствовала Вера, младшая дочь Ткачевых, подошедшая к столу с огромной чашкой вареников с творогом, любимого блюда хозяина дома.

– «Преобразился еси на горе Христе Боже», как сказано в Писании в честь празднества Преображения Господня, – ответил ей Матвей Васильевич, потирая руки от предвкушения вареничного удовольствия, и стал разъяснять. – Тогда на горе Фавор Спаситель беседовал с Отцом Небесным, и лик Его просветился ярче солнечного света, а ризы стали такими белоснежными, что превосходили снег. Белильщик на земле не может так выбелить ткань, как чи-

сты были ризы Христа. После, снизойдя с горы, Спаситель совершил чудесное деяние – исцелил бесноватого отрока...

При последних словах старик обмакнул вареник в сметану и пристальным взглядом измерил Вячеслава. Однако, вопреки его ожиданиям, сын не потупил и не отвел своих глаз в сторону. Неизвестно, во что могла вылиться безмолвная дуэль, если бы в этот момент не доставили злополучную открытку.

Узнав, от кого пришла она, Матвей Васильевич неожиданно для всех швырнул надкушенный вареник назад в миску и разразился гневом, отчего мгновенно, словно порывом шквалистого ветра, смело с террасы всех родственников, оставивших отца с сыном наедине.

– Вячеслав! Я не узнаю тебя! Побойся Бога! Какое клеймо ты ставишь на нашей семье! – после унизительных слов о бабьей юбке рванул с места в карьер старый казак, словно как в былые годы, командуя сотней, он резким натиском с гаем и свистом ошеломлял и не давал противнику опомниться. – Не смей и думать об этой распутной женщине, которая ради похоти предала все святое – клятву на кресте. Я приказываю тебе бросить и не вспоминать больше о ней!

Когда отец начал свою отповедь, Вячеслав поднялся с места и молча, как проштрафившийся школяр, потупив глаза, стоял и слушал. Но после последних слов Матвея Васильевича Ткачев-младший вдруг бросил дерзкий взгляд в лицо старику и, пытаясь проглотить застрявший комок в горле, выдавил из себя:

– Простите, отец! Вы ее не знаете и не имеете права так оскорблять. Я люблю эту женщину и прошу вашего разрешения на брак.

С каждым новым словом голос его креп, становился решительным и непоколебимым:

– Даже если вы не разрешите, я все равно останусь с ней.

Разразись в этот момент среди ясного неба гром или засверкай молнии, Матвей Васильевич поразился бы меньше, чем от того, что он услышал. В казачьих кругах приравнивалось к преступлению, если сын шел против воли отца.

– Да как ты смеешь перечить мне! – голос старого атамана задребезжал от возмущения, глаза налились кровью, руки затряслись. – Я прокляну тебя! Вон с моего двора!

После случившейся ссоры Вячеслав не был в Келермесской около пяти лет. Матвей Васильевич и слышать не желал о нем. Очередную порцию гнева вылил на сына, правда, за глаза, когда узнал о его желании стать авиатором. Негоже казаку заниматься не своей службой! Ох, и досталось тогда Анастасии Ивановне, будто она избаловала своего любимого Мизинчика, когда тот еще под стол пешком ходил!

Но после завершения Ткачевым перелета по маршруту Киев – Одесса – Екатеринодар, наслушавшись заметок из газет, которые читала ему Лена, что Вячеслав стал знаменитостью, а за его беспримерный подвиг благодарные земляки начали сбор денег на установку памятника, старик простил сына. ■

Примечания.

1. «Рассвет приходит к тем, кто видел тьму» – *стихотворение белгородского поэта И. Андреева.*

2. «Новое Время» (1869–1917) – *ежедневно издаваемая в России популярная среди различных слоев населения газета (владелец и гл. редактор А. С. Суворин), которая была одним из основных источников информации, формирующих общественное мнение и играющих существенную роль в литературной и политической жизни страны.*

3. Кача – *старейший действующий аэродром на территории России. Изначально создавался для обучения курсантов при офицерской школе на реке Кача.*

4. Преображение Господне, или Яблочный Спас – *праздник отмечается 19 августа (6 августа по старому стилю). В этот день верующие приносят в храм плоды нового урожая, чтобы Божией благодатью освятить свои земные труды.*

5. «Преобразился еси на горе Христе Боже» – *цитата из тропаря, который поется в православной церкви на Преображение Господне.*

6. Тропарь (церк.) – *краткое песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или прославляется святой.*

7. Фавор – *отдельно стоящая гора в девяти километрах к юго-востоку от Назарета.*

8. Назарет – *священный для христиан город, где совершилось Благовещение и прошли детство и юность Иисуса Христа.*

В. М. Ткачёв.

Архив Дмитрия Чуркина

ДМИТРИЙ ЧУРКИН

Родился в 1979 году в городе Коммунарске Ворошиловградской области УССР. Писатель, военный врач, доктор медицинских наук. С апреля 2014-го участник Русской весны.Публиковался в журналах «Наш современник», «Родная Кубань» и других СМИ. Живёт в Донецке.

I

Дождливым ноябрьским вечером две тысячи двадцать третьего года мы глубоко затемно добирались домой. Вместе с Ратником, оказией вынырнувшим из бесконечных своих разъездов, заехали в школу, где жена и дочь, устав плести маскировочную сеть, собирались домой. Стоя в полутемном школьном коридоре, мы наблюдали как парни из десятого класса, в котором училась Маша, плоскогубцами обжимали края консервных банок, в которые потом вкладывали скрещенные куски картона. Рядом, в установленной на электрическую печку металлической садовой лейке со срезанным верхом учитель химии сосредоточенно подмешивала какой-то порошок к расплавившемуся уже парафину. Магия создания окопных свечей была в самом разгаре.

Ратник негромко прокашлялся, упускать такие сокровища было нельзя.

Переговоры были краткими – три маскировочные сетки и около полусотни окопных свечей Ратник увозил в своей «буханке», взамен он твердо обещал через меня передать уже подготовленные разнокалиберные консервные банки, такого добра сейчас хватало, и бухту плетеного шнура.

Еще он принес из машины несколько развороченных корпусов от гранатометных выстрелов; похожих на чертежные тубусы корпуса от противотанковых гранат и ракет, отдельно, словно черепки от адской посуды, разложил он осколки крупнокалиберных боеприпасов – школа наполняла свой музей едва остывшей памятью продолжающейся войны.

Потом, покачиваясь на скрипучем сиденье и резко маневрируя, чтобы объехать очередную лужу, Ратник рассуждал о том, что обмен вышел явно неравным, он отдал меньше, чем получил, поэтому надо добавить. Чем получится, но сладости и чай будут точно.

Возле подъезда восьмилетний Вова, наш сын, которого дома звали Вовишкой, терпеливо

СОТВОРЕНИЕ ЧУДА

стоял с батареей пластиковых бутылок, бутылей и канистр. Трехдневное ожидание воды улица проиграла всухую, жители выстроились рядом с подъездами. Грузовики с установленными большими оранжевыми цистернами обступали со всех сторон, из гудящих кранов воду разливали и уносили. Когда-нибудь она будет литься из крана дома, пока на это оставалось надеяться.

С Вовишкой и Ратником мы остались запасать воду. Распределение труда сработало, пока сын набирал баклаги и канистры, мы с Ратником относили их в квартиру и переливали в специальные пластиковые бочки, за один подъем мы относили наверх сорок литров, всего их нам предстояло двенадцать.

На шестом подъеме по квартире начал разливаться аромат жарящейся картошки. В предвкушении давно ожидаемого домашнего ужина Ратник резко повысил производительность труда, и оставшийся объем мы подняли в четыре захода, в завершение стахановским рывком наполнили все пригодные для хранения воды сусеки.

II

Выдвинув в центр кухни стол, мы расселись вокруг установленной на деревянную подставку большой сковороды. Колдовским взмахом Юля сняла крышку, и во все стороны пахнуло ароматным паром.

– А хорошо бы чудо случилось! – Вовишка мечтательно прихлебывал томатный сок, извечное детское дополнение к жареной картошке. – Воду бы каждый день давали, а еще лучше прилетел огнедышащий дракон, сжег наших врагов, ну или стая драконов...

– Дракон этот, тезка, – Ратник с доброй улыбкой смотрел сквозь очки, – огнедрыщущий, уничтожен в первые минуты боя будет. Шуму от него много, дистанция выстрела короткая, запас огнесмеси маленький, бронирования нет, подвижность ограничена, да и размер огромный. А хуже того, он еще и людьми питается. Не нужна нам такая скотина, пусть ее сказочники, маги да колдуны всякие пользуют.

– А что до воды, – продолжил он уже задумчиво, – пока канал не отобьем, сильно ее не прибавится. На канале этом чудо со мной и случилось, куда посерьезнее, чем целая стая драконов.

Вовишка, придвинувшись вперед, готовился слушать. Ратник вроде бы и простыми словами, а так всегда увлекательно рассказывает, что свеженалитый чай-кипяток незаметно остыть успевает.

Пошевелив попеременно губами, коротким ежиком волос на голове и на бороде, Ратник снял очки.

– Год примерно назад пришлось нам отходить из-под Лимана, точнее, к нему отходить, там несколько поселков рядом было – Брусовка, Караван, Щурово, в общем как раз рядом с каналом. А мы крайними отходили, народу не больше взвода, и все небоевые – связь, медики с эвакуации, из настоящих вояк только пара «оркестрантов», и те не из местных.

Куда идти, толком не ясно, вокруг лес, там и днем заблудиться – плевое дело, а в темноте и подавно. На всех у нас было с десяток автоматов, к ним по пять-шесть пачек патронов, и по паре гранат на человека, много не навоюешь. А враг по дороге на Лиман уже из всех калибров садил, что ствольных, что реактивных, в темноте хорошо видно было, как ракеты из «Града» пара за парой стартуют и пролетают. А пройти нам нужно было километров пять-шесть и не угодить в лапы противнику, как они с пленными поступают, мы уже тогда хорошо знали.

В общем, пошли мы вдоль канала, прошли ме-

тров пятьсот, слышим сзади скрип, и странный какой-то. Мне тогда померещилось, что за нами Мойдодыр гонится. «Оркестранты» залегли, направление звука в прицел взяли, мы за деревьями попрятались и ждем.

Вскоре подкатывает к нам тачку мужичок, нашего с вами возраста, у него дочь школу оканчивала в Краматорске, с женой его там была, война началась, наши Лиман заняли, вернуться они уже не успели. Он пока вместе с матерью жил, у той с ногами было плохо, ходила только с опорой. А он из наших был, то с ремонтом поможет, то еды подкинет, то баню организует, то на ночлег ребят разместит.

В тачке у него мать и сидела, оно и понятно, ногами ей не уйти, а на машине по лесу не проехать, вес большой, а оси старые, вот и скрипит все.

Противник, когда в село зайдет, в живых его точно не оставит, ладно сразу бы убили, а то ведь замучают на глазах у матери, а что со старушкой сделают, и думать не хочется, всякое, подонки, творили.

Мать его мы из тележки этой в эвакуационные носилки переложили, вцепились вшестером, понесли. А он впереди пошел. И, главное, уверенно так пошел.

– У меня, говорит, леший знакомый есть, все дороги мне тут показал, мимо точно не пройдем. – Ратник подмигнул Вовишке, тот заговорщически сощурил глаз в ответ. – И от канала надо, говорит, уходить, рядом с ним нас точно и накроют, там куча полян есть, выскочишь на них и как на ладони, с любой стороны тебя видно.

Повел он нас какими-то тропками окольными, кругом темно, ветки под ногами хрустят, фонарь не зажжешь, а тут еще ветер поднялся, деревья шумят, кажется, что за нами гонятся. Один из «оркестрантов» проводнику нашему на спину фонарик приделал, он красным мигал, вблизи заметно, а чуть дальше отойдет и пропал из виду.

Один раз, было дело, остановились мы, за деревьями и кустами попрятались, к земле прижались, почудилось оркестрантам, что идет за нами кто-то, вот и залегли от беды, пока не утихло.

В лесу ведь время вообще по-особенному идет, особенно ночью. Несколько раз мы все по очереди на носилках сменились, уже подумали, что сбился с дороги наш мужичок или хуже того – специально нас не туда заводит, когда прямо на наш блокпост вышли. Смотрю – мои бойцы стоят, меня увидели, докладывать побежали, что все хорошо, свои все вышли.

Про шум этот потом оркестранты говорили, что это противник за отходящими группами охотился, проводник наш на лешего намекал.

Леший там был или нет, а главное, что живыми да целыми выбрались.

– А с семьей их что потом было? – история для Маши еще не закончена.

– Мы их из Лимана до базы нашей довезли, оттуда в Ростовскую область, он там в одной из станиц закрепился, жена с дочкой к нему через Польшу и Беларусь окольными путями больше трех месяцев добиралась. Сейчас вместе они, взрослые работают, дочь учится, уже нашу школу оканчивает.

III

Мы с женой незаметно перемигнулись: двадцать лет назад, в этом же лесу, проводив друзей на единственный останавливающийся на той станции пассажирский поезд, я брел через этот же лес лишь двумя километрами дальше поселка, из которого уходили Ратник с товарищами. После окончания университета решили мы в последний раз по студенческой путевке поехать в лагерь, отдых наш почти закончился, им предстояло разъезжаться через Киев кому куда, и на перроне мы немного выпили.

Ветер в кронах и хруст веток под ногами быстро выгнали из головы хмель, ноги непроизвольно ускорялись, и я незаметно выскочил на какой-то лагерь и практически уткнулся в девушку, сидевшую на пне с книгой руках. Почему-то я взял у нее из рук книгу, потом Юля сказала, что она сама была поражена вывалившимся из леса

парнем, с расширенными зрачками вцепившимся в книгу.

Книга была на иностранном языке, как потом оказалось, на французском.

Положив книгу на пень, я стал присматриваться к девушке. Первое, что я увидел, были глубокие карие глаза, в которых даже ночью приплясывали искорки. Потом она мягко взяла у мня из рук книгу и открыто улыбнулась. Страх, преследовавший меня, отступил, и я улыбнулся в ответ.

– Хочешь чаю? Я Юля, – голос у нее был негромкий, как мне показалось лисичий. Мне хотелось прилечь на скамью рядом с пеньком, на котором она сидела, смотреть на звездное небо и слушать.

Мы просидели рядом почти всю ночь, я слушал ее истории и только кивал головой и улыбался в ответ, говорить совсем не хотелось, да и что говорить – что в жизни полная неопределенность, друзья разъехались, я выпил и заблудился в лесу.

С рассветом я вернулся в свой лагерь и хотел было улечься спать, когда в голову мне закралась мысль, что именно так люди и просыпают собственное счастье.

За полчаса мне удалось привести себя в представительный вид, дорогу я запомнил, еще через полчаса я был возле ее лагеря. С той же книжкой она ждала меня на скамейке у входа.

Больше мы не расставались. Были рядом и все делили на двоих – усталость от переезда в нашу первую однокомнатную квартиру, когда, затащив сумки и собрав диван, мы в обнимку рухнули спать, радость от рождения дочери и сына, терзания предвоенного десятилетия, смерть ее матери и гибель брата.

Я называю ее Лисичкой, раньше мы любили ездить в тот лес, который нас познакомил, и сидеть на скамейке, слушая шепот ветра в кронах.

Последний раз мы гуляли там с пятилетней дочкой, и мне нужно было с завязанными глазами по голосам среди деревьев найти Лисичку и Мышку.

Потом пришла война. Каждый день все эти десять лет она оставалась и продолжает оставаться самой главной моей поддержкой. Мы живем одной судьбой на двоих, она терпеливо ждет моего возвращения, кормит меня ужином, садится напротив и смотрит мне в глаза, рассказывает, как прошел день. Мне же, как и при первой нашей встрече, про свои дни особенно и рассказать нечего. Юля собирает мой рюкзак, как быстро бы я ни уезжал из дома, в рюкзаке всегда есть все необходимое. А еще она вместе с детьми записывает для меня видеосообщения, которые мы называем просто кружочками, их я пересматриваю перед сном, когда день закончился.

IV

Это и есть настоящее чудо, жить, зная то, что есть место, где меня всегда ждут и мне всегда рады. И когда я, уставший и грязный, поставлю рюкзак на пол, меня отмоют из большого чистого таза, накормят, напоят, уложат спать и отстирают вещи (даже если воды уже не было несколько дней).

И никаких слов тут не нужно, да и что ими передашь? Тепло спрятанной в карман моего бушлата детской ладони? Искорки в глазах, когда вокруг темнота, и шепот, который все так же заставляет меня поднимать голову к небу и искать на нем те самые звезды? Улыбку дочери, когда я рассказываю, как рады были ее поделкам-талисманам, которые она делает по ночам, раненые?

И никакие маги, никакие огнедышащие драконы, и даже закованные в броню рыцари чудо такое сотворить не в состоянии. А еще мы верим, что обязательно будет прогулка в том лесу. ■

Архив Олега Визера

ОЛЕГ ВИЗЕР

Родился в 1969 году на Сахалине в семье военнослужащего. Окончил институт имени Россинского в Краснодаре. Работал сельским учителем русского языка и литературы. Публиковался в журналах «Родная Кубань», «Подъём», «Смена», «Москва» и других СМИ. Живёт в городе Мензелинске Республики Татарстан.

ПРОЧИТАЙ И ПОЧИТАЙ!

С чувством стыда я постучал в парадную дверь. Лидия Матвеевна, а в детстве мы называли ее тетей Лидой, соседка, открыла массивную дубовую дверь и с укоризной посмотрела на меня. Я поздоровался, но она не ответила, а молча протянула средних размеров запечатанный почтовый конверт с единственной надписью «Славе», сделанной почерком отца, и ключи от родительского дома. При этом взгляд ее был не то чтобы осуждающий, а недобрый и, я бы сказал, презрительный. Вручила и сразу закрыла дверь.

Повертев в руке бежевый конверт, я нервно шмыгнул носом, ухмыльнулся, как бы в оправдание сложившейся неловкой ситуации: соседка, которую я знал с раннего детства, даже не пожелала со мной поздороваться и молча и с пренебрежением захлопнула передо мной дверь, не сказав ни слова (а ведь мы не виделись, дай Бог памяти, лет пятнадцать-двадцать). Но такое ее поведение особого удивления у меня не вызвало: конечно же, я понимал, почему она так отнеслась ко мне. Но все равно осадок оставался неприятный: мы же всегда надеемся, что нас поймут и простят, ну хотя бы не сразу закроют дверь перед носом.

Чувствуя спиной взгляд тети Лиды, наблюдающей за мной из окна, я понуро побрел в сторону моего отчего дома, который находился через дорогу напротив.

Мельком взглянув по сторонам, я отметил: как же время изменило все вокруг до неузнаваемости: дома, выкрашенные в яркие цвета, осовременились и стали выглядеть праздничными; деревья, когда-то молодые, выросли вдесятеро, и все кругом утопало в зелени, полностью изменяя тот пейзаж и ландшафт, который был запечатлен в моей памяти с юности. Дом своего детства я узнал не сразу: отец сделал пристройку со стороны Васюченко (интересно, они еще живут здесь, не умерли? А может, тоже наблюдают за мной из-за занавески?), там, где раньше, помню, находился мамин палисадник. Крышу дома покрывал не грязно-серый шифер, а современная металлочерепица бордового цвета; стены дома выкрашены светло-зеленой краской, а раньше были беленые. Да, все вроде так же, но по-другому. И почти ничего не осталось от прошлого, лишь знакомый запах хвойных деревьев заповедника Припышминского бора и запах застоялой воды в озере Ургинское, от которого, как и от реки Пышмы, привычно тянуло водорослями и рыбой, оставался неизменным. И как напоминание о прошлом, во дворе остались висеть качели, привязанные к толстой ветви старого дуба, разросшегося до огромных размеров; крона великана накрывала собой половину крыши, а несколько длинных ветвей протянули свои щупальца к окнам мансарды, постукивая и царапая стекла при малейшем дуновении ветра (отец, видимо, был уже слаб, чтобы добраться до этих веток и спилить их). Петлей перекинутая через ветвь шпагатная веревка давно вросла в породу и впилась в древесину так, что утонула в ней полностью. С грустью я смотрел на покачивающиеся на ветру качели: родители оставили их, потому что мечтали, что на них будут качаться их внуки.

Постояв в нерешительности на пороге, принюхиваясь к далеким знакомым запахам, я решился все же войти. Хотя желания заходить в пустующий дом, в котором никогда не услышу задорный голос отца, болеющего перед телевизором за любимую свердловскую хоккейную команду «Автомобилист», и веселое подпевание мамы на кухне, откуда доносится аппетитный запах жарящейся в духовой печи курицы в чесночном соусе, у меня совсем не было. И тем не менее, волнуясь, я провернул ключ в замке и открыл дверь. В нос ударил запах старости, запах моих стариков, моих родителей. Мне раньше не был знаком этот терпкий тревожный запах, но сейчас он казался мне приятным и родным. Этот затхлый и спертый воздух вошел в мои легкие и распространился по всем клеткам тела, согревая теплом, и я принял его как должное, необходимое и то единственное и последнее, что осталось от отца и матери. Этот запах для меня стал самым лучшим ароматом в мире.

Пока ехал сюда, в городок Талица Свердловской области, я приготовил множество вопросов, которые хотел задать тетушке Лиде и расспросить ее обо всем подробно, но...

Я вспомнил про конверт, который держал в руке, отец что-то написал мне, и, возможно, ответы я найду в письме, когда прочту.

Я вошел в комнату, в которой они спали. Кровать аккуратно заправлена и накрыта пледом, поверх которого строгими прямоугольниками лежали рядом две подушки в белоснежных наволочках. Напротив, у окна, стоял письменный стол, на нем средних размеров старый телевизор марки «Витязь», экраном повернутый так, чтобы удобно было смотреть, лежа в кровати. Я сел за стол, вскрыл конверт. В нем, кроме нескольких исписанных двойных тетрадных листов в клеточку, сложенных вдвое, ничего не было (хотя я ожидал чуть больше «сюрпризов» и «подарков», наивный; по-детски, конечно, по-сыновьи). Письмо пахло отцом. Не старостью, а отцом.

«Привет, Славик!

Если читаешь, значит, добрался-таки, сорванец эдакий, до своих...

/ впервые за сорок с лишним лет я почувствовал, как по щеке поползла, щекоча, слеза, потом другая, третья – по подбородку, шее... четвертая, пятая – ручьем. Я заплакал, как в детстве, навзрыд. Мой батя! Он даже после смерти не обижается на меня! Он так в детстве меня называл: сорванец эдакий. И он простил меня... /

...стариков. Хотя, прости, точнее будет: до того, что от них осталось. Ну да ладно, лучше поздно, чем никогда.

Ты же знаешь, Славик, не люблю я писаниной заниматься. Просто попрощаться захотел, по-мужски, знаешь. Ничего особенного не скажу, просто вкратце опишу наши последние дни. Поделиться хочется, сынок, просто высказаться. Может, какой прок в этом будет. Кладов мы тебе не оставляем, не нажили, не магнаты, но, может, что ценное для себя ты найдешь в моей писанине.

Не думаю, что ты знаешь, но мы подсчитали тут с матерью некоторые цифры, слушай сюда. Значит: ты уехал от нас ровно... (сейчас добавлю вчерашний и сегодняшний дни) ровно 8178 дней назад. Это 22 года плюс 113 дней. Впечатляет, не правда ли?..

/ я с ужасом уставился на число «22» и шепотом повторил его. Две двойки зловещими символами смотрели на меня, как чертова дюжина. Двадцать два. Господи! Двадцать два года! Мое сердце замерло от осознания такого долгого периода времени, такого огромного количества лет, которое я отсутствовал дома и не виделся с родителями. Стыд и страх овладели мной. Внезапно появившееся желание вернуть время обратно – все двадцать два года плюс сто тринадцать дней, и как можно скорее – острым горем разрезали мое сердце пополам. Я тихо простонал, понимая несбыточность своего желания, невозможность сию минуту исправить положение и повернуть жизнь вспять, чтобы вычеркнуть хотя бы половину суммы от этого устрашающего числа «22», и приехать к родителям, обрадовать их своим появлением, загладить вину... /

...Когда ты уехал, Слава, мы и не думали, что так надолго ты исчезнешь. Но мы радовались твоим успехам, болели за тебя, молились, чтобы у тебя складывалось все хорошо. Мама всегда тобой гордилась и всем хвастала, какой ты у нас смышленый. Но в то время мы еженедельно, а то и чаще, но хотя бы перезванивались, и благодаря телефону казалось, ты где-то рядом с нами. С каждым месяцем мы скучали по тебе все сильнее и сильнее. Особенно мама болезненно переносила разлуку с тобой. Я же, Славик, как мужчина, понимал тебя: молодость, работа, карьера, деньги, город, девочки... Я-то все понимал, знал: когда сорванец наш насытится свободой, нагуляется, когда повзрослеет и остепенится, тут же приедет к своим старикам. А женщинам разве это понять? Мать, я же видел, уже на втором году твоего отсутствия все чаще и чаще тайком поглядывала в окно. И, если мимо проезжала какая машина, особенно нездешняя, сразу спешила на порог посмотреть, не ты ли приехал. Часто подолгу стояла у окна в раздумьях; и как обычно, перед выходными или праздниками, готовила еды на одну порцию больше, рассчитывая на тебя.

/ я представил лицо мамы, ее глаза, ее радостные и счастливые глаза; как она выглядывает из окна, услышав звук мотора приближающейся машины, с надеждой на то, что это приехал я. От обиды, что никог-

да не смогу порадовать ее таким подарком, я со всей силы ударил кулаком по столу и взвыл. Но не от боли в руке, а от боли в груди... /

...Когда ты сообщил и познакомил нас, пусть и по телефону, с Юлией, мы очень-преочень обрадовались. Думали: наш сын, наш Слава, наконец-то остепенился и бросил якорь. Для нас это означало: ты скоро приедешь. Ведь ты должен же был нам с матерью представить свою будущую жену, а потому обязательно приедешь познакомить нас с ней...

/ Господи праведный, как давно это было! Как я забыл про это?! Как забыл про нее, про Юлю, Господи! Это же было Бог знает в каком году, мы не больше двух лет сожительствовали и разошлись навсегда. Я даже лица ее не помню! Как же быстро мы живем /

а может и с ее родителями, знаешь, как полагается, как принято: знакомят с родителями невесты. Но ты продолжал уклоняться от ответов и ничего не говорил о дате приезда, ссылаясь на занятость и подготовку к свадьбе, на деньги, которые якобы необходимо накопить для этого случая...

/ «якобы» – эта частица, выражающая сомнение, значением которой отец подчеркнул свою неуверенность в правдивости моих слов, покоробила меня /

...Мы понимали тебя, сынок. Мы все равно ждали тебя и понимали. Это же не то, что у нас тут, размеренная сельская жизнь. Ты ведь живешь в большом городе как-никак, где деньги значат больше, чем... В общем, шли годы, мы тосковали без тебя, продолжая ждать и любить тебя.

Славик, ты знаешь... сейчас поделюсь с тобой, теперь уж можно...

Прости, сынок, плохо себя чувствую, приму лекарства и сразу вернусь. Я сейчас...

Так, порядок. Ты знаешь, Слав, твоя мама как-то в те годы, помню, ходила сама не своя несколько дней подряд: задумчивая какая-то, сама на себя не похожая, вижу, думает над чем-то, но молчит, не говорит ничего. Посчитал, что по тебе тоскует. И вот как-то одним осенним вечером подходит ко мне и ка-а-ак ошарашит вопросом, я аж поперхнулся. Не хочешь ли, спрашивает, ребеночка завести? Представляешь, Слав? Говорит, что вот, мол, Славик вдалеке, а так, видишь ли, у нас еще сынок будет или доченька. И заплакала старуха, в платок лицо спрятала. Да я и сам чуть не заревел, жалко стало ее. В общем, успокоил я ее, посмеялись мы над собой, да так и осталась эта затея неосуществленной: нам же почти по полвека от роду было, уж в какие там дочки-матери нам было играть! На том и позабыли об этом и продолжали жить для тебя...

/ как я мог не думать о том, что меня нет рядом с родителями целую вечность?! Как же я мог не понимать, не считать это важным и обязательным?.. /

...Но ты не приезжал. И что было больнее всего, ты даже не планировал свой приезд. И о Юлии не говорил, и о свадьбе молчал. Мы сначала думали, что вы решили пожить пока так, не расписываясь, как это модно сейчас. Но надежда в нас не угасала даже тогда, когда ты стал звонить нам один-два раза в месяц вместо прежних десяти-пятнадцати. Мы верили, что ты станешь богатым на своей работе в Москве, и тогда у тебя появится больше свободного времени, чтобы позволить себе отпуск и не думать о деньгах, и ты навестишь нас. А еще мы очень надеялись, что Юлия беременна (вот же старые дурни!), и постоянно подсчитывали недели ее беременности, ожидая предполагаемую дату рождения нашего внука или внучки. Затем, когда дата проходила, а ты все молчал, добавляли пару месяцев, чтобы воображаемый наш внучок вроде как окреп немного, подрос и вы всей семьей приехали бы к нам. Но родись у вас ребенок, Славик, мы и сами примчались бы к вам. Только бы родился... И только бы знали, куда ехать-то. Ты же менял квартиры, помнишь, как перчатки, и последние места твоего обитания мы уже и не знали. Да ты и не сообщал больше, ссылаясь на «потом сообщу, когда обоснуюсь».

А потом ты стал звонить нам только по праздникам или чтобы поздравить с днем рождения. И все чаще был краток и несловоохотлив. Мы не успевали даже расспросить тебя обо всем. Ничего не знали о твоей работе: где ты и что делаешь, чем увлекаешься. Как сказал нам еще вначале, что работаешь в крупной компании, связанной с недвижимостью, но кем и чем в ней занимаешься, так и не уточнил. Хорошо, что фотографию тогда свою прислал, а то бы мы и представить себе не смогли, какой ты у нас стал.

Конечно же, мы всегда радовались твоим поздравительным открыткам. Даже Прохор, почтальон (ты его

не знаешь, не застал), знал, с каким нетерпением мы ждем от тебя весточки. Он радовался вместе с нами и заранее сигналил, подъезжая к дому, когда вез письмо или открытку от тебя. Мама сохранила все твои письма и открытки, они в шкафу, в нижнем ящике. Они, письма, всегда теплее были, чем эти короткие холодные звонки. Но прогресс постепенно вытесняет почтовую связь – нынче все пользуются мобильными телефонами.

Последний раз ты поздравил нас с Рождеством, плюс-минус...

/ я почувствовал, как огнем горят мои щеки... от стыда и позора за мое равнодушие и черствость, за мои эгоизм и бездушность /

...один день – это 6018 дней, или 16 лет назад. Мы так привыкли получать твои поздравления, что еще долгие годы продолжали заглядывать в почтовый ящик, надеясь обнаружить в нем весточку от тебя. Даже после праздников продолжали верить, что получим письмо позже, допуская, что оно могло задержаться в пути.

Прохор вскоре перестал подавать нам сигналы в начале улицы, когда развозил почту на велосипеде...

Что ж, оставались хоть «встречи», так сказать, по телефону. И пусть с каждым годом ты звонил все реже и реже, но тем не менее хоть какие-то радость и успокоение от этого общения для нас, несомненно, оставались.

Годы шли, мы старели. Наши мечты понянчиться с внуками таяли с каждым годом. Мы понимали: еще немного, и приехать к тебе будем уже не в силах.

Лет семь назад мама серьезно заболела. Это произошло примерно в то время, когда ты позвонил нам в последний раз, когда, помнишь, рассказал нам про контракт с японцами, про тоннельный проект, в котором ты будешь участвовать на Сахалине. И как только вы закончите строительство, ты пообещал, что приедешь к нам, помнишь? Это и был твой последний звонок – 3033 дня назад, или восемь лет. Примерно тогда мать и начала хворать. Мы еще думали, что ты сделаешь нам сюрприз и заскочишь хотя бы на денек в Талицы: тебе же это было бы как раз по пути на Дальний Восток. Но не буду вдаваться в подробности, что беспокоило мать, ты и сам обо всем узнаешь, когда приедешь. Думаю, пусть не на сами похороны, но в ближайшие дни после нашей кончины ты обязательно, сынок, приедешь и сам все узнаешь от нашей соседки, от Лидии Матвеевны. Ты же помнишь ее? Тетю Лиду. Как она вас яблочными пирогами, сорванцов, баловала: тебя да друга твоего Жеку, помнишь? Он, кстати, Женька, дипломатом стал, работает при посольстве в одной из арабских стран, во как! Умный малый. Каждый год приезжает к своим...

Короче, мама стала чаще болеть, и с каждым месяцем ей становилось хуже и хуже...

/ я не заметил, как сжал уголок листа, а когда разжал кулак, из ладони на стол выпал скомканный и мокрый от пота обрывок бумаги. Я вспомнил этот звонок, и про контракт на строительство тоннеля вспомнил, про который выдумал, чтобы оттянуть время приезда, надеясь, что позже, когда дела мои поправятся, я приеду в родной городишко к родителям с достойным видом удачного человека и сына /

...Мы всем рассказывали, что ты занят на важном для страны проекте – на масштабном строительстве тоннеля, который соединит материк с Сахалином и с японским островом Хоккайдо. Нам мало кто верил, да это и понятно: сколько лет мы ни следили за новостями, об этой стройке так никто и не сказал ни слова. Мы решили, что проект по каким-то причинам закрыли. К тому же в то время президент еле страну спас, если помнишь, от дефолта, какой уж там тоннель. Еще и весь мир на нас взъелся, придумав, как ее, имбрагу... тьфу ты, и что за слово такое придумали?! Ах, нет... эмбарго, во! Опять вроде как враг объявился в лице американцев, которые подогревали нас своей очередной гонкой вооружений. Вот мы и решили, что твои планы в связи с этим тоже поменялись.

Но мы продолжали ждать тебя, ничего другого нам не оставалось. Тяжело это, знаешь, Слав, жить в ожидании, в неведении. Но мы ждали. И мама ждала тебя, Слава, ждала всегда и до последнего верила и выглядывала в окно... И продолжала делать запасы продуктов к выходным не на двоих, а на троих. Всегда. Пока могла ходить...

Слава, устаю что-то... Сейчас вернусь, я быстро.

Все, я на месте. Итак, на чем я остановился? Ах, да.

Год назад мама совсем слегла: могла самостоятельно сидеть, но больше уже не вставала с кровати и не ходила. Мы вместе с тетей Лидой, дай, Господи, ей долгих

лет жизни, ухаживали за мамой. Я очень переживал за маму и поначалу вроде держался, держался, но нервы все-таки сдали: посыпались на меня болячка за болячкой, и сник я совсем.

А где-то месяца два назад подозвала она меня к себе и попросила найти тебя. Как же я найду, Господи ты, Боже мой, я еле сам держусь на ногах, отвечаю старухе. А она вот что, оказывается, придумала: найми, говорит, детектива, пусть, мол, он найдет тебя и попросит приехать. Хотелось ей, Славик, увидеть тебя перед смертью. Да и я воспылал надеждою встретиться с тобой. Ну вот я и занялся этим вопросом. Попросил здешнего адвоката, Петровича, помочь нам в поисках тебя. Он и денег-то немного взял за услугу. Так вот он, в свою очередь, нанял какого-то частного детектива из Екатеринбурга, который, видишь ли, так быстро тебя нашел, что я аж пожалел, что не сделал этого раньше, хотя бы лет пять назад. Оказалось, что обитаешь ты в Питере. Итак, половина дела была сделана. Оставалось только сообщить тебе. Но просьбу матери я Петровичу не стал озвучивать, а попросил лишь об одном: просто сообщить тебе о нашей с мамой смерти; и как можно скорее после нашей кончины. И добавил пару сотен сверху, дабы не забыл это сделать своевременно.

Только неделю назад я решил поделиться с мамой результатами поиска и рассказал, что ты нашелся и тебе сообщили о ее просьбе...

/ мне, читая эти строки, расхотелось жить /

...Сейчас я объясню тебе, сынок, почему я не стал тебя раньше времени подрывать с места и сообщать об умирающей матери, сейчас... Руки устали. Пойду приму лекарства и вернусь, допишу...

...Так, порядок. Я снова в строю.

Это письмо, скорее всего, передаст тебе тетя Лида. Я заранее ее попросил об этом, сказал, что найдет его на столе в нашей комнате и передаст тебе вместе с ключами от дома, когда ты приедешь.

Слава... Славик, прости, я никогда не думал, что придется о таком тебе писать. Я потому и не хотел, чтобы ты приезжал сейчас и застал нас такими никчемными и... старыми. Прости, я сейчас соберусь с мыслями...

...О, стало легче. Принял еще дозу лекарств, будь они прокляты. Все, теперь я смелее.

Славик, прости, что описываю все это, но как есть.

Я вот сижу и пишу все это в нашей с мамой комнате, в спальне за столом, за тем дубовым старым столом, за которым ты выполнял домашние задания, когда учился в школе, помнишь? Теперь он находится в нашей спальне, на нем телевизор стоит, который мама смотр... прости, я сейчас...

...Я пишу это письмо, пишу с перерывами около часа где-то. Позади меня на кровати лежит мама. Твоя мама, Славик. Твоя мама — моя жена. Мы столько лет прожили вместе, что я жизни без нее не представляю. За 44 года мы никогда не разлучались дольше, чем на день. И вот я пишу тебе, а она... а она два часа назад как умерла, сынок. Ничего не сказала, не просила, не плакала, а тихо умерла. Я предчувствовал, что на днях это случится, и потому не стал никому ни звонить, ни сообщать. Подсчитал, что по времени успею все сделать: подготовить ее, поправить, переодеть и привести в порядок перед встречей с Господом нашим. И еще успею написать тебе письмо. А затем переодеться и прилечь рядом с ней.

Тетя Лида каждый день приходит к нам около трех после полудня, помогает покормить маму и приготовить ужин. Поэтому у меня еще в запасе есть 42 минуты.

Славик, сынок, как бы там ни было, все хорошо... Жаль, конечно, что мы так и не съездили на рыбалку на Байкал... ну ничего... ой, что-то мне... сейчас, Слава, схожу в уборную...

...Ха! Последний раз в жизни сходил, отлил! Ну надо же, никогда бы не подумал, что запомню это... Так, чувствую, начали действовать таблетки... Пора прощаться, сынок. Пойду-ка, прилягу к маме, а то не успею... плохо мне... через полчаса тетя Лида...

...внуки похожи на нас, Славик?

...если бы ты был бы рядом, я не делал этого бы...

...помнишь воздушных дракончиков? Мама ждет открытку, отошли ей открытку...

...сын... пойду я... плохо мне...

...на Озеремного рыбы... ты возьми сходи удочки, Слав...

...приезжай... сорванец... эдакий...»

Я долго еще смотрел сквозь слезы на текст письма. Просто тупо смотрел на листок, больше ни о чем не в силах думать. Не хотелось даже шевелиться: казалось, я разбужу родителей, и они проснутся – проснутся в своей кровати позади меня. Я вздрогнул, когда из коридора послышался скрип половицы. Мне показалось, что кто-то осторожно ходит по дому. Прошло несколько минут – тишина.

Я оглядел дубовый стол, нагнулся и осмотрел старинный стул, на котором сидел, оглянулся назад, на кровать родителей... и закричал!

Закричал от боли!

Потому что она была пуста.

Небрежно свернув конверт и засунув его за пазуху, я поднялся из-за стола и стал выходить из комнаты, стараясь не смотреть на кровать. Проходя мимо древнего шкафа с потертым и немного пыльным зеркалом на дверце, я вновь вскрикнул от неожиданности и невольно отпрянул назад, испугавшись своего отражения, в котором вместо себя увидел старца-уродца, который смотрел на меня бездонными, полными страдания и безумия глазами. Но глазами – моими. Я испугался самого себя! Тот, кто смотрел на меня из зазеркалья, мало чем походил на меня прежнего, на того меня, каким я был еще час назад, перед тем как вскрыть и прочитать письмо отца. Тот, кто смотрел на меня в отражении, был совершенством безобразного; и все в мире уродства души человеческой и всех отрицательных его эмоций и характеров, казалось, были заключены по ту сторону зеркала в лице той мерзкой твари, на которую я смотрел. А она – на меня...

Не стал я ни о чем расспрашивать соседку тетю Лиду. Наверняка она не пожелала бы со мной общаться. Как в тумане, я вышел из отчего дома и направился к своей машине: хотелось поскорее уехать в ближайшую гостиницу, спрятаться от мира, от глаз, от себя... И только я открыл дверцу своего кроссовера, как позади себя услышал шаги и мужской голос с хрипотцой:

– Вячеслав Иглевских?

Я обернулся. Незнакомый мужчина средних лет подошел ко мне вплотную, снял старомодную широкополую шляпу темно-коричневого цвета.

– Вы сын Захара и Марии Иглевских, не так ли?

Я кивнул головой.

– Мои соболезнования вам. Хорошие люди были ваши родители, прекрасные – той еще, старой советской закваски, – незнакомец странно всматривался в мои глаза, щурясь от солнца. – Понимаю ваше горе.

– Да, – ответил я, глотая слезы, пытаясь понять, кто этот человек, знавший моих родителей: слесарь, врач, почтальон?

– Откуда в человеке берется эта пакость, не понятно. Вот над чем бьются ученые-генетики, над природой происхождения этой заразы, – продолжал мужчина, разглядывая родительский дом.

– Вы про что? – не понял я, удивленный внезапной сменой темы и выражения лица незнакомца.

– Пока есть такие, как вы, славики-сорванцы, будет жить и этот порок.

– Да вы о чем? – мне уже не нравился этот странный тип.

– О памяти, – ответил он и вздохнул с сожалением, – о короткой памяти, о забывчивости.

– О какой такой забывчивости? Что вы вообще несете?

– Вы не понимаете? – он изучающим взглядом вперился в меня.

– Я не забывал их... – выпалил я и осекся, сам себя не понимая, почему я решил, что он имеет в виду меня. – Вы про кого говорите?

– Теперь я говорю про Марину... – незнакомец развернулся и стал уходить.

Я почувствовал укол в сердце – Марина... Марина. При чем тут Марина? Кто он такой?

– Эй! Вы кто такой? – крикнул ему вслед, раздраженный тем, что он так беспардонно уходит, оставляя меня в недоумении и на полуслове.

И при чем тут моя дочь Марина? Не тот ли это сыщик из Екатеринбурга?

– Да кто вы такой, черт вас дери? Вы куда? Стойте!

– Я отправляюсь к Марине, – не оборачиваясь, ответил сумасшедший, в прощальном жесте махнув рукой.

– Постойте! Кто вы?

Человек остановился, постоял, опустив голову. Потом оглянулся через плечо и артистично, размахивая шляпой над головой и ехидно улыбаясь, представился:

– Зовите меня Ген Забывчивости, – после чего водрузил шляпу на голову и продолжил путь в конец улицы.

– Что...

– Ты чего, Слава? – голос деда Афанасия, давнего знакомого нашей семьи, вывел меня из оцепенения. – Ты чего? С кем это ты? Я сначала подумал, что ты с кем-то по телефону говоришь... Подхожу, вижу...

– Я... я с ним, с... – я указал в сторону незнакомца, повернулся... но не увидел никого на пустынной улице – сумасшедший как испарился!

– Слава, я понимаю тебя. Тебе надо побыть одному, успокоиться, – подбодрил меня старик, пожимая плечо. – Тебе надо привыкнуть...

– Но там только что был какой-то человек! Странный... в шляпе такой. Он ушел туда, – я недоуменно смотрел на безлюдную улицу, не понимая, куда мог деться этот тип. – Вы должны были видеть его!

– Тебе надобно как следует выспаться, парень. Это бывает с каждым.

Я плохо понимал, о чем мне говорил дед Афанасий, но запомнил слова про то, как отец сильно любил мою маму, как он не смог пережить ее смерть; как принял много снотворного, лег рядом с покойной мамой, взял ее за руку, уснул и... умер.

Лидия Матвеевна пришла спустя полчаса после смерти отца.

Спохватившись, я достал мобильник и как безумный принялся набирать номер дочери. В ответ – короткие гудки. Стал вспоминать: когда мы с ней в последний раз созванивались? Гудки, гудки... Марина, возьми же трубку... Гудки, гудки. «Забывчивость, ген забывчивости», – вертелось в голове. Марина не отвечала. Я набирал снова и снова, но она отключила телефон: «Абонент временно не доступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее...» Когда же мы перезванивались: на той неделе, в том месяце или на Рождество? Или в том году? Или в том веке?!

Как робот, молча, не обращая внимания на утешения Афанасия, я сел в машину, посмотрел через лобовое стекло на улицу, на городок своего детства, и все вдруг поплыло перед глазами. Я почувствовал пустоту: и в душе, и снаружи. Ощутил себя неким нулем – никчемным, жалким и пустым местом в этом мире.

И меня обуял страх – я испугался. Испугался одиночества.

Я не хотел быть забытым... собственными детьми.

Смутно помню, как автоматически продолжал набирать номер дочери и как связь вдруг появилась; как в полуобморочном состоянии успел расслышать щелчок – произошло соединение; как хотел было от радости выкрикнуть ее имя, но вместо этого мой онемевший рот, будто набитый едой, произвел некий утробный звук в виде мычания, и я почувствовал разливающееся в паху тепло.

Довольно знакомый спокойный мужской голос с хрипотцой на другом конце провода стал монотонно повторять:

– Вы забыты собственными детьми... вы забыты собственными детьми... вы забыты... ■

ГОСТЬ НОМЕРА

ru.freepik.com

«ПИСАТЬ СТИХИ О РОДИНЕ И РАЗГОВОРЕ С БОГОМ...»

Беседа Даниила Диденко с поэтом Сергеем Зубаревым

Д. Д.: ***Сергей Куприянович, спасибо большое, что согласились на беседу! Без лишних предисловий… Мы многое знаем о Вас как поэте, о силе Вашего слова, но для начала хотелось бы обратиться к жизненному пути. Если бы Вы писали автобиографию, скажем, на страницу или две, какой бы она вышла?***

С. З.: Я родился в городе Челябинске в 1954 году 28 августа в 23 часа 50 минут. Через годы в стихотворении «Август» я написал:

Ночь. Паденье звезд и яблок спелых.
Не такой ли ночью – слышишь, мам! –
Я, родившись под созвездьем Девы,
Яблоком упал к твоим ногам?

Может, потому я и «сова», что в полночь родился? И стихи многие мною написаны в полночь.

Дошкольные годы мои прошли не по детским садам и яслям, а в родительском доме под присмотром деда и бабушки, о которой позже я узнал, что она мне не родная, мачеха моего отца. Но других бабушек у меня не было (родители мамы умерли, когда она еще была маленькой девочкой, мать отца ушла в мир иной, когда он был мальчишкой), поэтому я воспринимал бабушку Аксинью, или, как ее еще называли, бабу Сину, как родную. Совершенно неграмотная старушка, не умеющая читать и писать, знала множество сказок. Долгими зимними вечерами, сидя на лавке возле жаркой русской печи, мы со старшей сестрой, раскрыв рты, слушали бабушкины сказки. Не прерывая вязанья, она нам рассказывала об Иване-царевиче, о Спящей царевне, про Лягушку-путешественницу... Позже, будучи учеником, я с удивлением узнал, что многие из бабушкиных сказок не являются народными, а имеют авторов. Откуда она их почерпнула? Может, услышала их в барском доме, где девчонкой работала прислугой.

Мама же в свободные вечера читала мне книги. «Робинзон Крузо», «Чингиз-хан», «Батый» – мои первые услышанные книжки. Или же, если мама работала во вторую смену, мы с ней шли в кино. Как сейчас вижу картину: мне лет пять, мы с мамой возвращаемся из кинотеатра домой. Под впечатлением от только что увиденного фильма «Мамлюк» я крепко-крепко вцепился в мамину руку, словно боясь быть отнятым у мамы и проданным в янычары.

И бабушкины сказки, и мамины книги, и походы с нею в кино воспитали во мне мечтательность. Рос я натурой впечатлительной, склонной к фантазиям.

В пору моего счастливого детства деду моему было уже за 70, но он все еще был крепким и сильным. Работая конюхом, часто брал меня с собой, и я не раз видел: мешки с картошкой или с зерном, как пушинки, летят на телегу из его ловких рук. Семейное предание гласит, что когда он был молодым, то на спор, взявшись зубами за узел, поднимал мешок пшеницы и заносил его на второй этаж мельницы. С дедом мы ездили на уборку картофеля, на сенокос. Неторопливо и натруженно бредут назад кони. На мешках ли с картошкой, на душистом ли сене лежишь и созерцаешь мир, который разливает на тебя птичьи трели на все лады, убаюкивает шелестом березовой листвы, а тающим следом, от пролетевшего реактивного самолета, манит за горизонт...

В 1961 году я пошел в школу. В 1963 году по состоянию здоровья отца переехали на Кубань в село Ким, под Апшеронском. Сразу за нашим огородом начинался лес. В этом лесу, где мы часто с друзьями, строя из веток вигвамы и питаясь дикими грушами, играли в индейцев, протекала река Пшеха. Мелкая речка, которую не раз мы переходили вброд, при излучине, вгрызаясь в крутой берег, образовала заводь, достаточно глубокую для того, чтобы купаться. В этой-то заводи я научился плавать. Сверстники старшей сестры бросили меня, как щенка, в воду, и я, визжа и барахтаясь в холодной горной речке, греб к берегу, который оказался вдруг таким далеким.

И еще одно событие, связанное с этим селом: здесь летом в 1964 году я написал свои первые стихи, перед самым отъездом на Урал. Что подвигло меня на это, и не вспомнить сейчас за далью лет. Только помню, с каким нетерпением я ждал встречи со старыми друзьями. Своим сельским друзьям я то ли не успел прочитать стихи, то ли постеснялся. Тем же летом мы вернулись в Челябинск. Тоска заела отца? А, может, ему было туго? Физически не очень сильному, работавшему на Урале бухгалтером, здесь ему пришлось трудиться разнорабочим в табакосовхозе. И вот первое сентября! Окрыленный, я вошел в родную школу, в свой класс. Как я ждал этого момента! Когда же прочитал стихи своим старым товарищам, то... был осмеян. Меня обвинили в плагиате, хотя тогда мы еще не знали этого слова. На семь лет я забыл о стихах.

Состояние здоровья отца ухудшалось, и в декабре 1966 года мы обратно переехали на Кубань, теперь уже к морю в станицу Анапскую, что под Анапой. Здесь в 1971 году я окончил среднюю школу и поехал в Ленинград поступать в Высшее инженерное морское училище. Завалившись, на первом же экзамене (на физике), вернулся домой и пошел работать на Анапскую прядильно-ткацкую фабрику слесарем. Скажу я вам, цветник еще тот! Иваново в миниатюре. Вот из этого цветника меня и выдернули осенью 1972 года, чтобы призвать на флот.

Окончив в Николаеве морскую школу связи, службу продолжил в Балтийске на среднем десантном корабле, где гоняли так же, как на больших и на малых. Усталый от хронического недосыпания, с радостью воспринял предложение флагманского связиста перейти на большой десантный корабль, отправлявшийся в дальний поход в зону арабо-израильского конфликта. Сутки грузили на корабль все необходимое для похода: провиант, горючее, боеприпасы... На рассвете: отбой! Был послан корабль с Черноморского флота. К завтраку несолоно хлебавши я вернулся на свой корабль. Годки (так на флоте зовут старослужащих), допивая свой чай, встретили ухмылкой:

– Что, салага, навоевался?

Служба продолжалась.

В 1975 году демобилизован. Вернувшись домой, устроился слесарем в котельную. Наверное, потому, что влюбился, в мореходку поступать больше не пытался. В 1977 году окончил автошколу (категории «В» и «С»). В этом же году женился. Когда еще только встречался со своей будущей женой, ее сосед вечно поддатый тридцатилетний разводяга донимал:

– Любка! Че ты в этом сопляке нашла? Выходи за меня замуж. У меня же руки золотые – я кому хошь морду набью.

Мои руки были не такими «золотыми», тем не менее свадьбу сыграли. В 1978 году родился первый сын. По окончании курсов машинистов-операторов котельных установок в 1979 году я был переведен в операторы.

Осенью 1984 года приснился сон: мой шестилетний сын едет на велосипеде, а за ним на самокате спешит малыш, я слышу во сне чей-то голос: «Это твой младший сын, он родится 27 июля». Все. Дальше не помню.

27 июля 1985 года родился второй сын.

С начала 80-х являлся членом ЛХО «Парус». Публиковался вначале в районных, а затем в краевых и других изданиях.

Шли годы. Менял места работы: был каменщиком на стройке, отделочником в пионерском лагере, вновь в котельной. Но неизменно все

эти годы посещал литобъединение. В 1991 году в Краснодаре с напутственным словом Кронида Обойщикова вышел в свет сборник «Пробуждение» (стихи анапских поэтов). В 1998 году в Анапе в издательстве «Золотое руно» выпустил сборник стихов «Грешное с праведным».

В 2007 году был принят в СП России.

«Художник, не бойся совершенства, тебе его не достичь», – сказал Сальвадор Дали в своих «Десяти заповедях художнику». И все же стремиться к нему надо, чтобы получить счастье в движении. Ибо движение и есть жизнь.

В январе 2009 года похоронил отца. А в мае постигло другое несчастье: погиб при невыясненных обстоятельствах мой старший сын. 24 мая, в День славянской письменности (усмешка судьбы?), сын ушел из дома на прогулку и не вернулся. Был найден через три дня мертвым под Су-Псехом в черешневом саду. Жизнь разделилась на до и после.

В 2021 году похоронил маму.

Но... надо жить и нести крест.

Д. Д.: ***Какое значимое событие или человек повлияли на Ваше творческое становление? С чего начался поэтический путь?***

С. З.: Как я уже выше сказал, первые стихотворения написал в селе Ким, расположенном вблизи Апшеронска. Живописные места, горная речка Пшеха, видимо, что-то всколыхнули в душе, какая-то искорка промелькнула, и родились первые строки. Затем лет на семь я охладел к этому. И лишь потом, когда в девятом классе к нам пришла новая учительница литературы Раиса Захаровна Панурина, в душе опять что-то вспыхнуло. Да и как иначе?

Она с таким вдохновением рассказывала о Лермонтове, Есенине, что просто не могла не раздуть в душе огонек из тлеющих угольков.

Впоследствии, уже будучи членом ЛИТО, то бросая писать стихи, то вновь возгораясь, я был однажды приглашен моим другом литератором Александром Егоровым на встречу с Иваном Вараввой, отдыхавшим в тот момент в Анапе. Как Саша договорился о встрече, я уже не вспомню за давностью лет. Это было лет тридцать назад. До этого я видел Ивана Варавву один раз на выступлении писателей Кубани, проходившем в книжном магазине Анапы. Мы взяли с собой анапского вина и поехали на встречу. Со мною был и мой младший сын Димка. Лет двенадцать ему было тогда. Встреча была теплой и незабываемой. Незаметно летело время. Весь вечер Иван Варавва читал стихи, перемежая их воспоминаниями. Прочел и я несколько своих стихотворений.

После прочитанного стихотворения «Поэты» Иван Федорович меня обнял и подарил свою книгу «Казачий кобзарь», вселив в меня веру в собственные силы. К сожалению, эта встреча была единственная, а подаренную книгу «зачитали».

Д. Д.: ***У каждого творческого человека есть свое «место силы», где он обретает душевный покой и творческое вдохновение. Какое место назвали бы Вы и почему?***

С. З.: Душевный покой я обретаю, будучи наедине с природой – на берегу моря или реки, глядя на угасающий закат или на проплывающие облака. Или же в саду, когда расцветают цветы, все благоухает, стремительно растет, а ближе к осени начинается увядание. И вот уже кружится первый лист. А там недалеко и до первых снежинок. Сколько во всем этом гармонии, в каждом цветке, в бесконечной сменяемости циклов. Как тут не почерпнуть вдохновение, увидев за всем этим Бога, как не заговорить с Ним! Ведь большинство стихов – это разговор с Богом. Это и горячая молитва, и попытка найти ответы на возникшие в душе вопросы, принять верное решение... Очень многие свои стихи я написал во время работы в саду: подвязывая или обрезая виноград, собирая опавшие листья или расчищая дорожки от снега, который бывает так редок у нас...

Д. Д.: ***События специальной военной операции внесли существенный вклад в развитие гражданской поэзии в России. Этот «поджанр», если можно так выразиться, нарекли «Z-поэзией». Несмотря на все идеологические изменения в политическом курсе страны, Вы остались верны тихой вдумчивой лирике, которая, на мой взгляд,***

всегда будет многограннее и глубже. А как Вы относитесь к такому развитию русской литературы, культуры?..

С. З.: Вот Вы сказали: «...остались верны тихой вдумчивой лирике...» Все так, но и я пытался и пытаюсь сказать свое слово на тему СВО. Другое дело, как это получается. Ведь мало обозначить свою позицию, поймать на этой волне ветер удачи, надо еще, чтобы это было талантливо, достоянием поэзии. Что же касается моего отношения к «Z-поэзии», скажу прямо, отношусь нормально. Если это сейчас востребовано и работает на победу, пусть будет так. Ведь были же в свое время литературные течения: акмеизм, имажинизм, футуризм... Время – беспристрастный судья – все расставит по местам, оставив лучшее из написанного. Как, например, вот это стихотворение Виктора Кирюшина:

ДОНБАСС

Срезана пулей рябины макушка.
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьет миномет,
И кукует кукушка:
Дни или годы считает она?
Может, вот здесь у разбитой котельной
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнется,
И крестик нательный,
Мамой подаренный, не сохранит.
Не упасет от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напророчила мне?
Молча уходим леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым, нательным крестом?

Д. Д.: ***В своих произведениях Вы часто обращаетесь к божественным образам как неотъемлемой части человеческого существования. Из этого рождается вопрос: как соотносятся творчество поэта Сергея Зубарева и его духовная жизнь?***

С. З.: Рано говорить о настоящей религиозной, духовной жизни. Индивидуальная молитва, как бы ни была она горяча, без участия в богослужебной жизни Церкви является всего лишь одной из составляющих духовной жизни. Должен признаться, что храм я посещаю не так часто, как того требует полноценная духовная жизнь. Так что я еще должен расти как религиозно-нравственная личность.

Что же касается божественных образов, то у меня как у человека, пишущего стихи, бывают в жизни мистические моменты, когда ясно ощущаешь присутствие Бога. Вот один из таких случаев. В свой день рождения я шел слегка хмельной. Вспомнил своего погибшего сына, и такая тоска смертная накатила. Жить не хотелось!

Вдруг телефонный звонок. Звонил Николай Зиновьев: «Слушай! За две минуты сейчас написал стихотворение. Откуда оно? Не думал ни о чем подобном...» И прочел стихотворение:

«Ну жил. Ну умер. Ну воскрес.
Допустим, в рай попал, не мимо.
Тоска!» – мне шепчет старый бес,
Когда-то бывший херувимом.

Я не ловлюсь на старый трюк,
На древнюю уловку,
Не забиваю в балку крюк
И не ищу веревку.

Позже я написал такое стихотворение:

ЗНАК

Не забиваю в балку крюк
И не ищу веревку.
Н. Зиновьев

Я шел усталый, чуть хмельной,
Беседуя с погибшим сыном:
«К чему теперь мой путь земной
Под этим грустным небом синим?

Не лучше ль, как звезда в ночи,
Сгореть за миг и кануть в бездну?

Ответь, сынок мой, не молчи...»
Но тихо лился свет небесный.

Роились мысли в голове
Моей – одна другой мрачнее.
А в предсентябрьской листве
Тоска, казалось, зеленеет.

Вдруг мысли оборвал звонок,
Звонил мой друг, что был поэтом:
«Я написал, брат, восемь строк
За пять минут. Откуда это?»
И выпал телефон из рук,
Дошел поэт до слов как:
«Не забиваю в балку крюк
И не ищу веревку».

Остолбеневший, я молчал,
И жизнь текла земная.
С Небес никто не отвечал,
Как знак подать, там знают.

Бывали и еще подобные случаи.

Д. Д.: ***За творчеством каких современных отечественных поэтов и писателей Вы следите?***

С. З.: Прежде всего за творчеством Николая Зиновьева. Так получилось, что мы с ним дружим более четверти века. И последние лет восемь, общаясь по телефону, читаем друг другу буквально все только что написанное.

Николая Зиновьева и его поэзию я открыл для себя в 93-м году. О, этот год был годом ярких открытий! Среди них был Вячеслав Дегтев со своей первой книгой «Копье викинга», впоследствии названный русским Джеком Лондоном, к сожалению, уже ушедший в мир иной. В том же году мне попалась в руки первая книга Николая Ивеншева «Душа душицы». Это был сборник рассказов и стихов. Через много лет, встретившись вживую, я был поражен и восхищен. Он, обладающий яркой харизмой, великолепный рассказчик, как же он читает стихи! Это надо видеть.

Сейчас, в пору интернета, следить за творчеством того или иного поэта или прозаика стало гораздо проще. Внимательно слежу за публикациями прозаика, поэта, критика Григория Блехмана, за творчеством поэтов Евгения Юшина, Андрея Попова, Надежды Мирошниченко и многих-многих других.

Д. Д.: ***Художественные произведения, безусловно, занимают одно из важнейших мест в нашей жизни. Мне же хотелось бы задать вопрос иного характера: какие образцы духовной прозы повлияли на Вас и Ваше творчество?***

С. З.: Из православной прозы я, должен признаться, все же читаю прозу художественную. Лет пятнадцать назад мне попалась в руки книга рассказов протоиерея Николая Агафонова «Отшельник поневоле». Написана тепло и с любовью, с мягким юмором и состраданием к своим героям. Не знаю, повлияла ли она на мое творчество, но на меня произвела огромное впечатление. Такая проза не только учит смирению и стойкости, но и заставляет на некоторые вещи и события взглянуть по-новому, под другим углом зрения. Вот, к примеру, как можно воспринимать обрушившуюся на тебя болезнь? Можно воспринять ее как несчастье и наказание, а можно как посланное испытание. Или даже как спасение от более тяжкого прегрешения.

Интересна и поучительна проза протоиерея Андрея Ткачева. Его рассказы о бесконечности Божьего мира, о непростых путях к Богу, о сострадании и любви к ближнему не оставят равнодушным ни одного читателя.

Д. Д.: ***Вспомним строки одного из Ваших стихотворений:***

Период немоты и отупения
Закончится однажды, а потом
Польется ли порой вечерней пение,
Наполнится ли музыкою дом?
Как долго будет длиться эта оторопь?
И вот хватаю воздух жадно ртом...

Можно долго перебирать слова, называя факторы, подталкивающие автора к написанию

произведения. А в чем находите свое вдохновение Вы?

С. З.: Как говорят, существуют три неиссякаемых источника вдохновения для поэтов: природа, родина, любовь. Согласен. И я припадаю к этим живительным источникам. Еще у меня есть стихи, рожденные из снов либо из строк стихотворений, пришедших во сне, из тех строк, которые удается запомнить. А бывает, читаешь какого-то автора, и вдруг тебя цепляет строка и торчит занозой в душе, и что-то там начинает бродить, иногда это превращается в стихотворение. И все же это не значит, что вдохновение – это едва слетевшая на плечо небесная голубка, которая тотчас наворкует тебе стихи. Джек Лондон говорил: «Не стоит ждать вдохновения, за ним надо гоняться с дубиной».

Слетит голубка вдохновенья,
К поэту сядет на плечо
И заворкует горячо:
«Я помню чудное мгновенье...»
Кто в юности не думал сладко,
Что и к нему слетит она?
И раскрывал свою тетрадку,
И ждал, пьянея без вина.

Голубка белая в полете...
С годами только понял ты:
Не ждать, а надобно найти
То вдохновение в работе.
В работе и сосредоточься,
И он придет, тот светлый миг...
Постичь бы тайну междустрочий!
Но кто из нас ее постиг?..

Д. Д.: ***Цензура, самоцензура, полная творческая свобода… Что из перечисленного кажется Вам наиболее органичным способом организации литературного процесса?***

С. З.: Я думаю, что моральные и нравственные принципы автора, его совесть – это и есть тот внутренний цензор, который дает полное ощущение творческой свободы и не мешает автору работать.

Д. Д.: ***Сергей Куприянович, какими главными правилами/принципами Вы руководствуетесь при написании своих произведений?***

С. З.: Для меня главное – быть искренним, честным. Да, мысль, образность важны в стихотворении. Но если в нем нет души, никакая словесная эквилибристика ее не заменит.

Д. Д.:

…Когда угасает Любовь,
Согреет ли русская печь?
Отыщем ли снова с тобой,
Что мы не сумели сберечь?
Кладу уголек на ладонь,
Раздуем ли вместе огонь?..

Сергей Куприянович, привожу отрывок из Вашего стихотворения не только из-за пленительной красоты поэтического слова… Что для Вас означает любовь?

С. З.: Столько уже сказано о любви, что трудно сказать о ней что-то новое. Но о ней говорят и будут говорить, пока существует мир, пытаясь понять, что же это такое – любовь? Это вначале «любовь – пожар и удар молнии», любовь-страсть. Со временем она преобразуется в любовь-уважение, любовь-жертвенность, любовь – это еще и работа, любовь – это и умение прощать и находить компромиссы. Но любовь – более емкое и широкое понятие, вмещающее в себя и любовь к родине, семье, к тому или иному делу, природе и т. д. Все начинается с любви...

ВЛЮБЛЁННЫМ

Что есть любовь? –
нечерствеющий хлеб для души
Или для плоти хмельное вино золотое?..
Или огонь? Ты попробуй его потуши,
Если он в сердце. Ведь это чего-нибудь стоит.

Этот огонь разгоняет пожар по крови,
Алые зори для вас полыхают вполнеба...
Если готов кто сгореть от горячей любви,
То для влюбленных другого не надобно хлеба.
Дай же, Господь, видеть радость в любимых очах,

Вместе по жизни идти, вот же счастье простое!
И чтоб огонь в очаге никогда не зачах,
Хлеб на столе был и было вино золотое...

Д. Д.: ***Какие, на Ваш взгляд, изменения претерпела отечественная литература и шире – культура – с начала 2000-х?***

С. З.: После злонамеренного развала Советского Союза государство, замороченное идеями либерализма, отстранилось от литературы и культуры. Литераторы были предоставлены самим себе. Тиражи книг, выпущенных на деньги автора, упали до мизерных размеров. Рынок заполонило чтиво, да и книги стали малодоступными. Страна стала меньше читать. Огромные книжные магазины приказали долго жить. За годы оптимизации в России исчезли тысячи и тысячи деревень. А значит, сколько вместе с ними кануло в вечность больниц, школ, библиотек?.. Никто не скажет. В народе говорят: «Культура – это лицо власти, какая власть, такое и лицо». В последнее время государство, пытающееся сорвать с себя либеральные цепи, вновь обратило внимание на литературу и культуру. И это обнадеживает, может быть, мы увидим умное и благородное лицо.

Д. Д.: ***В советское время культура чтения была важной частью государственной политики. Это период нашей истории, которую иногда называют эпохой «стадионной поэзии». Заполненные трибуны «Лужников», зрители, восторженно слушающие стихи любимых авторов... Сегодня это звучит, скорее, как утопия. Как Вы считаете, способны ли мы возродить «культ книги»?***

С. З.: Да, я помню, как ходил, будучи юным, на выступления кубанских поэтов и прозаиков, приезжавших к нам в Анапу. Встреча проходила в магазине «Книжный мир», который занимал весь первый этаж большого многоквартирного дома. Сейчас магазин с этим же названием сузился до мирка в пятнадцать квадратных метров. А «Краснодарский дом книги» где? А когда Вы в последний раз видели, как поэты читают свои стихи на центральном ТВ? Или беседы прозаиков? Поэтому вопрос Ваш вызывает большие сомнения. Возможно, он может разрешиться в том случае, если будет на то воля государства.

Д. Д.: ***Литература, несомненно, – важная часть воспитательного процесса. Рождается закономерный вопрос о молодом поколении. Какой Вы видите современную молодежь?***

С. З.: Молодежь всегда такова, каково время, в котором она живет. Время с его пороками и добродетелями, со взлетами и падениями... Как время не опишешь одними темными или светлыми красками, так и о молодежи не скажешь двумя словами: она плохая или хорошая. Впрочем, как и о всех нас. Молодежь – разная, как и мы все. В целом же молодежь – умная, целеустремленная, героическая в определенных обстоятельствах. Одним словом, достойная. Молодежь во все времена была полна энергии, жаждой справедливости и перемен, полна идей. Ей жить дальше и исправлять те перекосы, какие наворотили за последние тридцать лет. Ей строить новый мир. И я надеюсь на нашу молодежь.

Кто-то скажет: «Человек – продукт среды», и заколют вдруг иглами в сердце строки Юрия Кузнецова:

...Все грозней небеса, все темней облака.
Ой, скаженная будет погода!
К перемене погоды заныла рука,
А душа – к перемене народа.

Но, вопреки этим строкам, пока дышу, надеюсь. А на кого еще?..

Д. Д.: ***Нашу беседу обязательно будут читать студенты факультета журналистики Кубанского государственного университета. Можете посоветовать им что-то из классической литературы для духовного развития?***

С. З.: Духовно-нравственная составляющая красной нитью проходит во многих произведениях наших классиков. Будь то Пушкин с Гоголем или Достоевский и Чехов... Помните, у Чехова сказано устами Маши из «Трех сестер»: «Мне кажется, человек должен быть верующим или дол-

жен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста...» Поэтому мне хочется предложить сегодня произведения авторов, наших современников. Это уже вышеупомянутый протоиерей Николай Агафонов с книгами «Отшельник поневоле», «Свет золотой луны», протоиерей Андрей Ткачев, книга «Страна чудес», архимандрит Тихон (Шевкунов), книга «Несвятые святые». Это рассказы о любви к ближним, сострадании, поисках путей к Богу, красоте Божьего мира, нравственном выборе.

Д. Д.: ***В предисловии к своему стихотворению «Время огня» Вы цитируете высказывание святителя Николая Сербского: «Перед нами время огня, и время покажет, кто из соломы, а кто из железа». Последний же катрен стихотворения звучит так:***

Время огня полыхнуло над бездной,
Будь готов, каждый!
Кто из соломы, а кто из железа,
Время покажет.

Конечно, речь идет о нынешнем противостоянии по линии «Россия – Запад». По-вашему, что мы можем извлечь из данного конфликта? Ведь огонь – это как символ духовного очищения, воскрешения, так и полного уничтожения сущего...

С. З.: Чтобы что-то извлечь, вначале мы должны победить неонацизм, как победили нацистов наши отцы и деды. Иначе нас просто не будет! А затем пересмотреть и изменить все наши межчеловеческие отношения, где сейчас царствуют алчность, нажива, обман и прочие пороки, толкающие нас в бездну, когда попраны мораль и нравственность, а затем построить новый, более справедливый мир, где бы царствовали вера, надежда, любовь.

Но пока одна часть народа бывшей некогда единой и великой страны убивает другую часть народа. Льется кровь, множится горе с обеих сторон на радость Западу. Но как бы ни было нам больно и горько, мы должны победить. Не народ Украины, а победить зло. Да, есть опасность уничтожения сущего...

Будем все же надеяться и верить, что до этого не дойдет. И молиться Богу.

Все в мире сущее от Бога!

Д. Д.: ***Быть поэтом – значит принимать на себя большую ответственность. Николай Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» называл русских лириков «духовидцами», то есть пророками. А какую роль поэта в современном мире можете назвать Вы?***

С. З.: О роли поэта в современном мире сказано так много. Поэт – это и хранитель языка, и голос своего времени, и много еще чего. Поэт обращает внимание читателя и на красоту родного края, и заставляет задуматься его по поводу тех или иных событий. А в трудную минуту и утешить читателя, и унять боль его. Суть поэтического творчества я попытался выразить в стихотворении, посвященном Николаю Зиновьеву.

Д. Д.: ***Можете поделиться с нами своими творческими планами на будущее?***

С. З.: Жить! Сколько даст Бог. Растить сад, радуясь плодам его. Удивляться, как быстро растут внуки. Радоваться их успехам и огорчаться неудачам. И писать стихи. Стихи о первом снеге и весеннем дожде. Что может быть лучше весеннего дождя! Писать о проселочной дороге, по которой когда-то давным-давно мы шли с сыном под песню желтой трясогузки. Писать стихи о родине и разговоре с Богом, о жизни и смерти, о любви и о душе. ■

Архив Лидии Сычёвой

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

Родилась в 1966 году. Окончила исторический факультет Воронежского пединститута и Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг прозы, публицистики, литературной критики. Главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО». Проза Лидии Сычёвой переведена на арабский, болгарский, китайский и немецкий языки. Живёт и работает в Москве.

Архив Андрея Нейжмака

АНДРЕЙ НЕЙЖМАК

Родился в 2003 году в городе Ростове-на-Дону. Магистрант факультета журналистики Кубанского госуниверситета. Публиковался в журналах «Родная Кубань», «Художественное слово» и других СМИ. Член Союза журналистов России. Корреспондент редакции «Царьград Юг». Живёт в Краснодаре.

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ – ПЕВЕЦ ГАРМОНИИ

Интервью Андрея Нейжмака с Лидией Сычёвой

А. Н.: – ***Лидия Андреевна, Вы опубликовали много текстов, посвященных Лихоносову. Есть среди них и те, что касаются Ваших с ним дружеских отношений. Но о том, когда впервые Вы встретились с писателем, до сих пор неясно.***

Л. С.: – Во времена работы в «Учительской газете» у меня появилась трибуна, чтобы рассказать миру о том, кого я люблю. Был такой случай. Однажды я брала интервью у Сергея Куняева. В соавторстве с отцом, поэтом Станиславом Куняевым, он написал книгу о Есенине. Беседа получилась хорошей. Я решила ее украсить эпиграфом и врезами из «Люблю тебя светло» Лихоносова, но авторство цитат не стала подписывать полностью, указала лишь – В. Л. У меня было такое наивное чувство, что если я знаю и люблю Лихоносова, то и всем другим он тоже дорог, а уж культурные люди его должны узнавать по одной фразе.

Звонит мне домой дежурный редактор, говорит: «Идет твой материал, мы его сверстали, цитаты хорошие, но кто такой В. Л. или что такое В. Л.? Может, это твоя цитата?»

Я так оскорбилась! «Ну как же, – говорю, – вы что, не знаете, кто такой Виктор Лихоносов? Не читали его книг?!» После этого случая вся редакция знала про Виктора Ивановича.

Я запоем читала его прозу: «Люблю тебя светло», «На долгую память», «Элегия», «Осень в Тамани», «Наш маленький Париж»... Из любви к его творческому дару написала очерк «Литературные мечтания. Размышления о прозе Виктора Лихоносова». Это был девяносто шестой год. Очерк вышел в газете, в Литинституте меня обругали «продвинутые» студенты – им ближе были авторы-экспериментаторы, пишущие про «цветы зла». Заступился за нас с Лихоносовым руководитель творческого семинара писатель Руслан Киреев.

Проходит какое-то время. Однажды я засиделась по работе в «Учительской газете», она размещалась тогда в Ветошном переулке на Красной площади. Представьте: вечер, тишина, из сотрудников никого. Вдруг из длинного коридора раздался крик старушки-вахтерши: «Лидия, к тебе тут гости». Входят в кабинет двое рослых мужчин: отец Сергий Разумцев и художник Валентин Новиков. Очень странная пара! Мы с ними до этого никогда не встречались. Отец Сергий заявил, что они пришли от Лихоносова. Оказывается, Виктор Иванович прочитал мой очерк и приглашает меня в Краснодар на юбилей. Конечно, вторая часть этого известия была просто шуткой от друзей писателя. Даже я, влюбленная в прозу Лихоносова, этому не поверила. Разумцев и Новиков тотчас позвонили Виктору Ивановичу. Он взял трубку, поблагодарил меня за статью и сказал, что хочет увидеться, когда будет в Москве. А еще мои гости сообщили о скорой публикации «Литературных мечтаний» в «Нашем современнике». Так и получилось.

Кстати, Лихоносов до нашего знакомства бывал в здании, где располагалась «Учительская газета». Виктор Иванович приходил в издательство «Советская Россия», там вышло несколько его книг, в том числе двухтомник «Избранные произведения» со вступительной статьей Олега Михайлова. «Учительская газета» была на втором этаже, а «Советская Россия» – на третьем. Атмосферу издательства и этого старого дома с

длинными коридорами очень хорошо передал в повести «Вот пришел великан...» Константин Воробьев.

С отцом Сергием мы потом часто виделись. Очень интересна его работа о детях генерала Ермолова, покорителя Кавказа.

Последний раз втроем мы (Лихоносов, отец Сергий и я) встречались на яснополянских чтениях в Хамовниках. Виктор Иванович сделал тогда много фотографий, часть передал мне на хранение.

А. Н.: – ***Когда же Вам после «происшествия» в редакции «Учительской газеты» удалось увидеться с Виктором Ивановичем?***

Л. С.: – Как и договаривались, встретились в Москве. Только случилось это намного позже, примерно в две тысячи восьмом году. За это время мы уже начали переписку, иногда созванивались.

Первая личная встреча состоялась в Союзе писателей на Комсомольском проспекте. Есть даже фотография: мы с Виктором Ивановичем сидим за столом, между нами – портрет Пушкина. Разговор был обычный, можно сказать, бытовой, потому что все литературные беседы шли по телефону, через электронную почту.

А. Н.: – ***Вы не раз являлись гостем «лихоносовской» конференции в Краснодаре. Как Вас встречал Виктор Иванович?***

Л. С.: – Все началось раньше. Ведь на факультете журналистики КубГУ перед «Лихоносовскими» появились «Селезневские чтения». На первой конференции в честь Юрия Ивановича я была, был и Лихоносов. Виктор Иванович всех очаровал, вдохновил студентов и преподавателей: блистал за кафедрой, говорил по-французски, на банкете произносил воодушевляющие тосты, в автобусе пел... Да что там, душа его пела! «Мотор» конференции, профессор Юрий Михайлович Павлов, кажется, был удивлен такому благодушию классика. Декан журфака Валерий Васильевич Касьянов поддержал идею устраивать и «Лихоносовские чтения».

А. Н.: – ***А дома у Виктора Ивановича в Краснодаре Вы были?***

Л. С.: – Была, но не в основной квартире, а в его кабинете, который находился в том же доме. Мы долго сидели, пели его любимую песню «По тропинке, снежком запорошенной», рассуждали об истории. Надо сказать, что Лихоносов хорошо разбирался в истории России. У него была своя, весьма убедительная концепция восприятия тех или иных правителей, определенных периодов, войн. Такого подхода нет даже у некоторых профессиональных историков, которые знают только изучаемый период, их взгляд на прошлое размыт, фрагментарен.

А. Н.: – ***В чем заключалась эта концепция Лихоносова, если кратко?***

Л. С.: – Ее черты в наиболее явном виде заметны в «Нашем маленьком Париже». Это восприятие русской истории с точки зрения некой цельности, соборности, если хотите. Хотя соборность – термин непонятный для некоторых. Лучше говорить, наверное, о кооперативном устройстве русской жизни. Понимаете, многие мыслят так: либо диктатура пролетариата (советское государство), либо диктатура денежного мешка (капитализм), либо глобализм – диктатура искусственного интеллекта, подчиненного «сильным мира сего». Но должен же быть и гармоничный подход! Его прорабатывал экономист Александр Чаянов. Общество будущего он рассматривал как кооперацию, совместный труд неравных от рождения людей. Каждый человек отдает на общее благо столько, сколько может; каждый – это не иждивенец, а участник общего дела. Такую модель можно рассматривать не только с точки зрения экономики. Вот и у Лихоносова так же. Он был прежде всего певцом гармонии, и, наверное, именно поэтому его проза, которую многие называли лирической, имела такой успех. Успех, совершенно непонятный тем его критикам, кто дисгармоничен по сути своей.

Эпичность в произведениях Виктора Ивановича спрятана под этой сенью гармоничности. Так я вижу.

А. Н.: – ***А литературные споры у Вас с Лихоносовым были?***

Л. С.: – Без них невозможно! Например, он пытался оспорить мою любовь к поэзии Валентина Сорокина. А ему в ответ читала: «Когда в лесу засеребрится вечер, Ночным теплом к себе поманит дом, Я мысленно твои целую плечи На самом том изгибе золотом». Ну тут он только руками разводил. Настоящий художник против красоты никогда не восстанет.

В этих наших спорах был легкий оттенок «литературной ревности» со стороны Виктора Ивановича. Но было и уважение к моей эстетике, к убежденности. Оно читается и в этом шуточном письме, приведу его полностью:

«Перед женским днем я затрудняюсь определить, какую женщину я люблю больше, какую особенно, какую притворно, какую коварно, какую вообще видеть не могу, а какую просто потому, что она хороший человек. Еще труднее к этому злополучному дню догадаться, какая бабенка любит меня действительно, какая притворяется, какая надеется, что я стану банкиром или президентом, какая хочет, чтобы я написал ее портрет во весь рост (в платье или обнаженной), какая готова косить со мной сено и укладывать в копны, ну и так далее.

В конце концов я ни одну с праздником не поздравляю. И они не обижаются.

Но женщину, которая полтора часа плавает в прохладной воде Черного моря и кричит о творчестве какого-то античного поэта, придется поздравить...

В. Керченский – 4.3.2016»

У меня была статья «Тайны русской античности», вдохновленная Валентином Сорокиным, так что Виктор Иванович внимательно меня читал. Он вообще был собранным, требовательным человеком в творчестве.

Еще Лихоносов не поддерживал мою политическую активность. Он считал, что такая «доказательная гражданственность» вредит литературе.

Хотя сам Виктор Иванович был человеком, безусловно, с твердой гражданской позицией: много писал острых публицистических статей, отправлял письма властям.

Он никогда не замахивался, например, на темы экономики, технологий. А у меня это есть. «Зачем вы на это время тратите?» – говорил мне Виктор Иванович. «А как же Лев Толстой, "не могу молчать"?» – отвечала я. Не знаю, кто в нашем споре прав.

А. Н.: – ***Как у каждого талантливого писателя, у Лихоносова есть свой стиль и свое творческое кредо. Как Вы это видите?***

Л. С.: – Лихоносов абсолютно самобытен, ни на кого не похож. Чтобы спастись от пропаганды, не кривить душой, он пошел к Пушкину, Есенину, Лермонтову. Если бы это было творческой хитростью, то слово бы ему обязательно отомстило. А у него это было предназначением, судьбой! Он русскую жизнь знал, понимал, служил России, воспевал ее гениев. И фактически противопоставил светящееся слово свое жесткой конъюнктурщине так называемой «партийной литературы». Для этого надо не только талант иметь, но и волю, характер, ум.

А. Н.: – ***Известен случай, когда в Краснодар после резкой критики Лихоносова от первого секретаря краснодарского крайкома Сергея Медунова приехал Сергей Михалков. Чтобы от писателя отстали местные власти, автор гимна посоветовал Виктору Ивановичу написать повестушку о колхозниках. Но Лихоносов так и не написал ведь.***

Л. С.: – Виктор Иванович понимал, что такое достоинство писателя. А многие современные литераторы об этом качестве даже не догадываются. Некоторые публично заявляют, что задача писателя – это обслуживать курс власти «художественно». Мол, пропагандисты работают топорно, прямолинейно, а мы «подадим проблему» через художественный образ. Кстати, Лихоносов терпеть не мог слово «проблема». Душа человеческая – вот о чем литератор пишет! И у настоящего писателя есть такая власть, которая высшим чиновникам даже не снилась. О ней Пушкин говорил: «И долго буду я любезен тем народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал». Чувства добрые! Вся русская классическая литература на этом выстроена.

А. Н.: – ***Если сравнивать Лихоносова с другими авторами-«деревенщиками», то можно заметить, насколько его слабо интересуют в художественной прозе вопросы социально-политические. Но нельзя упрекнуть Виктора Ивановича в полной гражданственной аморфности. Все-таки он выступал в прессе, обращался не раз к администрации, боролся за памятники культуры и истории, защищал храмы и церквушки.***

Л. С.: – Я писала в статье, которая вышла в «Учительской газете», что Лихоносов близок западноевропейской литературе, в частности Марселю Прусту и Герману Гессе.

А. Н.: – ***Там же Вы говорили про модернизм его прозы, отсутствие сюжета.***

Л. С.: – Именно. Но есть и отличия от западных классиков – Лихоносов пристально «читал» именно русскую жизнь, и потому так естественен его модернизм, а романтизм так лиричен.

Тайна очарования прозы Виктора Ивановича привлекает многих исследователей. Но пока она не разгадана. Что же касается канонических авторов-«деревенщиков», то многие их произведения лишены метафизических оснований. Но зато есть другие достоинства – в их повестях и рассказах запечатлен ушедшие от нас навсегда быт, язык, строй жизни. Эта проза очень ценна как памятник, где скульптурно вылеплены типы уже исчезнувших ныне русских людей.

Лихоносов, конечно, в этом смысле очень отличается от писателей-«деревенщиков». У него была идея. Виктор Иванович не мог напрямую критиковать главенствующее в СССР мировоззрение. Но он показывал читателю мир иной культуры. Досоветскую Россию, казачество, интеллигента-странника, устремившегося на зов слова Есенина, Пушкина. Даже «народные» его рассказы, вроде «Брянских» или «Чалдонок» – это не мир быта и земли, а мир чувства, культуры, идеи.

А. Н.: – ***Лидия Андреевна, Вы с Лихоносовым почти земляки. Какую роль в Вашей дружбе сыграла Воронежская область?***

Л. С.: – Мы часто шутили над этим фактом. С Воронежской областью связан Бунин, которого и я люблю, и Лихоносов.

В Воронеже жил Иван Евсеенко. У них с Лихоносовым много параллелей: почти одного возраста, оба главные редакторы журналов («Подъем» и «Родная Кубань»). Конечно, они дружили, встречались на писательских съездах, пленумах. Но мало кто знает, что Евсеенко посвятил Лихоносову повесть «Вторая учительница». Ее сюжет автобиографичен, он касается Бунина: учительница пришла в класс, рассказала о смерти Ивана Алексеевича и в память о нем начала читать рассказ. На педагога начались гонения, закончившиеся ее выдворением из школы. Но суть не в этом. Учительница дарит одному ученику книгу Бунина.

А. Н.: – ***Похожая история была и с Лихоносовым. («Что толкнуло меня после урока литературы подойти к учителю и спросить: кто такой Бунин? Почему он умер в Париже? Вопрос был туговатый, и учитель ничего ясного мне не сказал. А может, и не захотел. Но те минуты в классе у доски я запомнил на всю жизнь. Неужели у меня было предчувствие, что И. А. Бунин сыграет в моей судьбе огромную роль?» – написал Виктор Иванович в очерке «Мой Бунин». – Прим. А. Н.)***

Л. С.: – Евсеенко и Лихоносов часто встречались на воронежском вокзале – Иван Иванович недалеко жил. Мы с ним тоже дружили очень. И вот, пока у Новороссийского поезда была стоянка, а Лихоносов всегда этим поездом ездил, писатели успевали многое обсудить. Виктор Иванович все грозился привезти матушку на родину, в село Елизаветино Бутурлиновского района. Но мечте этой не суждено было сбыться – в девяносто девятом году Татьяна Андреевна умерла.

И все-таки Лихоносов побывал у земляков своих родителей. Поездку эту помогал устроить Евсеенко. Осенью две тысячи пятого года Виктор Иванович по дороге в Ясную Поляну к Толстому сделал остановку в Воронеже и уехал в Елизаветино. Гостил там несколько дней, был на деревенском кладбище, где добрая половина умерших – Лихоносовы и Гайворонские (по матери он Гай-

воронский). Иван Иванович вспоминал, что, вернувшись в Воронеж, Лихоносов сказал: «Если бы я побывал там раньше, то, возможно, вся моя писательская судьба сложилась бы иначе». Не знаю, не знаю...

А. Н.: – ***Вы живете в Москве. Как думаете, изменилось бы творчество Лихоносова, если бы он переехал в столицу?***

Л. С.: – Я думаю, что он бы никогда не переехал. Он настолько сильно «врос в Кубань», что она его не могла отпустить. К тому же со второй половины семидесятых в Пересыпи жила мама, потом она осталась без мужа, росла дочь, появились внуки, потом болела жена Ольга Борисовна.

И еще нужно учесть, что Виктор Иванович был в Краснодарском крае самым ярким писателем, его авторитет даже при некоторых притеснениях местной власти оставался неколебимым. А Москва – город жесткий. Конечно, здесь больше возможностей, но столичная литературная жизнь требует огромного запаса жизненных сил. Здесь трудно сохранить то состояние вдохновенной созерцательности, в котором, как мне кажется, рождалась проза Лихоносова.

Думаю, что Виктор Иванович это хорошо понимал. Хотя Москву он любил, восхищался ее энергией, был рад возможности встретиться с теми, кто ему дорог. Сюда, в центр, устремлялся писательский люд, и эти летучие пересечения он долго вспоминал, анализировал, записывал впечатления в заветную тетрадь.

А. Н.: – ***Лидия Андреевна, как Вы воспринимаете роль Лихоносова в своей жизни? Кем он был для Вас: учителем, старшим товарищем?***

Л. С.: – Лихоносов – чудо жизни. Вот я на лекции по древней истории тайком читаю его книгу, повесть «На долгую память». Я была деревенской скромницей, училась в пединституте, о литературе даже мечтать не смела! А вот я рассказываю студентам журфака КубГУ про то, как предпочла прозу Виктора Ивановича деяниям Навуходоносора. В президиуме – сам Лихоносов, он слушает меня, улыбается! Разве это не чудо?! А я волнуюсь так, будто встретилась с ним впервые!

Потом я немножко привыкла к чуду. И я уже не только восхищалась творчеством Лихоносова, но и помогала ему. Все, что Виктор Иванович присылал в журнал «МОЛОКО», немедленно публиковалось. Как ответственный секретарь я вела альманах «Полдень», там тоже выходили его работы. Главный редактор «Полдня» – Валентин Васильевич Сорокин. Он поспособствовал, чтобы литературная премия имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» была присуждена Лихоносову.

Близилось его восьмидесятилетие. Виктор Иванович настоял: интервью для «Литературной газеты» к юбилею должна взять я. Мне это было приятно, не скрою. А к его восьмидесятипятилетию я уже сама написала статью для «Учительской газеты». Представляете, как замкнулся круг: прошло двадцать пять лет – от «Литературных мечтаний» до «Светлой любви Виктора Лихоносова».

А потом его не стало. И все бытовое, суетное, иногда смешное, даже комичное мгновенно исчезло. Как будто ничего и не было – нашего знакомства, общения, переписки, звонков, споров. Остались только литература, только свежесть чувства, восторг жизни, красота ее! Когда я открываю книгу Виктора Ивановича – на любой странице – он по-прежнему для меня недосягаем. Как в юности. И я благодарю Бога и судьбу, что мне дано было счастье видеть эту великолепную жизнь. И «по мере сил способствовать осуществлению бесспорных положений добра»... ■

В рубрике «Родиноведение» продолжаем открывать читателю малоизвестные страницы истории родного края. На современном этапе развития нашей страны демографическая проблема стала одной из наиболее серьезных. По словам М. Ломоносова, «величество, могущество и богатство всего государства» состоит в сохранении и размножении российского народа. Сегодня можно назвать ряд важнейших причин, повлиявших на убыль населения в России в целом и на Кубани в частности: убийственные реформы 1990-х, гибель сотен миллионов нерожденных младенцев от абортов в 1950-е – 2000-е гг., трагические потери во время борьбы с фашизмом, в период Гражданской и Первой мировой войн. Среди названных и неназванных причин есть еще одна – демографическая политика и репрессии, проводившиеся в советский период в 1920-е – 1930-е гг.

Об этом читайте материалы ведущих историков – профессоров Кубанского государственного университета Валерия Касьянова, Андрея Баранова, Юрия Ячутля и преподавателя Марии Дирибянкиной.

РОДИНОВЕДЕНИЕ

«Кубанские новости»

Андрей Баранов, Валерий Касьянов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ В 1920–1939 ГОДАХ*

Система расселения жителей Кубани и Черноморья определялась природно-географическими факторами: плодородными черноземами и благоприятным для земледелия климатом на большей части территории региона – в его степной (к северу от рек Кубани и Лабы) и предгорной (между Кубанью и Лабой на севере и Главным Кавказским хребтом на юге) зонах. Территорию Кубанской области прорезают с востока на запад полноводная река Кубань и ее притоки, создающие естественные транспортные оси. Черноморское и Азовское побережья в большей мере благоприятны для садоводства, виноградарства и овощеводства, а также имели возможности для развития портового хозяйства и экспорта российской сельскохозяйственной продукции на внешние рынки.

Социально-экономическим фактором быстрого роста населения Кубани и Черноморья до 1917 г. являлось развитие высокотоварного сельского хозяйства (возделывались зерновые культуры, подсолнечник, сахарная свекла, эфиромасличные культуры; достаточно развиты были скотоводство, коневодство и рыбная ловля). Начиная с 1870-х гг. важными осями системы расселения стали железные дороги Ростов-на-Дону – Армавир и Царицын – Новороссийск, Тихорецкая – Ейск, Армавир – Туапсе. Железные дороги стимулировали промышленный и торговый рост Екатеринодара, Новороссийска, Армавира и других узловых населенных пунктов. Вместе с тем по среднероссийским меркам города Кубани и Черноморья были развиты недостаточно, оставаясь в основном центрами пищевой промышленности и транспортными узлами.

Накануне Первой мировой войны Кубанская область и Черноморская губерния представляли собой регионы, население которых увеличивалось наиболее высокими в европейской части России темпами. В совокупности к началу 1914 г. Кубань и Черноморье достигли численности населения 3110,2 тыс. человек (в сравнении со 180 тыс. человек в 1860 г.), в том числе Кубанская область – 2984,5 тыс., Черноморская губерния – 152,7 тыс. человек. Казаки составляли 45,8 процента жителей в Кубанской области, но мизерную долю – в Черноморской губернии [10, с. 32]. Сельские жители составляли 90,6 процента суммарного населения Кубани и Черноморья, включая 92,7 процента на Кубани и 51,4 процента в Черноморье. Преобладали патриархальные семьи из 3–4 поколений [30, с. 8–11]. Такая демографическая ситуация была следствием быстрого прогресса сельского хозяйства, ориентированного на внешний и внутренний рынок.

Сеть поселений характеризуется наличием крупных станиц и сел, население которых было

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.*

равным по численности с городами центральной части России. Так, по переписи 1926 г., ст-ца Лабинская включала население 28,8 тыс. человек, Пашковская – 18,0 тыс. человек; 67 станиц и сел Кубано-Черноморья насчитывали более 10 тыс. жителей (65 из 67 – в степной зоне) [21, с. 35–36]. Важнейшими из них по транспортному и экономическому расположению были ст-цы Динская, Белореченская, Славянская, Крымская, Михайловская, Уманская, Павловская, Калниболотская, Староминская, Екатериновская, Новопокровская, Медведовская и др. Поселения концентрировались вдоль основных рек и транспортных путей, зачастую занимая вытянутые участки земли. Хлеборобы страдали от дальноземелья своих участков («планов»).

Первая мировая война привела к значительному притоку мигрантов из западных, прифронтовых местностей Российской империи. Например, население г. Екатеринодара выросло за 1914–1920 гг. на 43,5 процента [12, с. 74–76]. Усилилась этническая разнородность населения региона за счет притока поляков, евреев, эстонцев, латышей, немцев. Особо надо отметить переселение на Черноморское побережье беженцев из Османской империи – армян и греков, расселившихся достаточно компактно [7]. За годы Гражданской войны и последовавшего голода возрос приток в Кубано-Черноморскую область славянского населения, прежде всего с Левобережной Украины, из Центрального Черноземья и Поволжья. Например, Всесоюзная перепись населения 18 декабря 1926 г. зафиксировала в округах бывшей Кубано-Черноморской области 514 667 переселенцев, прибывших в Северо-Кавказский край извне (16,6 процента постоянного населения). Среди них преобладали переехавшие с Украины (28,9 процента) и из Центрально-Черноземной области (24,8 процента), далее по убывающей шли выходцы из республик Закавказья, Центрального промышленного региона и зарубежных стран [17, с. 23–24]. В основном новоселы пополняли ряды иногороднего крестьянства, неполноправного в землепользовании. Приток мигрантов стимулировал организацию новых хуторов и сел, но на Черноморском побережье беженцы из Османской империи зачастую ютились во временных ветхих жилищах, что провоцировало конфликты [23, л. 13–18].

Перепись населения 28 августа 1920 г. проводилась в условиях еще не налаженного аппарата государственного управления – продолжалась Гражданская война. По различным оценкам, недоучет составил от 4 до 11 процентов постоянных жителей. Учтенное население Кубано-Черноморской области, включая жителей вскоре созданных Карачаево-Черкесской и Адыгее-Черкесской автономных областей, составило 2934,9 тыс. человек. Из них 2498,8 тыс. (85,1 процента) были сельскими жителями, а 436,1 тыс. (14,9 процента) – горожанами. Население Баталпашинского отдела (Карачаево-Черкесии) составляло оценочно 284,0 тыс. человек, Ейского – 427,5 тыс., Кавказского – 422,9 тыс., Краснодарского – 415,7 тыс., Лабинского – 489,7 тыс., Майкопского (включая Адыгею) – 447,0 тыс., Таманского отдела – 497,7 тыс. человек, а бывшей Черноморской губернии – 152,7 тыс. человек [30, с. 12].

Следовательно, численность населения Кубано-Черноморья в границах, сопоставимых с дореволюционными, снизилась, по официальному статистическому учету на 1914–1920 гг., на 175,3 тыс. человек, причем в большей степени сократилось сельское население. Депопуляция продолжилась вследствие хозяйственной разрухи, эмиграции и повстанческих выступлений в 1921–1922 гг. На 1922 г. численность жителей Кубано-Черноморской области сократилась до 2880,8 тыс. человек [16, с. 1, 53]. Последующее восстановление численности населения объясняется постепенным налаживанием многоукладной нэповской экономики. В частности, на территории Кубанского округа естественный прирост населения был на уровне +2,1 процента в 1924 г. и +2,6 процента в 1926 г., превысив довоенный уровень [19, с. 57].

Наиболее объективные и детальные сведения о демографических процессах на Кубани и в Черно-

морье периода НЭПа дает Всесоюзная перепись населения (17 декабря 1926 г.), состоявшаяся на стадии относительной стабилизации многоукладного общества.

Материалы переписи 1926 г. подтверждают, что восстановилась и немного была превзойдена довоенная численность населения изучаемого региона. Уровень урбанизации сообщества Кубани и Черноморья вырос в условиях НЭПа – с 14,9 до 17,1 процента за 1920–1926 гг. Наиболее быстро росли административные центры округов – Краснодар, Армавир, Новороссийск и Майкоп. Удельный вес казачества в населении Кубани и Черноморья несколько снизился в сравнении с 1914 г. (с 45,8 до 42,5 процента), но абсолютная численность кубанского казачества восстановилась, достигнув 1421,1 тыс. человек [4, с. 47–48; 9, с. 2–9].

Анализ пространственного распределения казачества в 1926 г. показывает, что наивысший удельный вес кубанских казаков отмечен среди жителей сельских районов, удаленных от транспортных магистралей. Так, казаки составляли 7,5 процента горожан Кубани и Черноморья, тогда как среди сельских жителей региона казаков было 58,2 процента [4, с. 47–48; 9, с. 2–9]. В то же время иногородние крестьяне в наибольшей мере концентрировались в местностях вдоль транспортных путей, в городских и сельских административных центрах.

Черноморский округ резко отличался от бывшей Кубанской области высоким уровнем урбанизации и полиэтничностью населения, что вызывалось особенностями экономики (развитием курортного дела, портов, пригородного садоводства и овощеводства, выращивания технических культур). Черноморское побережье оставалось недостаточно заселенным и освоенным.

Приоритеты развития Кубани и Черноморья качественно меняются в 1927–1929 гг. при подготовке и проведении коллективизации. Основной целью становится наращивание удельного веса колхозов и совхозов в сельскохозяйственном производстве, вытеснение «эксплуататорских элементов» города и села из экономики (включая выселение части нэпманов и кулаков из Северо-Кавказского края). Планы первой и второй пятилеток предусматривали активное строительство в регионе крупных предприятий пищевой, легкой, нефтеперерабатывающей промышленности, производства строительных материалов, что требовало быстрой урбанизации общества. Территориальное размещение возводимых приоритетных предприятий выявлено Д. А. Салфетниковым, который особо отмечает значение реконструкции цементных заводов г. Новороссийска, строительства нефтепровода Грозный – Туапсе, предприятий сельскохозяйственного машиностроения в г. Краснодаре и г. Армавире, заводов по переработке сельскохозяйственной продукции в г. Краснодаре и г. Кропоткине, ст-цах Крымской и Кореновской, г. Ейске и г. Темрюке [27, с. 99, 105].

Раскулачивание, начатое летом 1929 г., охватило в ряде районов Кубани до 13–15 процентов сельских семей, хотя официально кулаками считались 3–5 процентов казаков и крестьян. Первая и вторая категории раскулаченных подлежали высылке из Северо-Кавказского края в местности Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Под эти категории подпадали 8 тыс. жителей Кубани, выселенных к 1 марта 1930 года. По подсчетам сибирского историка С. А. Красильникова, из Северо-Кавказского края было выселено к лету 1930 г. 10 595 семей, из них примерно 25 процентов – с Кубани [14, с. 483]. Позже, в ноябре 1932 г., ЦК ВКП(б) своим постановлением выселил с Кубани 2000 кулацко-зажиточных семей, злостно срывающих сев» [26, с. 292–296]. Из «чернодосочных станиц Полтавской, Уманской, Медведовской, Урупской были выселены 53 500 человек. Соответствующее постановление было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 декабря 1932 г. [22]. Кроме того, за сопротивление хлебозаготовкам за ноябрь 1932 г. – январь 1933 г. депортировано с Кубани 20 тыс. казаков и крестьян [26, с. 294–296].

Часть голодавшего населения бежала с Кубани в другие регионы. Так, в спецсводке № 9 секретно-политического отдела ОГПУ от 20 декабря

1932 г. признано, что с 15 ноября по 15 декабря 1932 г. с Кубани бежало 1500 семей; только Черноморский окружной оперсектор ОГПУ задержал 2279 человек. Массовое бегство из голодающих станиц отмечал Павловский районный комитет ВКП(б) в своем постановлении от 24 января 1933 г. [33, с. 225–226, 229].

Взамен, как выявил В. Р. Истягин, органы власти организовали переселение на Кубань, как и в другие регионы юга РСФСР, демобилизованных красноармейцев и крестьян-бедняков из Центральной России. Например, к 14 декабря 1933 г. на Кубань было организованно переселено 10 560 чел. [8, с. 173].

В результате встречных миграционных потоков состав населения Кубани и Черноморья в 1930 г. серьезно изменился. Согласно расчетам В. Н. Ракачева, при переписи 1939 г. численность населения Краснодарского края (без Адыгейской АО) составила лишь 2930,9 тыс. человек, что на 4 процента меньше, чем в 1926 г., несмотря на высокую рождаемость. При этом урбанизация населения Краснодарского края (без автономии) выросла в 1939 г. до 24,8 процента. Быстрее всего росло население городов Краснодара, Армавира, Новороссийска, Туапсе [24, с. 51, 75].

Установлено, что основными факторами специфики сети поселений Кубанской области и Черноморской губернии к 1920 г. были специализация региона (высокотоварное зерновое сельское хозяйство), казачье общинное землепользование на Кубани и незавершенная крестьянская колонизация Черноморского побережья. В соответствии с природными условиями регион отчетливо делился на степную, предгорную и приморскую зоны. Размеры поселений на Кубани значительно превышали среднероссийские, особенно в степной зоне. Наибольшая плотность расселения и концентрация населения в крупных станицах отмечены в Екатеринодарском и Лабинском отделах.

Численность населения и его этническая неоднородность значительно возросли благодаря межрегиональн ой миграции, направлявшейся прежде всего в города и местности вдоль железных дорог. Основными источниками миграционного притока выступали Левобережная Украина, Центральное Черноземье, Закавказье и бывшая Османская империя. В условиях новой экономической политики развивалось восстановление сетей поселений, нарушенных в годы Гражданской войны. Довоенная численность населения Кубани и Черноморья, в том числе казачьего, а также уровень урбанизации были в 1926 г. восстановлены и превзойдены.

Индустриализация и коллективизация, начатые в 1928 г., имели свои особенности на Кубани и в Черноморье: приоритетами экономического развития стали пищевая и строительная промышленность, крупные зерновые коллективные хозяйства на Кубани, а в Черноморье – создание курортно-рекреационных центров. В то же время раскулачивание и последовавший голод 1932–1933 гг. привели к значительной вынужденной миграции, стимулировали усиленный рост городского населения и его концентрацию в крупных населенных пунктах. Модернизация 1930-х гг. привела к изменениям территориальной идентичности сообществ Кубани и Черноморья: ослаблению влияния казачьего самосознания, интеграции региона в советское общество. Таким образом, трансформации народонаселения Кубани и Черноморья за 1920–1939 гг. различаются в сравнении трех этапов: 1920–1922 гг. – депопуляция вследствие войн и хозяйственной разрухи; 1923–1927 гг. – восстановление довоенных пропорций народонаселения на основе многоукладной рыночной экономики; 1928–1939 гг. – качественные изменения состава сообщества вследствие репрессий, миграций и урбанизации. Установлено, что убыль населения из-за репрессий и голода не полностью возмещалась межрегиональными организованными миграциями. Удельный вес горожан в населении Кубани и Черноморья вырос почти вдвое в результате строительства промышленных предприятий, притока рабочей силы как из сельских местностей региона, так и из других регионов СССР. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Апостолов Л. Я. Кубано-Черноморский край: Краткий очерк его современного состояния с приложением карты. Краснодар: Кубан.-Черном. краев. науч.-исслед. ин-т, 1924. 54 с.

2. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. 346 с.

3. Бершадская О. В. Черноморская деревня в первой трети XX в.: социально-экономический аспект // Былые годы. 2009. № 3 (13). С. 37–45.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. В 7 отд., 56 т. Отд. 1. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М.: Изд-во ЦСУ Союза ССР, 1928. VIII, 388 с.

5. Гозулов А. И. Морфология населения: Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей 1926, 1920 и 1897 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., 1929. 442 с.

6. Гольдентул И. М. Земельные отношения на Кубани: крат. очерк. Краснодар: Буревестник, 1924. XI, 96, XIII с.

7. Доклад о землепользовании и землеустройстве национальных меньшинств в Черноморском округе // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–2.

8. Истягин В. Р. Реализация государственной переселенческой политики в период коллективизации (на материалах Дона и Северного Кавказа). Ростов н/Д: Дониздат, 2016. 175 с.

9. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., 1928. 99 с.

10. Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 214 с.

11. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / под ред. К. В. Чистова. М.: Наука, 1967. 356 с.

12. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Пл. хоз-во; Госплан СССР, 1926. 124 с.

13. Макаренко М. Ю. Юг России накануне и в процессе демографической модернизации (1897–1926 гг.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2010. 160 с.

14. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. М.: Полит. энцикл., 2017. 600 с.

15. Нагаева Г. А. Исторические факторы формирования населенных пунктов (на примере Черноморского побережья Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (59). С. 24–37. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-3-3

16. Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области: стат. сб. за 1922–1923 год. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. В. И. Смирнского. Краснодар: Кубан.-Черном. обл. пл. комис., 1924. 226 с.

17. Нежигай Э. Н. Национальный состав населения Кубано-Черноморской области в 20-е годы XX века // Вестник Академии знаний. 2013. № 2 (5). С. 22–26.

18. Панкова-Козочкина Т. В., Бондарев В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи НЭПа: проблемы модернизации аграрных отношений на юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.

19. Писарев И. Ю. Народонаселение СССР: соц.-экон. очерк. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 188 с.

20. Пономарев А. А. Территория и население Юго-Востока // Юго-Восток: справ. по Юго-Востоку России. Ростов н/Д: Сов. Юг, 1924. С. 349–372.

21. Поселенные итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д: Сев.-Кавк. краев. стат. упр., отд. переписи, 1929. 547 с.

22. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках в Украине, на Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025. Л. 42–42 об.

23. Протокол № 1 расширенного совещания Черноморской окружной греческой секции при Агитпропотделе Черноморского окружкома ВКП(б) от 18 мая 1927 г. // ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 817. Л. 13–31.

24. Ракачев В. Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 350 с.

25. Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. В 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 199 с.

26. Ратушняк В. Н. История кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2013. 416 с.

27. Салфетников Д. А. Развитие промышленности Кубани в годы первых пятилеток (1928–1937). Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т, 2013. 193 с.

28. Скорик А. П., Федина И. М. Кубанские курени и станицы: повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков. Новочеркасск: Лик, 2022. 1335 с.

29. Смирнский В. И. Население и хозяйство Кубанского округа. К началу 1924–1925 года (общий очерк). Краснодар: Кубан. окр. исполн. ком., 1924. 46, VI с.

30. Статистический справочник Юго-Востока России. Вып. 2 / под общ. ред. В. С. Орлова, А. А. Пономарева. Ростов н/Д: Юго-Вост. пл. ком. при Крайэкономсовете Юго-Востока России, 1923. 312 с.

31. Субботин О. С. Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // Жилищное строительство. 2014. № 11. С. 16–22.

32. Схематическая карта Кубанско-Черноморской области. Краснодар: 1-я литогр. Краснодара, 1923. 1 с.

33. Хрестоматия по истории Кубани / науч. ред. В. В. Касьянов. Краснодар: Периодика Кубани, 2015. 400 с.

34. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

35. Щетнев В. Е. Октябрьская революция и динамика социально-экономической структуры кубанской станицы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: докл. и сообщ. Девятой сес. Междунар. симп. Таллин: АН ЭССР, 1971. С. 522–531.

36. Baker A. R. H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 281 p.

37. Becker Ch., Mendelsohn J., Benderskaya K. Russian Urbanization in the Soviet and Post-Soviet Eras. New York: International Institute for Environment and Development United Nations Population Fund, 2012. 134 p.

38. Bruisch K., Gestwa K. Expertise and the Quest for Rural Modernization in the Russian Empire and the Soviet Union // Cahiers du Monde Russe. 2016. № 57/ 1. P. 7–30. DOI: https://doi.org/10.4000/ monderusse.8324.

39. Christaller W. Le localita centrali della Germania meridionale: un'indagine economico-geografica sulla regolarita della distribuzione e dello sviluppo degli insediamenti con funzioni urbane / introduzione di P. Pagnini. Milano: F. Angeli, 1980. 342 p.

40. Domosh M. Heffernan M., Withers Ch. The Sage Handbook of Historical Geography. L.: Sage Publications, 2021. 1168 p.

41. Graham B., Nash C. Modern Historical Geographies. Harlow [etc.]: Pearson/Longman, 2006. XIV, 279 p.

42. Holdsworth D.W. Historical Geography: New Ways of Imaging and Seeing the Past // Progress in Human Geography. 2003. № 27 (4). P. 486–493. DOI: 10.1191/0309132503ph440pr

43. Izhar Hassan M. Population Geography: A Systematic Exposition. New Dehli: Routledge India, 2020. 368 p.

44. Kumo K., Morinaga T., Shida Y. Long-Term Population Statistics for Russia 1867–2002. Tokyo: Russian Research Center; The Institute of Economic Research Hitotsubashi University Kunitachi, 2007. 39 p.

45. Losch A. The Economics of Location. New Haven: Yale University Press, 1954. 520 p.

46. Afontsev S., Kessler G., Markevich A., Tyazhel'nikova V., Valetov T. Urban Households in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Size, Structure and Composition / (IISH-Research Paper 44). Amsterdam: Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 2005. 90 p.

Юрий Яхутль, Мария Диривянкина

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ РКП(Б) С СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ КУБАНИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Взаимоотношение власти и сельского населения в России в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике остается актуальной темой. Содержание аграрной политики большевиков предопределяло историческую судьбу советской власти. Доколхозная российская деревня отличалась многообразием аграрных отношений, сложившихся в предшествующий период. К таким регионам относилась Кубано-Черноморская область, которая отличалась сословным и национальным составом населения, высоким уровнем развития товарного хозяйства, активным применением наемного труда в сельском хозяйстве, условиями землепользования, организацией регионального и местного самоуправления. Исследуемая тема в современных условиях приобретает теоретическую и практическую значимость в контексте поиска новых методов и средств разрешения социально-политических конфликтов.

Тема нашла отражение в многочисленных исследованиях советских и российских крестьяноведов. В 1920–1930-х гг. вышли первые публикации на общероссийском и региональном уровнях [Большаков, 1924; Кактынь, 1924; Клейнер, 1924; Чермак, 1923], в которых предпринимались попытки оценить результаты аграрной политики большевиков. В период с 1930-х годов по первую половину 1950-х гг. научный интерес советских историков к новой экономической политике и ее составляющим был значительно меньше [Бабурин, 1957; Генкина, 1954; Гладков, 1956; Попова, 1950]. Исследователи рассматривали нэп как временное явление, отступление, обусловленное экономическим кризисом начала 1920-х гг. Возрождение интереса к нэпу, в том числе к аграрной политике большевиков, наметилось с середины 1950-х и продолжалось до середины 1980-х гг.. Исследователи обращаются к новым рассекреченным источникам, расширяют тематику исследований, но придерживаются устоявшихся выводов и оценок нэпа [Давыдов, 1971; Дмитренко, 1986; Перехов, 1971; Поляков, 1961; Проблемы ..., 1971; От капитализма ..., 1981; Трифонов, 1960].

Постсоветский период в изучении нэпа характеризуется многообразием методологических подходов. Современные российские исследователи вводят в научный оборот новые архивные материалы [Баранов и др., 2022; Ильиных, 2010; Крестьянство ..., 2017; Рогалина, 2001]. Судьба нэпа, по мнению современных исследователей, зависела от результатов политической борьбы за власть в РКП (б). Ре-

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/.*

ализация аграрной политики и в целом нэпа имела региональные особенности, поэтому наблюдается устойчивый интерес к ее проявлению с учетом местных особенностей. Переходный период в казачьих регионах юга России представлен современными историками как противостояние казачества и РКП (б). Вместе с тем появляются работы, в которых тема трактуется шире, как противостояние сельского населения и власти [Яхутль, 2021].

Первое десятилетие Советской власти отличалось большим количеством реформ и экспериментов в различных областях, в том числе в аграрной сфере, которые ставили своей целью выход из военно-политического и экономического кризиса, охватившего страну в 1917–1920 гг. Правящая партия вынуждена была учесть требования сельского населения, пытаясь создать экономическую основу для установления политического диалога, способного стабилизировать общественно-политическую обстановку и, главное, сохранить под контролем политическую власть. Принятые в 1921–1922 гг. законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для восстановления сельского хозяйства. Но последствия войн и засуха 1921 г., породившие голод, исключали возможность спокойного выхода из кризиса.

В марте 1920 г. на Кубани и Черноморье повторно была восстановлена власть большевиков. Остатки белой армии эвакуировались с Черноморского побережья.

Большая часть населения региона жила в сельской местности и была занята производством сельскохозяйственной продукции. Ведущее место занимали казачьи хозяйства. Из 8 834 324 дес. земли Кубанской области 6 млн дес. находились в их пользовании. Иногородние из-за дефицита земли вели свое хозяйство на арендованной земле. Это вело к росту экономической зависимости сельского населения от зажиточной части казачества [Скобцов, 2015, с. 21–22]. Регион в целом отличался высоким уровнем товарности индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. В 1911–1916 гг. средняя площадь посева составляла 3 220 000 дес. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 153, л. 71 об.]. Средний ежегодный сбор хлебов в довоенное время выражался в 217 млн пуд., более половины из которых составляла пшеница. Следующими по объемам сбора шли в порядке убывания: ячмень, картофель, овес, рожь, кукуруза, просо, фасоль и гречиха. Семян подсолнечника в год собирали более 12 млн пуд. [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 549, л. 64]. По размерам производства озимой пшеницы (58–108 млн пудов) на Кубань приходилось 16 процентов всего общероссийского сбора. Рост урожая способствовал увеличению товарно-зерновых продуктов, о чем свидетельствовали показатели сбора зерна на душу населения. К началу Первой мировой войны Кубань вышла по данным показателям на первое место в России: в среднем 60–70 пуд. чистого сбора зерна на человека, что позволяло увеличивать поставки товарного хлеба как внутри страны, так и за ее пределами [Ратушняк, 2015, с. 35, 37, 39]. На этом основании большевики имели возможность утверждать, что на Кубани имеются излишки хлеба. Поэтому на I Всероссийском съезде трудового казачества лидер большевиков призывал сдавать государству излишки продовольствия [Ленин, 1977, с. 186–187]. В свою очередь советская власть не вносила кардинальных изменений в казачье землепользование. Декрет ВЦИК и СНК от 18 ноября 1920 г. «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» сохранил за сельским населением их наделы, а также регламентировал наделение землей местных безземельных и малоземельных за счет территорий бывшего нетрудового пользования [О землепользовании ..., 1983, с. 234–236]. Таким образом, в 1920–1922 гг. землеустроительные работы были связаны с решением проблемы недостаточного количества земель, но не

их передела внутри станиц: в Кубано-Черноморской области в пользовании станиц осталось 97,9 процента прежних объемов земли [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 2]. В свою очередь, Первая мировая и Гражданская войны оказали существенное негативное влияние на состояние индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. В 1920–1921 гг. посевная площадь сократилась до 1 611 929 дес. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 153, л. 71 об.], урожай хлебов составил 75 млн пуд. [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 549, л. 64]. В начале 1920-х гг. в сельской местности проживало 83,1 процента населения. При росте сельского населения посевные площади снизились по сравнению с 1916 г. на 37,6 процента, поголовье рабочего скота сократилось на 23,1 процента, лошадей – на 22,4 процента [Щетнев, 1980, с. 44].

Весной 1920 г. Кубано-Черноморская областная партийная организация активно разрабатывала региональную аграрную политику. Первостепенное значение отводилось сбору продовольствия. С весны 1920 г. по весну 1921 г. он характеризовался активным использованием методов военного коммунизма и «твердым административным нажимом» [Яхутль, 2023, с. 245]. С целью «максимального содействия гражданским органам» активно привлекались воинские подразделения. [ГАКК, Ф. Р-132, оп. 1, д. 1, л. 20].

Особенностью этого периода стало враждебное отношение казаков и иногородних к большевикам, за исключением бедняков и сельскохозяйственных рабочих, которых насчитывалось около 14 тыс. человек [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 355, л. 29]. Поэтому большевики стали использовать не сословные противоречия кубанской станицы, а социально-имущественные. Классовый подход в ходе решения продовольственного вопроса формировал новый очаг противостояния в кубанской станице. Большевики не делали больших различий между зажиточными хозяйствами иногородних и казаков, что расширяло социальную базу повстанческого движения региона.

На Кубани необходимо было обозначить контуры взаимоотношения с сельским населением, в том числе и казачеством. Для сохранения политической стабильности в регионе, на который надеялись большевики как на источник продовольствия, проводилась постепенная трансформация партийной линии. Коммунисты пытались перейти к сотрудничеству, но идеологические принципы РКП(б) продолжали оказывать влияние на ее содержание. На фоне повстанческого движения, где сельское население играло главенствующую роль, большевики продолжали использовать военно-коммунистические методы, в которых доминировали политический контроль, принуждение и максимальное регламентирование деятельности местного социума.

Идеология военного коммунизма стала формулой для политического диалога между региональной властью и сельским населением. Большевики с этой целью предприняли попытку учредить на Кубани комитеты бедноты и ревкомы как формы местного самоуправления [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 239, л. 13]. От чрезвычайных органов власти отказались на основании решения Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 22 февраля 1921 г.

Весной 1920 г. из числа бывших офицеров белой армии и недовольной решениями большевиков части сельского населения формируются повстанческие отряды. Уже 30 марта Исполнительный комитет Славянского отдела в связи с ростом бело-зеленых отрядов предложил взять заложников [Яхутль, 2022, с. 121]. С учреждением ревкомов в станицах Тифлисской, Казанской, Кавказской, Тихорецкой, Новопокровской, Темижбекской объявлялось взятие в заложники мужчин старше 18 лет.

С середины мая 1920 г. на Кубани становилось тревожно, росло число донесений об активизации антисоветских сил [Советская деревня ..., 1998, с. 276]. В отчетах звучали имена руководителей повстанческих отрядов:

генерала М. А. Фостикова, полковника П. А. Савицкого, Сухенко, есаула В. Ф. Рябоконя и др. [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 17]. Летом 1920 г. бело-зеленые усилились на фоне продовольственной политикой большевиков, реализуемой военно-коммунистическими методами.

Продразверстка, как составляющая военного коммунизма, стала источником военно-политического конфликта между большевиками и сельским населением региона. Она породила государственный террор. В приказе особо уполномоченного Революционного Военного Совета Кавказского фронта Г. А. Атарбекова он приобрел правовую форму [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 15, л. 5]. Так, в августе 1920 г. Военный Совет IX армии приговорил к высшей мере 20 человек из-за антисоветской позиции и отказа сдавать хлеб [ГАКК, Ф. Р–158, оп. 1, д. 32, л. 26].

Практика террора нашла свое продолжение на региональном уровне. Она приобретала региональные особенности по мере нарастания продовольственного кризиса и появления лозунгов повстанцев с явно выраженным антисоветским содержанием. Восторг от новой власти сменился вооруженным сопротивлением сельского населения [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 96, л. 136].

Продовольственная диктатура большевиков на рубеже 1920–1921 гг. для многих станиц и сел Кубани и Черноморского побережья означала военную и экономическую блокаду. Население вынуждено было уходить к бело-зеленым, чтобы избежать насилия со стороны советской власти. Большевики ответили красным террором на отказ сдавать хлеб, и, как следствие, росло сопротивление населения. Специальные отряды ЧОН (части особого назначения), 65 продовольственных отрядов (и более 12 тыс. красноармейцев) активно использовали практику взятия заложников, проводили выездные заседания военных трибуналов, которые выносили решения в течение нескольких часов. В некоторых случаях тех, кто активно сопротивлялся или отказывался добровольно сдавать хлеб, расстреливали. Продовольственная политика, хлебная монополия, реализованная методами политики военного коммунизма, стала одним из главных причин нарастания повстанческого движения в регионе.

Продовольственная диктатура, сложившаяся в годы Гражданской войны, продолжала демонстрировать свою экономическую несостоятельность и организационную беспорядочность. Поэтому в марте 1921 г. на X съезде большевики под давлением роста повстанческого движения и необходимости возрождения хозяйственной деятельности сельского населения предложили новую концепцию продовольственной политики, которая существенно не отличалась от предыдущей. В ее основе была плановая реквизиционная практика, когда система заготовок продовольствия «развертствовалась» от губернии до индивидуального казачье-крестьянского хозяйства на основании фиксированных цен, установленных государством. Следовательно, сельское население Советской России, в том числе Кубано-Черноморской области, не могло заметить тонких граней различий между продразверсткой и продналогом и продолжало борьбу за свои экономические права.

На региональном уровне вопрос о реализации продналоговой политики рассматривали на VI Кубано-Черноморской областной партийной конференции 24 марта 1921 г. [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 293, л. 102]. Дискуссии в областной партийной организации по вопросу сбора продовольствия свидетельствовали об отсутствии единства в понимании новой аграрной политики. Сельское население региона не ощутило преимуществ новой продовольственной политики и ответило на нее усилением военного сопротивления. Весной 1921 г. на территории региона, за исключением Черноморья, действовало 50 повстанческих отрядов общей численностью до 2–3 тыс. человек [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 138, л. 24, 34–37].

Отсутствие законодательной базы новой продовольственной политики, кадров, способных ее реализовать, продолжало расширять конфликт между советской властью и сельским населением региона. Кроме того, система продовольственных органов окончательно еще не сформировалась и находилась в хаотичном состоянии. Сбор продовольствия напоминал очередной фронт большевиков. Местные партийные органы осуществляли «мобилизацию» ответственных работников [ЦДНИКК, ф. 160, оп. 1 доп., д. 19, л. 1] для выполнения «боевой задачи» [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 171, л. 1] – проведения работы на «продовольственном фронте» [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 244, л. 168].

Продналог в 1921–1922 гг., когда продолжалось активное сопротивление сельского населения, выступал в большей мере как политический лозунг. Продовольственная диктатура оставалась приоритетной и приемлемой политикой для большевиков. На местах советские и партийные кадры продолжали использовать методы военного коммунизма. В постановлении Кубано-Черноморского облисполкома № 260 от 17 сентября 1921 г. указывалось, что выполнение продналога является не только долгом, но и повинностью, предписывалось в отношении всех «нерадивых и не аккуратных» в его выполнении неуклонно принимать репрессивные меры, установленные соответствующими декретами Совнаркома [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 606, л. 150]. На местах продолжали практиковать тотальные реквизиции, аресты с преданием неплательщиков налога суду Ревтрибунала [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 244, л. 140], конфискацию имущества, что вынуждало крестьян сводить к минимуму посевы или отказываться от сельскохозяйственной деятельности [ГАКК, Ф. Р-581, оп. 1, д. 71, л. 33].

Очередной рост повстанческого движения на Кубани вынудил органы власти прибегнуть к крайним мерам. В районах, находящихся под контролем бело-зеленых, отменялись итоги выборов в советы и возрождались ревкомы. Еще весной 1920 г. в некоторых отделах региона состоялись выборы в советы без руководства со стороны РКП (б) [ГАКК, Ф. Р-649, оп. 1, д. 10, л. 1], однако результаты выборов не устроили большевистское руководство области, в связи с чем последовал роспуск избранных органов управления [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 3, л. 47 об.]. В регионе наряду с воссозданием ревкомов наблюдалось стремление к расширению их полномочий: получению права использовать вооруженную силу для «большего авторитета и введению твердого порядка» в отношении тех населенных пунктов, жители которых противятся распоряжениям ревкомов [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 173, л. 1, 14, 22]. Рецидивы политики военного коммунизма стали составной частью политической повседневности Кубани и Черноморья.

Органы советской власти Кубано-Черноморской области в сложившихся условиях решили, что переход к чрезвычайным средствам поможет решить проблему и обеспечит необходимый сбор продовольствия. Чрезвычайные полномочия получили продовольственные органы. Это позволило объявлять «врагом народа» или советской власти тех, кто не заявлял о наличии продовольствия или отказывался добровольно вносить продналог. Кубано-Черноморская чрезвычайная комиссия, фиксируя политическую ситуацию, сложившуюся в регионе, отмечала, что население не видело различий между продналогом и продразверсткой. Казаки и крестьяне были настроены крайне враждебно, зачастую вступая в столкновения с продовольственными органами [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 263].

В соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» это грозило 10-ю годами тюремного заключения [О предоставлении ..., 1918, с. 203–206]. «Врагом» объявлялся зажиточный казак

или крестьянин. Таким образом, продовольственная политика на Кубани ориентировалась на централизацию заготовок и подавление протеста казачье-крестьянского населения. В условиях, когда в регионе наблюдался острый продовольственный кризис, большевики продолжили единственно известным им методом силового воздействия конфисковать хлеб.

В регионе постепенно сформировалась продовольственная диктатура как система чрезвычайных органов по насильственному изъятию продовольствия. Экономические чрезвычайные меры обеспечивали монополию государства на хлеб. Отношение населения изменялось в ту или иную сторону, главным образом, в зависимости от экономической политики.

Идеологически и организационно фрагментированное повстанческое движение использовало политизацию в качестве объединяющего фактора для различных антисоветских сил. Так, в своих обращениях к красноармейцам повстанцы отмечали, что они выступают «за истинное народоправство, за истинную свободу личности без подвалов и «чрезвычаек», за землю для всех трудящихся на ней без всяких выкупов у помещиков и капиталистов, за восьмичасовый рабочий день, за всеобщее бесплатное и обязательное народное образование» [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 168]. Осенью 1922 года боеспособные части бело-зеленых потерпели поражение от РККА. Часть участников повстанческого движения вынуждены были согласиться на добровольную сдачу оружия и явку с повинной в местные органы власти. Всех явившихся брали на учет и контроль, имущественную и личную ответственность за них несли ближайшие родственники. Встречались случаи незаконных арестов и заключения под стражу амнистированных повстанцев, что тормозило ликвидацию бело-зеленого движения: некоторые, опасаясь за свое будущее, возвращались в отряды [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 431, л. 2]. Утверждение, что в 1922 г. в регионе завершилась активная фаза сопротивления сельского населения, было связано именно с подавлением открытого сопротивления сельского населения [Микоян, 1975, с. 211].

Правительство Советской России в режиме активной законодательной инициативы принимало законы, обеспечивавшие выполнение задач по сбору продовольствия. Они находили продолжение на региональном уровне. Например, Кубано-Черноморский областной исполком 3 февраля 1922 г. принял постановление № 59, согласно которому все хлеборобы, получившие хотя бы средний размер урожая, должны были выделить возможное количество посевного материла для неурожайных районов [Постановление ..., 1922]. В данном постановлении, как и в аналогичных, не содержалось точных норм, регулирующих правоотношения, возникающие между продорганами и сельским населением. Выполнение 100 процентов сбора продналога обеспечивалось за счет применения репрессивных мер [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 503, л. 11, 25]. В результате этого деятельность продорганов отличалась беззаконием и произволом, что неизбежно провоцировало конфликт. Согласно докладам на VI областной партийной конференции (16–18 декабря 1923 г.), административные меры воздействия в регионе были применены к 8000 человек, к суду привлечены 2720 человек. На той же конференции местным партийцам пришлось констатировать, что продовольственная политика в Кубано-Черноморье легла на плечи сельского населения гораздо более тяжелым бременем, чем продразверстка, что сказалось напрямую на сельскохозяйственной деятельности: казаки и крестьяне стали отказываться от земельных наделов [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 152, 164].

Значимость этого периода для юга России и в целом страны заключается в том, что открытый протест трансформировался в пассивное сопротивление, продолжавшееся до 1930-х гг. Для большевиков активное использование методов политики военного коммунизма в ус-

ловиях различных кризисов и реформ стало основным содержанием внутренней политики. Важная роль в этом механизме на Кубани отводилась возрождающимся ревкомам, продовольственным отрядам и продовольственным органам. Их деятельность по-прежнему выступала стимулятором формирования антиправительственных настроений сельского населения. Продовольственный вопрос в конфликте между властью и сельским населением Кубано-Черноморской области в начале 1920-х гг. сохранял свою актуальность. Большевики вынуждены были и в последующем постоянно оказывать силовое давление на казаков и крестьян для выполнения плана продналога.

Взаимоотношения советской власти и сельского населения Советской России в начале 1920-х гг. вызывают объективный научный интерес у современных исследователей. Это обусловлено историческим опытом решения кризисных вопросов в переходный период и в условиях сложных экономических и политических кризисов. Для Кубани и Черноморья он приобретает региональные особенности. Окончание Гражданской войны не завершилось установлением на юге России прочного мира. Продразверстка как временная мера военного времени, так считали большевики, получила продолжение в регионе в крайних ее формах. Репрессии со стороны советской власти по отношению сельскому населению Кубани были вызваны отказом от добровольной сдачи излишков продовольствия, которых объективно не было. Безальтернативная продовольственная политика РКП(б) с активным применением силовых методов в 1920–1922 гг. стала причиной активного сопротивления советской власти.

До 1923 г. в основных хлебопроизводящих регионах юга России крестьяне и казаки продолжали сопротивляться. Бело-зеленые отряды стали неотъемлемой частью южно-российской действительности. В этих условиях необходимо было разработать новую линию по отношению к крестьянству и казачеству. На региональном уровне оно приобретало свои особенности в зависимости от состояния индивидуальных крестьянских и казачьих хозяйств, степени вовлеченности в Гражданскую войну, национального, социального и сословного состава населения.

Структуры РКП(б) и советских органов власти на местах не были укомплектованы подготовленными кадрами. Их практическая деятельность по сбору продналога была сведена к насильственной реквизиции продовольствия. Переход к продналогу не принес принципиальных изменений в практике партячеек и советов, а привел к расширению повстанческого движения. Это породило рецидивы военного коммунизма: отказ от итогов выборов в сельские советы, возрождение ревкомов, усиление репрессий и внесудебных решений.

Переход от продразверстки к продналогу для Кубано-Черноморской области затянулся из-за продолжавшегося противостояния с сельским населением и рецидивов военного коммунизма. Особенностью регионального конфликта в начале 1920-х гг. было сочетание сословных и классовых противоречий в кубанской станице. Но при этом коммунисты были главным инициаторами преобразований. В начале 1920-х гг. РКП(б) на фоне нарастающего экономического и политического кризиса вынуждена была перейти к новой модели взаимоотношения с сельским населением, которая весь последующий период трансформировалась в зависимости от складывающейся политической ситуации.

Реалистично оценив экономические и политические ожидания казаков и крестьян области, большевики смогли достичь временного компромисса. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти. 1917–1924 гг. / Д. С. Бабурин // Исторические записки. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 61. – С. 333–369.

2. Баранов А. В. Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях юга России: особенности взаимодействия власти и сельского населения / А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 276–287. – DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201.

3. Большаков А. М. Советская деревня за 1917–1924 гг. Экономика и быт / А. М. Большаков. – Ленинград: Прибой, 1924. – 172 с.

4. Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922) / Э. Б. Генкина. – Москва: Госполитиздат, 1954. – 504 с.

5. Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917–1920 гг. / И. А. Гладков. – Москва: Госполитиздат, 1956. – 503 с.

6. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / А. Грациози; Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 135 с.

7. Давыдов М. И. Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы Гражданской войны / М. И. Давыдов. – Москва: Мысль, 1971. – 221 с.

8. Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры / В. П. Дмитренко; отв. ред. Ю. А. Поляков; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1986. – 252 с.

9. Дэвис Р. У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе / Р. У. Дэвис // НЭП: приобретения и потери. – Москва: Наука, 1994. – С. 7–26.

10. Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири / В. А. Ильиных. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 342 с. – ISBN 978-5-8243-1406-9.

11. Кактынь А. Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики) / А. Кактынь. – Москва: Красная новь, 1924. – 130 с.

12. Клейнер И. М. Действительность кубанской станицы / И. М. Клейнер. – Краснодар: Буревестник, 1924. – 122 с.

13. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / редкол.: В. В. Кондрашин, В. А. Юрченков. – Москва; Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. – 1048 с.

14. От капитализма к социализму: основные проблемы переходного периода в СССР. 1917–1937 гг. В 2 т. Развернутое строительство социализма в СССР 1929–1937 гг. / под ред. Ю. А. Полякова. – Москва: Наука, 1981. – Т. 2. – 440 с.

15. Перехов Я. А. Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1920–1925 гг.) / Я. А. Перехов // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9–12 июня 1969 г. – Москва: Наука, 1971. – С. 45–48.

16. Поляков Ю. А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917–1920 гг.): Материал для обсуждения на Сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / Ю. А. Поляков; Ин-т истории Акад. наук СССР. Науч. совет по проблеме «История соц. и ком. строительства в СССР». – Москва: [б. и.], 1961. – 71 с.

17. Попова Г. А. Борьба большевистских организаций Юго-Востока за восстановление народного хозяйства и укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в 1921–1925 гг.: диссертация... кандидата исторических наук / Г. А. Попова. – Москва, 1950. – 316 с.

18. Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9–12 июня 1969 г. / отв. ред. М. П. Ким. – Москва: Наука, 1971. – 367 с.

19. Ратушняк В. Н. Развитие сельского хозяйства на Кубани в пореформенное время (1861–1914 гг.) / В. Н. Ратушняк // Голос минувшего. – 2015. – № 3–4. – С. 32–43.

20. Рогалина Н. Л. Нэп как реформа (Аграрный аспект) / Н. Л. Рогалина // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сборник статей / отв. ред. А. К. Соколов. – Москва: Ин-т рос. истории, 2001. – С. 221–237. – ISBN 5-8055-0077-9.

21. Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани / Д. Е. Скобцов. – Москва: Кучково поле, 2015. – 542 с.

22. Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937) / И. Я. Трифонов. – Москва: Госполитиздат, 1960. – 279 с.

23. Чермак Л. К. Основные черты развития сельского хозяйства на Юго-Востоке России / Л. К. Чермак // Экономическое районирование Юго-Востока России. – Москва: Статиздат, 1923. – Выпуск 1. – С. 64–80.

24. Щетнев В. Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий Советской власти на Кубани / В. Е. Щетнев // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1980. – С. 40–57.

25. Яхутль Ю. А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона) / Ю. А. Яхутль. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 361 с.

А.С. ПУШКИНУ

ПРОГУЛКИ ПО КРАСНОДАРУ

О ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ФУТБОЛЕ И ЛЮБИМОМ ГОРОДЕ

Беседа Андрея Нейжмака и Андрея Пиценко с Олегом Морозом

В памяти Краснодара живут истории людей, хранящих отпечатки ушедших эпох. 25 июля профессору Олегу Николаевичу Морозу исполняется 55 лет. Его жизнь – удивительная симфония, где каждый такт наполнен особым смыслом.

Эта большая беседа о том, как игра становится философией жизни, как детские увлечения определяют судьбу, как город влияет на формирование личности. И главное – как важно сохранять в себе способность видеть прекрасное в простом, помнить свои корни и ценить каждый момент жизни.

Мы с Андреем Валентиновичем Пиценко встретили Олега Николаевича у дома. Он курил у вишни. «Это дерево примиряет меня со временем, оно воплощается в нем и кажется не столь нелепым, как в других вещах, которые мы создаем своими руками». Сквозь Фестивальный район, на каждом пятачке которого прошло детство профессора, мы и пошли. Рассказ Мороза плавно соприкасался с его биографией.

Арина Клепикова

О. Н. Мороз у подъезда своего дома.

«ТЯНУЛО ВСЁ ВРЕМЯ НАВЕРХ»

А. Н. (Андрей Нейжмак): ***У каждого из нас память работает по-своему. Кто-то подробно может рассказать о себе совсем маленьком, а кто-то не вспомнит ничего из раннего детства. По словам ученых, самые первые воспоминания у людей обычно появляются примерно в два с половиной года. Насколько глубоко в этом плане работает Ваша память?***

О. М. (Олег Мороз): *Был такой философ Леонид Липавский. Он говорил о том, что человек не умирает, а засыпает и спит до того момента, когда его вновь не разбудит поцелуем Тот, кто создал этот мир. Не знаю, как будет после смерти, но у меня есть ощущение, что с рождением происходит именно так. Я проснулся, когда мне было лет пять или шесть, и сразу побежал на улицу, залитую утренним солнечным светом.*

А. Н.: ***Расскажите, кем были Ваши родители? Где работали?***

О. М.: *Это были простые люди со сложными судьбами, семейными и личными. Отец – слесарь пятого разряда. Работал на заводе имени Калинина, который располагался в районе современного торгового центра «Центр города», собирал станки. От завода, как вы понимаете, ничего уже не осталось. Отец работал в цеху, находившемся возле трам-*

вайной ветки. Мой брат Андрей успел поработать вместе с отцом, гонял по цеху на автокаре.

А я с осени девяносто первого по весну девяносто второго работал с матерью на ЗИПе. Она окончила строительный техникум, была мастером, потом занималась в конторе «бумагами». Я на заводе был распределителем работ, имел пропуск, который позволял свободно входить и, что самое главное, выходить через КПП.

ЗИП был громадным заводом, со строительным цехом, строившим многоэтажки, с типографией, автопарком и прочим. Там всегда было много молодежи, выпускники профтехучилищ, самых разных профессий. Многие мои друзья проходили на заводе практику еще до того, как я там оказался. Кто-то работал, кто-то дурака валял в ожидании армии.

Отойдя недалеко от дома Олега Николаевича, мы пришли к его родному двору. Эта часть Фестивального, кажется, совсем не изменилась со времен его детства. Старые многоэтажки до сих пор оберегают жителей от повсеместной застройки бурно растущего города-миллионника.

О. М.: *Мы подошли к месту, где жили родители. Теперь это моя небольшая обитель. В прямом смысле – мой родной дом: я появился на свет в собственной квартире. Так получилось. Не стал ждать, пока приедет скорая. Стены помнят, как говорится, а рассказывать приходится мне.*

Человек во внешнем измерении – это не родители, а место, место жизни, существования. Предки находятся в нас, соприсутствуют, они внутри, а не вовне. Я со временем стал замечать, что говорю так, как говорили они, повторяю некоторые их жесты. Внутри идет безмолвная жизнь близких людей. А вот сам я похож на эти места, немного нелюдимые теперь, прячущиеся в зелени деревьев, все растущих и растущих.

А. Н.: ***Как проходило Ваше детство? Чем Вы увлекались?***

О. М.: *Увлекался всем, чем можно. Это сейчас дети выходят во двор и не знают, чем заняться. А нам не надо было ничего выдумывать: любой камень, дерево, забор, палка, банка предлагали поиграть во что-нибудь. Большая ступенька перед подъездом служила теннисным столом. Посередине ставили кирпичи. На арку перед детской площадкой взбира-*

Арина Клепикова

Во дворе.

Арина Клепикова

Прогулка с О. Н. Морозом.

Арина Клепикова

«Лестница в небеса».

лись как на скалу, она тогда казалась огромной, как гора. Почти ничего здесь, кроме лестницы, ведущей в утраченные небеса, не сохранилось.

А. Н. ***Я замечал такую же лестницу в своем городе и не понимал, как можно было играть на таком высоком объекте. Она метров пять в высоту.***

А. П. ***(Андрей Пиценко): Такие лестницы, наверное, были почти в каждой школе. Мы на такой лестнице играли в догонялки. Успевали подняться по ступенькам или по канату, спуститься, перелезть по большой перекладине. Сегодня это кажется экстремальной игрой, а тогда – обыденная забава. Но, что интересно, ни одного несчастного случая не приключилось. В Вашей родной квартире сегодня кто-то живет?***

О. М.: *Сейчас там находится мой рабочий кабинет. Все завалено книгами, грудами бумаг, пластинками. В другой части, где кухня, идет ремонт. Небольшой библейский хаос. А раньше именно там я писал, у окна на подоконнике.*

Если приглядеться, можно увидеть напротив

Арина Клепикова

Школа, в которой учился О. Н. Мороз.

окон квартиры толстые провода. Когда я работал на кухне, нередко между писанием и кофеем доставал сигарету и смотрел на небо, мимо деревьев, не на небо, в никуда. И тут вдруг появлялась белка. Ловко бегала по проводам, то туда, то сюда, будто для того, чтобы я ее увидел. По утрам, особенно в зимнюю пору, когда деревья стоят голые, это завораживающее зрелище. Она до сих пор здесь обитает. Мы с ней живем в неведомом согласии: она своими делами занимается, а я своими, иногда смотрим друг на друга. Может быть, это моя душа ко мне является в этом образе. Или просто это такой знак, который Господь посылает, чтобы я увидел себя со стороны.

Пройдя еще несколько сотен метров, мы уперлись в забор, преграждающий путь к школе, где учился профессор. Все вместе подумали, что внутрь пройти не удастся из-за суровых правил охраны образовательных учреждений.

О. М.: *Еще одно важное место, а может быть, вообще главное на этой земле, которая называется Фестивальным районом, – школа номер восемнадцать. Вот здесь три поколения Морозов учились: мой старший брат Андрей, я и сын Михаил, который перешел в 11 класс. Все три поколения прославляли фамилию в меру своих способностей, по заветам старухи Шапокляк: «Хорошими делами прославиться нельзя!» Шутка. Глупая.*

Разговор о школе услышала девушка, проходившая мимо. Не отвлекая нас от беседы, она сказала нашему фотографу, что во двор зайти все-таки можно, не уведомляя охрану. Олег Николаевич такой шанс решил использовать.

А. Н.: ***Что хорошего было в школе?***

О. М.: *Школа не место, где мы учились. Школа – это место, где мы жили, где мы существовали. Причем не только мы. Тут были все: взрослые, молодежь, дети. Ходили туда не для того, чтобы нас чему-то научили, чтобы что-то узнать, а потому что там была жизнь.*

Большая старая школа внешне отличается от жилых домов лишь меньшим количеством этажей и большим плакатом в честь Дня Победы. Олег Николаевич на здание почти не обратил внима-

ние, а повел туда, где чаще всего проводил время.

О. М.: *Вечером мужики играли на большом поле. Если народу не хватало, они делили площадку пополам. Мы играли, как правило, где сейчас «клетка» (площадка, защищенная забором из проволоки. – **Прим. А. Н.**) – любимое наше было место. Сейчас все по-другому.*

А. Н.: ***Вроде бы поле обновили, оно находится в отличном состоянии.***

О. М.: *Дело не в состоянии поля. Мой сын еще застал старый стадион с кочками, и он даже успел поиграть. Новое поле мне не нравится, как и вся прилегающая к школе территория. Сейчас на дворе лето, а людей нет. Мы среди этих заборов как будто на зоне. Меня это сильно напрягает.*

Забор был всегда, но во всех его четырех углах или вблизи их существовали проходы. Помимо основной калитки, еще две-три дыры. Школа была обитаема.

А. П.: ***А на месте «клетки» было асфальтовое покрытие?***

О. М.: Да, тогда был асфальт.

А. П.: ***Я уточнил потому, что у всех советских детей, по-моему, был опыт игры в футбол именно на асфальтовом поле, где-то даже на гравии. В Вашем детстве ведь тоже так и было?***

О. М.: *Безусловно. У нас были спартанские условия: любая поверхность, два кирпича и мяч. Даже не всегда мяч. Неудивительно, что в нашем поколении были очень талантливые спортсмены, хотя время оказалось не лучшим для спортивной карьеры. Особенно в футболе. Немногие состоялись, но некоторые все же пробились. Например, Мурат Гомлешко, бывший игрок «Кубани». Мы мальчишками гоняли мяч – в школе, во дворах, там ведь тоже было много площадок, едва ли не у каждого дома. Или Андрей Юдин, они вместе с братом Иваном учились в спортивном классе, который некоторое время базировался в нашей школе. Юдины были старше нас на три года, мы восхищались ими, они были почти как боги.*

А. П.: ***Ну, Андрей Юдин – ничего себе, это очень достойный уровень. Он играл за «Днепр». Эта команда – чемпион СССР в 1988 году.***

О. М.: *Верно, но Юдин застал лишь серебро в 1989 году. И, конечно, брал Кубок СССР. Играл защитником, но в школьные годы был нападающим.*

Мы неспешно покинули территорию школы и пошли, как сказал сам Олег Николаевич, по тропам его детства. От почти сорокаградусной жары нас спасала зелень крупного жилого района.

О. М.: *Одна из тех вещей, которые меня держат на Фестивальном, – деревья, возле каждого дома практически роща. Много птиц, по утрам орут, будто у них молебен, вороны, каркают, как разговаривают, со смыслом, белки. Иногда чувствуешь себя как в библейском лесу, в заброшенном райском саду. Я хожу этими тропами, поэтому веду вас именно так, как я сам передвигаюсь. Вот – гаражи. Сейчас дети почему-то не бегают по гаражам.*

А. Н.: ***Дети в принципе мало бегают.***

О. М.: *Мы очень много времени проводили наверху. Пока были совсем маленькими, лазали под гаражами, носились вокруг них, играли в «войнуху»: делились на «наших» и «немцев». Потом носились по крышам гаражей, сигали с одного на другой, как белки.*

«СЕЙЧАС НА СТАДИОНЕ СТАЛО ПРАВИЛЬНО И ПЛОХО»

Фестивальный микрорайон – это не единственное место притяжения Олега Николаевича. Часть его биографии неотрывно связана с одним из главных спортивных мест города – стадионом «Кубань». Советское поколение жителей Краснодара со мной не согласится и скажет, что эта футбольная арена никак не может тягаться по историческим причинам с «Колизеем» Сергея Галицкого или обновленным стадионом «Динамо» на Красной. Мы направились на машинах прямо к Покровским озерам, где расположился дом для фанатов «желто-зеленой» команды столицы Краснодарского края.

О. М.: *Ну что, это родной стадион «Кубань», тоже святое место, храм, несмотря на повсеместный новодел.*

Когда я тут оказался в первый раз, даже не знаю. Помню только, как мы с отцом ходили на

футбол в восьмидесятом году, когда «Кубань» играла с ЦСКА. Затем я оказывался здесь снова и снова.

В футбол я играл уже в детском саду. Затем отец привел меня сюда к Юрию Горину. Позже тренировался у Виктора Корецкого. Это два легендарных кубанских футболиста разных поколений.

Мы зашли во двор стадиона. Мороз сразу же обратил внимание на то, что на соседней небольшой площадке тренируются подростки.

О. М.: *На стадионе «Кубань» я был множество раз и даже на поле, подавал мячи во время официальных матчей. Сейчас таких мальчишек называют бол-боями.*

Бывали и такие времена, когда мы тренировались «на трибунах» — на площадке между верхней и нижней трибунами.

А. Н.: ***Прямо играли в футбол?***

О. М.: *Прямо играли. Я уже не помню, как это все выглядело. Ворота не проблема поставить. Стадион я когда-то знал как свои пять пальцев. По всей территории арены мы постоянно ползали, лазали, прыгали и прочее.*

А. П.: ***Я уже спрашивал Вас сегодня о свойствах памяти. Какой матч «Кубани» или сезон Вы помните отчетливее?***

О. М.: *Наверное, матчи против «Динамо» Тбилиси и «Динамо» Киев. Не знаю, почему, но какие-то моменты этих игр хорошо отложились в памяти. Впрочем, что ж не запомнить, тогда это были великолепные команды: тбилисцы только что выиграли Кубок Кубков, киевляне — чемпионы страны и вообще.*

Есть, конечно, и плохие воспоминания. Когда «Кубань» вылетела из Высшей лиги. Или проигрыш 0:4 минскому «Динамо». Или ничья с «Зенитом» 2:2, а ведь до 80-й минуты мы вели 2:0. Увы, как раз тогда я мячи и подавал (смеется. — **Прим. А. Н.***).*

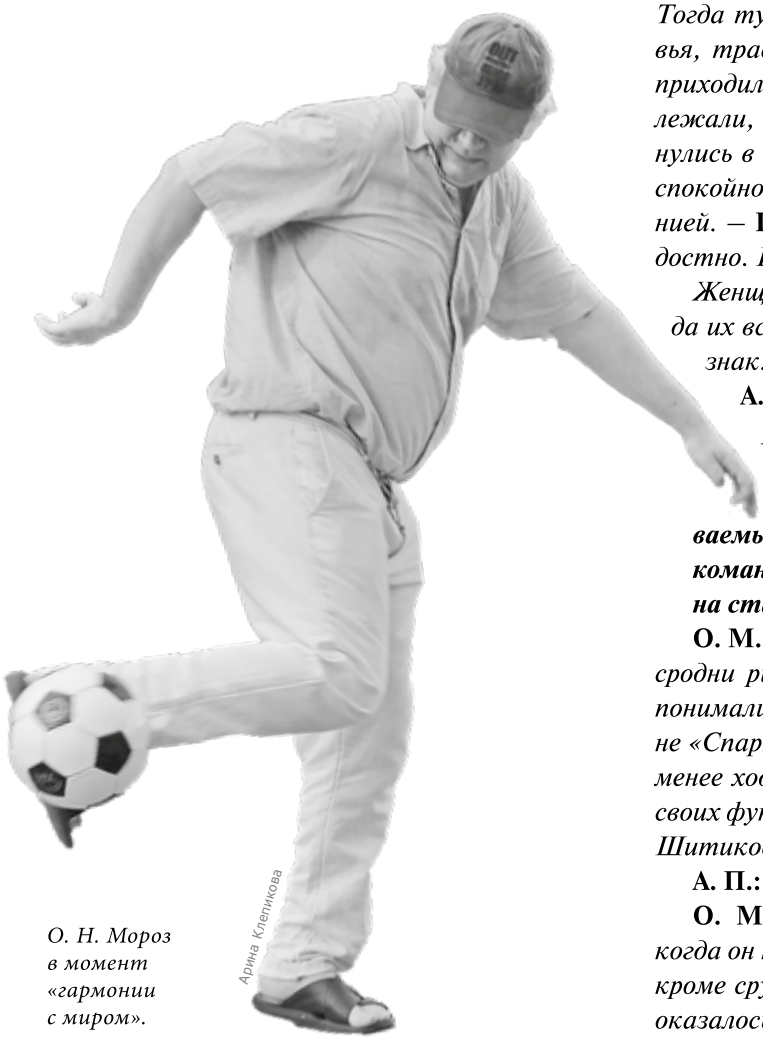
В период, когда «Кубань» играла в Первой лиге — играла посредственно, я был яростным фанатом. Футбол тогда воспринимался по-другому.

Арина Клепикова

На аллее у стадиона «Кубань».

Сейчас считается, что поход на матч – это семейное времяпровождение. Ничего подобного. Тогда это был «мужской клуб», объединение таких клубов. Судьба разбрасывает людей в разные места, живут в разных районах города, работают кто где. И вот раз в неделю, раз в месяц собирают вместе. Мужики оставляли семью, жен, детей. На работу не надо, матчи проходили, как правило, по субботам, по воскресеньям. Футбол был народным праздником. Особенно, конечно, весной, в конце апреля – начале мая. Стояли торговые палатки, продавали шашлыки, пиво, вино и т. п. И вот венцом этого праздника был футбол. Люди, освободившиеся от уз этого мира, который, по словам Григория Сковороды, нас всех ловит, от этого мира убегали. Хотя большинство все-таки были пойманы. Но это потом.

О. Н. Мороз в момент «гармонии с миром».

Это был праздник единения и братства, когда дух собирает людей в одно. На трибунах – тогда это были длинные-предлинные скамейки: длинные бруски, уложенные на бетон, – незнакомые друг с другом люди тут же обретали родство, и никого это не удивляло, как такое может быть. Только на трибуне я и чувствовал свою причастность к народу, понимал, что народ не выдумка, я один из них, такой же, как они, хоть и не такой.

Сейчас на стадионе стало правильно и плохо. Тогда тут и забора не было, просто росли деревья, трава, газоны, поляны. В день матча люди приходили часа за три-четыре до игры. Ходили, лежали, сидели. Было похоже, что все мы вернулись в сад Эдемский, где есть счастье, можно спокойно выпить, спокойно поговорить (с иронией. – **Прим. А. Н.***). Не просто спокойно – радостно. Царили дружелюбие и веселье.*

Женщины были на футболе очень редко. Когда их встречали, считали, что это счастливый знак.

А. Н.: ***Я думаю, что клубы в России перестроили фанатскую политику из-за введения системы «Карты болельщика». Сегодня мало кто из так называемых «ультрас» ходит на матчи больших команд РПЛ из-за риска никогда не попасть на стадион.***

О. М.: *Не знаю. По-моему, боление за команду сродни ритуалу, служба футбольному богу. Мы понимали, что «Кубань» – это не «Динамо» Киев, не «Спартак», медали нам не светят. Но тем не менее ходили, смотрели во все глаза. Мы любили своих футболистов, даже костоломов вроде Васи Шитикова, даже когда ругали, все равно любили.*

А. П.: ***Ну, Шитиков еще и штрафные бил.***

О. М.: *Это потом, потом. Первоначально, когда он пришел в «Кубань», каких-либо подвигов, кроме срубания соперника, не совершал. А потом оказалось, что он неплохо играет в футбол и бьет*

штрафные. А поначалу был просто Вася-костолом. Называли его так по-свойски, без неприязни.

Мы бранили их, но все равно любили. Тогда скорее ценилось конкретное действие, конкретный прием, обводка, передача, удар, а не медийная репутация. В такие моменты мы боготворили наших футболистов, то, что делали на поле они – Владимир Лагойда, Игорь Калешин, Николай Колесов и другие, – казалось чудотворством. Кстати, футболисты не стеснялись играть на публику, нам это нравилось, хоть мы и ворчали иногда. Да и вообще футбол был театром для народа похлеще Шекспира.

В каждой команде обязательно был харизматический игрок, человек с изюминкой, личность, которую нельзя измерить только хорошей игрой и тем более медийностью, которая к тому же сегодня чаще всего сенсационно-скандальная.

А. Н.: ***А в «Кубани»?***

О. М.: *Александр Плошник, конечно. О нем рассказывали бесчисленные истории и легенды, преимущественно обыденного характера, что-то вроде жития, что-то наивное, смешное и поучительное.*

А. П.: ***Наверное, раньше футболисты были своими парнями. Как бы парень с соседнего подъезда. А сейчас все не так. Нет ощущения, что из футбола деньгами вытащили душу?***

О. М.: *Конечно, есть. Футболисты скачут из клуба в клуб, где больше дадут, туда и идут. Это стало нормальным. Все так мыслят: не надо ничего выдумывать – надо просто деньги вложить, купить именитого тренера и хороших футболистов. Отчасти сегодняшний «Краснодар» немножко ситуацию переломил, во всяком случае для меня. За счет чего клуб и стал чемпионом. И это прекрасно.*

Пока мы ходили вокруг стадиона, Андрей Валентинович нес черный пакет, внутри которого явно проглядывал футбольный мяч.

А. П.: ***Ну что, попинаем? Сегодня был на книжном рынке и увидел футбольный мяч. Подумал, что это какой-то знак.***

Несмотря на то, что Олег Николаевич закон-

Арина Клепикова

У стадиона «Кубань».

чил играть после университета, а последние семь лет, с тех пор как перестал играть с сыном, и вовсе не касался мяча, он продемонстрировал несколько приемов: понабивал мяч ногами и коленями, принимал внешней стороной стопы и отдавал передачи пяткой. Профессор Юрий Михайлович Павлов, после того как услышал о навыках Мороза, задал ироничный вопрос: «Не сможет ли Олег Николаевич заменить Федора Смолова, недавно покинувшего "Краснодар"?»

Проводить полноценный матч все же не стали, хотя к нашему пятачку сошлось несколько прохожих. Один мужчина, отбросив свой спортивный велосипед, явно хотел присоединиться к «трио», но все же решил быть только зрителем.

«ЛУЧШЕ МНЕ ЗАНИМАТЬСЯ ДУМАНЬЕМ»

А дальше через Спортивный парк у стадиона мы пошли к знаменитым Покровским озерам (Карасуну). Футбольный сюжет резко сменился, так произошло и в биографии профессора.

А. Н.: В *одном из интервью Вы говорили, что после школы поступили в КубГТУ. Окончили ли Вы его?*

О. М.: *Вообще-то это тогда был политехнический институт, политех. В школе я учился последние два года очень плохо, по разным причинам. Родители ненавязчиво мне говорили, что надо получить высшее образование. Мысль правильная. Это сейчас молодежь не хочет соглашаться с родителями, а я был согласен. Другое дело, что под эту мысль нужны какие-то знания.*

Перед вступительными экзаменами сконцентрировался на учебе, и то на паре предметов. За полгода освоил алгебру и геометрию, которых вообще не знал. Геометрия мне жутко понравилась, это наука о творении красоты. Конечно, понимать это я стал позже, но хорошо ощущал уже тогда. С физикой отношения не сложились. Но на три сдал и поступил. Было это в восемьдесят седьмом году.

Направили нас как-то на ознакомительную экскурсию по производственным цехам. В главном корпусе политеха, что на Красной, были небольшие учебные цеха. Везде какие-то машины стоят, механизмы, станки: фрезерные, токарные, шлифовальные и прочие, фрез этих – черт ногу сломит: угловые, концевые, с оперением, без оперения и т. п. и т. д. Стою я, чешу патлы, которые тогда были до самых плеч, и думаю: «Где я и где все эти фрезы? Что я тут делаю?» Вскоре меня и оттуда прогнали добрые люди.

А. Н.: *Со стороны кажется, что Вы резко изменили свою жизнь, поступив на филфак. С чем это было связано? Так сильно повлияли фрезы?*

О. М.: *Фрезы тут ни при чем, я видел вещи и похуже. Под этим решением была некоторая почва, так что его нельзя назвать совсем неожиданным. Другое дело, что оно было волевым. Я не готов был поступать – ни в тот год, ни в следующий, мои знания были абсолютно нулевыми и по русскому, и по литературе, и по английскому. Я, кстати, несколько раз поступал в университет. Приняли только с третьей попытки.*

А. Н.: *Это какой же год?*

О. М.: *Девяносто второй. Моя жизнь представляется мне довольно скучной при всех приключениях. Единственный героический мой поступок – это подготовка к экзаменам. Меня нужно занести в Книгу рекордов Гиннесса. Серьезно говорю, без смеха. Я единственный на белом свете человек, который выполнил все задания по учебнику С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова «Русский язык» для 7 и 8 классов. Все, без исключения. Даже авторы учебника сделали только по половине заданий, а я – все.*

А. П.: *А за какой промежуток времени?*

О. М.: За год. Английский учил по самоучителю, русский – по учебнику, который мне тетка привезла, она в станице работала, преподавала в младших классах.

А. П.: *Получается, в этот период Вы и работали на ЗИПе?*

О. М.: *Ну да, с матерью работал. До этого работал на почте, газеты и пенсии носил, еще раньше – грузчиком в овощном. Я немного раз-*

Юрий Ходзицкий

Кубанский государственный университет.

бираюсь в героизме, так как знаком с ним не по книжкам. Эпические герои были у меня перед глазами с самого рождения. Прежде всего – брат. Собственно, моя жизненная философия сложилась под влиянием брата, а не отца. Эпические герои совершают великие – в любом смысле этого слова! – деяния; но героизм – это внутреннее состояние, далеко не тождественное некоей решительности. У Каролины Павловой есть стихотворение «Есть любимцы вдохновений...», где эта мысль выражена очень точно, хотя и в романтическом ключе. Там речь идет о безгласном поэте, немом гении, человеке, не выразившем себя в «высоких трудах», вообще никак себя не проявившем.

В итоге поступил я на филфак.

А. Н.: ***В каком году Вы окончили филфак?***

О. М.: *В девяносто седьмом. Не буду себя хвалить, скажу лишь, что преподаватели меня выделяли, некоторые говорили: «Олег, тебе надо обязательно в аспирантуру поступать...» Я прекрасно понимал, что умею только думать о книгах, и лучше мне заниматься думаньем, а не покраской стен или другим благородным физическим трудом. Но по разным причинам филфак оказался для меня закрыт.*

Сейчас там работают любимые мои однокурсницы Людмила Юрьевна Костина (Фролова) и Марина Владимировна Шаройко (Герасименко). С Людмилой Юрьевной мы учились в одной группе, группа у нас была хорошая, да что тут говорить – лучшая, и нам повезло, что мы были все вместе. В студенческие годы познакомился с нынешним деканом филологического факультета Валерией Сайченко, человек она замечательный, так что не все пропало. Хотя пропало многое.

ИСТОРИЯ
«В ДУХЕ ФАКТОРОВИЧА»

А. Н.: ***Как Вам удалось попасть на журфак?***

О. М.: *По иронии судьбы, помогли медиа. Это единственный подобный случай в моей жизни.*

Пришел я как-то раз к приятелю, ныне известному московскому журналисту. Вскоре к нам присоединился третий – приятель моего приятеля. Он работал в газете «Краснодарские известия» в отделе новостей. Это был конец сентября, начало учебного года. И вот этот приятель приятеля говорит: «Как я уже замучился! Где эти новости брать? Туда звонишь – ничего, сюда – ничего. И так везде». Я в шутку предложил: «Напиши, два видных краснодарских литературоведа приглашены в Москву на V Международную научную конференцию, посвященную творчеству великого писателя Андрея Платонова, такой-то вот и такой-то». Одним из «вот таких-то» был я. Конференция и правда была, но я что-то не помню, чтобы о таких мероприятиях писали в наших городских газетах, это же несерьезно. Мы разошлись и чуть ли не на следующий день я уехал. Москва – это всегда балаган, ярмарка, особенно та Москва. Литинститут, Всемирный фестиваль поэзии, Институт мировой литературы. Возвращение в Краснодар радости не вызывало.

Ездили мы вдвоем с другом. В шесть утра добрались на Фестивальный, сидим на остановке, курим; а что домой идти – ни работы, ни заботы, хоть застрелись. Отчаяние – это когда сделать больше ничего нельзя. Ну а раз так, значит, и не надо ничего делать, дело само найдет тебя. Но это стало ясно потом.

Прихожу домой, дверь открывает мать, и не успел я разуться, как она говорит: «Звонил Александр Львович Факторович. Сказал, чтоб, как только вернешься в город, ехал на факультет журналистики устраиваться». В ту пору Факторович был деканом журфака. Я не понял, с чего бы это вдруг, но поехал. Выяснилось, тот самый приятель приятеля из «Краснодарских известий» написал заметку о конференции; ее увидел Александр Львович, который, кстати говоря, читал все газеты, и участь моя была решена. Он вообще был человек решительный.

А. К.: ***То есть такая случайная и смелая шутка Вам помогла?***

О. М.: *Как говорят, случайность неслучайна. Значит, так должно было случиться. Я, конечно, бывал на факультете, тот же Канашкин там работал, но Факторовичу на глаза не попадался. Другое дело, что я Факторовича знал со времен филфака.*

Нет таких слов, которые бы вполне могли характеризовать Александра Львовича. Странный, удивительный, парадоксальный, противоречивый, сложный, непонятный и т. д., и т. п. – все это поверхностно. Факторович был не декан, то есть управленец, он был демиург, человек, создававший не факультет, а вселенную. То, как он руководил, то, как мы жили при нем, – все это указывало на то, что это была маленькая империя, где Факторович был всем и во всем. Вся ранняя жизнь журфака – от студентов до преподавателей – была пронизана его планами и начинаниями, часто совершенно фантастическими, шедшими неостановимым потоком, которых нередко никто, кроме него, не понимал, а некоторых не понимал, кажется, даже он сам. Это был не человек, а все четыре стихии вместе. Он мог быть очень разным: по-разному говорил, одевался, ел, пил, даже походка у него была разная. По-моему, Факторовича никакой шкалой нельзя измерить. Александр Львович создавал мир, в котором было все сразу – и смех, и слезы, и любовь, и многое другое.

А. Н.: ***Как журфак жил после ухода Факторовича? Изменилось ли что-нибудь на факультете после того, как пост декана занял Валерий Васильевич Касьянов?***

О. М.: *Сразу после Факторовича настало смутное время, факультет как бы гнил изнутри, мне не хочется на этом заострять внимание. Смута закончилась с приходом Валерия Васильевича Касьянова. Он своей энергетикой привел в работу все зубчатые передачи и шестерни журфака. Благодаря ему появилась Лихоносовская*

конференция, позволившая сотням студентам и гостям факультета услышать голос Виктора Ивановича, прикоснуться к его великому таланту. Я встречал многих руководителей, но по организованности, деловой хватке, дальновидности, пониманию происходящих процессов равных Валерию Васильевичу не видел. Но это эпическая сторона истории факультета. Есть и лирическая.

Для меня начался счастливый период, когда я попал на кафедру Владимира Ильича Чередниченко, то есть на нынешнюю свою кафедру. Чередниченко – человек дружелюбный, но не искренний, он увлекался шахматами и зачастую руководил кафедрой так, будто разыгрывал шахматную партию. Вообще-то я тяжело схожусь с людьми и, попав на новую кафедру, чувствовал себя не в своей тарелке. Но в какой-то момент открыл чудесных людей. Это в первую очередь были Екатерина Вологина и Наталья Ходорченко, тогда лаборанты: светлые, приветливые, очень бойкие, смешливые девчонки, они создавали на кафедре радость и благолепие, при них рассеивались тяготы и неприятности. Ныне Екатерина Владимировна – заведующая кафедрой «Электронных СМИ и новых медиа», но осталась такой же замечательной, как была когда-то. Душой кафедры был Игорь Станиславович Чирва – человек-праздник, жизнерадостный, «ребячливый», отзывчивый, великолепный рассказчик.

Постепенно кафедра стала нашим общим домом. Заслуга в этом принадлежит Юрию Михайловичу Павлову, нынешнему заведующему кафедрой, он стал центром притяжения наших разнонаправленных дел, создал гравитационное поле, в котором все мы связаны. Николай Игоревич Крижановский, Людмила Николаевна Хорева, Ольга Вадимовна Татаринова, Альбина Владиславовна Петрова. Мы все давно знаем друг друга, между нами много ниточек, и видимых, и невидимых, чуть ли не семейных, старшие учили младших, младшие учились у старших. Я завидую молодым, тем, кто приходит к нам работать на кафедру, они попадают в среду творчества и служения, заботы и братства, такая удача выпадает нечасто.

На филфак я не попал, и это, хотя я когда-то хотел другого, к лучшему. Никогда не думал, что жизнь моя закончится на журфаке, но сейчас готов к этому.

Архив КубГУ.

Факультет журналистики КубГУ.

«КАК МОЖНО ЛУЧШЕ СЫГРАТЬ РОЛЬ САМОГО СЕБЯ...»

А. Н.: ***Вы написали множество работ о Семене Боброве, Михаиле Лермонтове, Юрии Одарченко, Николае Заболоцком, Андрее Платонове, Юрии Казакове, Михаиле Бахтине, Евгении Носове, Юрии Кузнецове, Юрии Козлове и других. Все эти авторы жили в разное время, представляли разные направления. Есть ли у Вас какая-то система при выборе героя исследования?***

О. М.: *Есть у меня опусы и о зарубежных авторах. Это турок Орхан Памук, американец Роберт Пенн Уоррен, датчанин Ларс фон Триер, он, кстати, кинорежиссер, а не писатель. Так что системой, вероятно, являюсь я сам: я пишу только о тех авторах, которые меня захватывают и не отпускают. И не важно, когда они жили, где, о чем писали и как. Точнее, именно это и важно, потому что все это в каком-то ином измерении открывается во мне.*

Для меня думание и письмо — процесс самопознавания. Это тоже диалог, писатель обращается ко мне, хочет сказать нечто важное, я мало что понимаю из того, что он говорит, и, если слова не выходят из ума, переспрашиваю. И обдумываю его ответы. Книга дает чудесную возможность удвоить свое бытие, посмотреть на себя и на мир со стороны, что очень сложно сделать, живя обыденной жизнью. Она выявляет твою глубину, и действительность перестает быть плоской, одномерной и безысходной. Но речь идет не о чтении, а о думании; само по себе чтение есть род неких тайных радостей. Меня когда-то поразил Бахтин своей книгой о Достоевском — «Вопросы поэтики Достоевского». Не потому, что я вдохновился его учением о диалогическом слове: оно очень интересное, но с самого начала внушало некоторые сомнения. Бахтин писал о Достоевском так, будто разговаривал с ним о его произведениях: независимость мысли от внешних обстоятельств, возникавшая в этом разговоре, производила ошеломляющее впечатление.

А. Н.: ***Какие авторы сейчас находятся в центре Вашего исследовательского внимания и почему Вы выбрали именно их?***

О. М.: *Мой предмет литературоведческого думания, не вполне ясный для меня, возникает на скрещении русской поэзии XVIII и XX веков (помыслить литературу XXI столетия как нечто самостоятельное я, увы, не способен). Дело не в сходстве и не в различиях, хотя есть и сходства, и различия. Такое скрещение дает возможность видеть художественные явления в более широком историко-литературном и в конечном счете смысловом контексте, оно размыкает круг смыслов, в котором художественное явление тенденциозно актуализируется современностью. Я не выбираю авторов, скорее, они меня находят, причем некоторые в прямом смысле, полагая, что именно я могу о них написать. Собственно говоря, меня больше занимают вопросы художественного порядка, в этом ракурсе становится важен тот или иной автор. В особенности интересны большие поэтические формы, условно говоря, поэмы: у больших поэтов это поразительные опыты взаимодействия индивидуального и универсального языков. Как ни странно, именно в плоскости такого взаимодействия я пытаюсь смотреть на прозу, и это, конечно, с самого начала отсекает огромный массив прозаических произведений, и слава Богу.*

А. Н.: ***Олег Николаевич, сегодня многие говорят о понижении качества высшего образования. В чем Вы видите общую проблему университетов в России?***

О. М.: *Система курсов, которая появилась, когда ввели магистратуру, сломала традиционное образование. Суть университета, тем более если мы говорим о журфаке и других гуманитарных факультетах, состоит в том, чтобы молодые люди, получив образование, обрели в себе универсальную личность, стали людьми, обладающими высоким уровнем культуры и способностями компетентно судить о социальной истории, искусстве, обществе, праве и т. д.*

Сегодня взят курс на узкую специализацию, профильность, на удовлетворение нужд работодателя. Универсальность гуманитарного образования срезается на корню. Это неудивительно, нечто подобное мы видим в отношении к современной литературе, искусству в целом. Это дух времени, он проявляется и на журфаке, и на филфаке. И в футболе. И в облике города. В чем угодно.

А. Н.: ***Хотя у нас об этой проблеме говорят на всех уровнях. Все понимают причину, но как будто бы не знают или не хотят ее решать.***

О. М.: *Мне трудно судить, почему дело обстоит именно так; мой горизонт представлений о происходящем довольно узкий. Я простой преподаватель. Стратегических проблем я не знаю, и уж тем более не способен влиять на ситуацию.*

А. Н.: ***Вы каждый день встречаетесь со студентами, и они уже начинают по-другому мыслить.***

О. М.: *Да, возможно, как-то мои речи на них воздействуют. Но этого воздействия хватает только на три первые парты, условно говоря. Я пытаюсь по возможности создать некое электромагнитное поле, которое бы влияло на окружающих. Чего-то специального я никогда не предпринимал и не собираюсь предпринимать. Преподаватель — это некий особенный мир, в котором соединены знания, этика, культура, харизма, его приязни и неприязни, желания и нежелания, вера, упования и прочее. Он больше, чем его руки, ноги, голова, даже больше, чем то, что он знает и тем более говорит. Преподавание — это симпатическая магия, которую можно ощутить общаясь.*

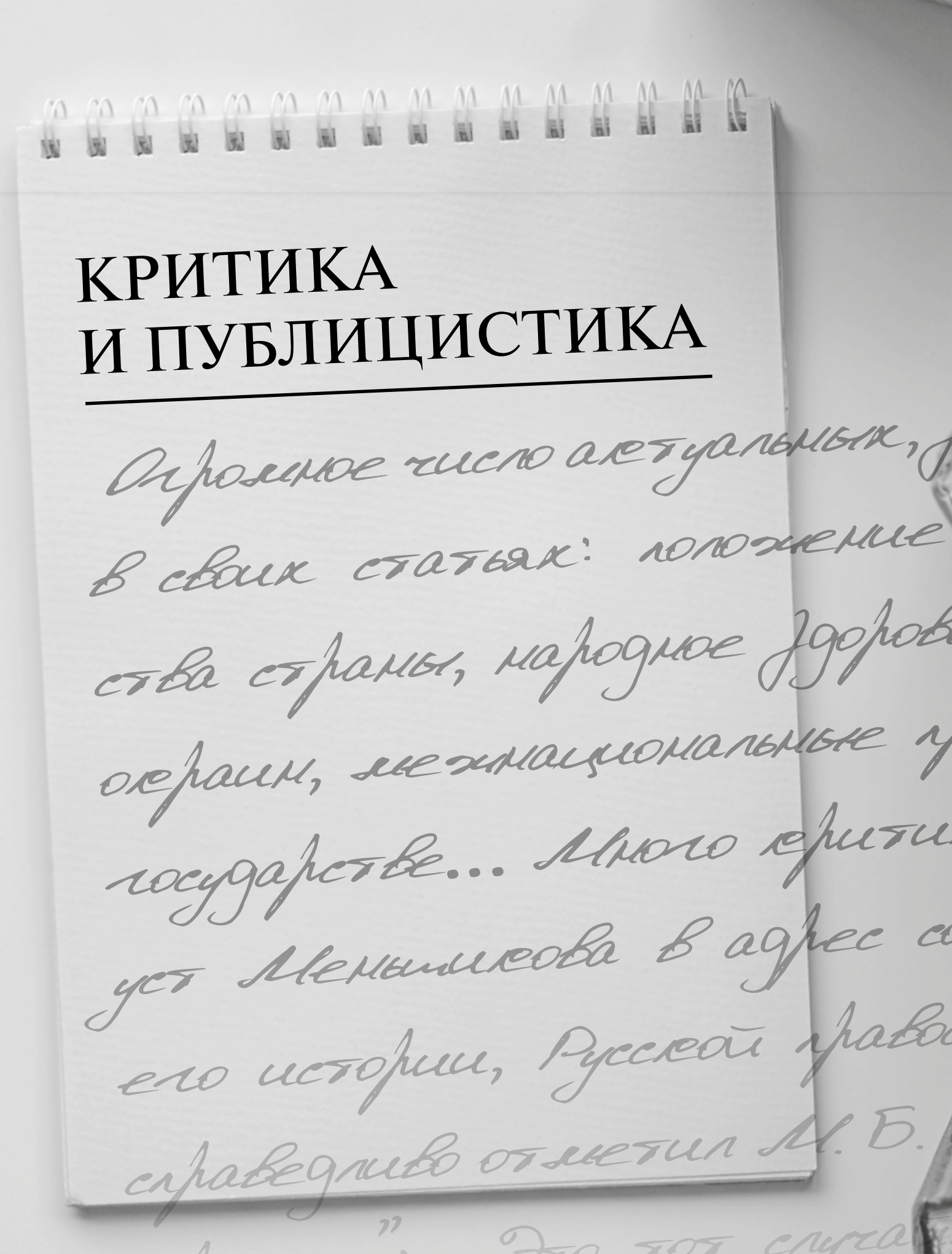
А. Н.: ***Вы почти двадцать пять лет находитесь среди молодых людей. Наверняка Вы заметили, что студенты начала нулевых отличаются от сегодняшних.***

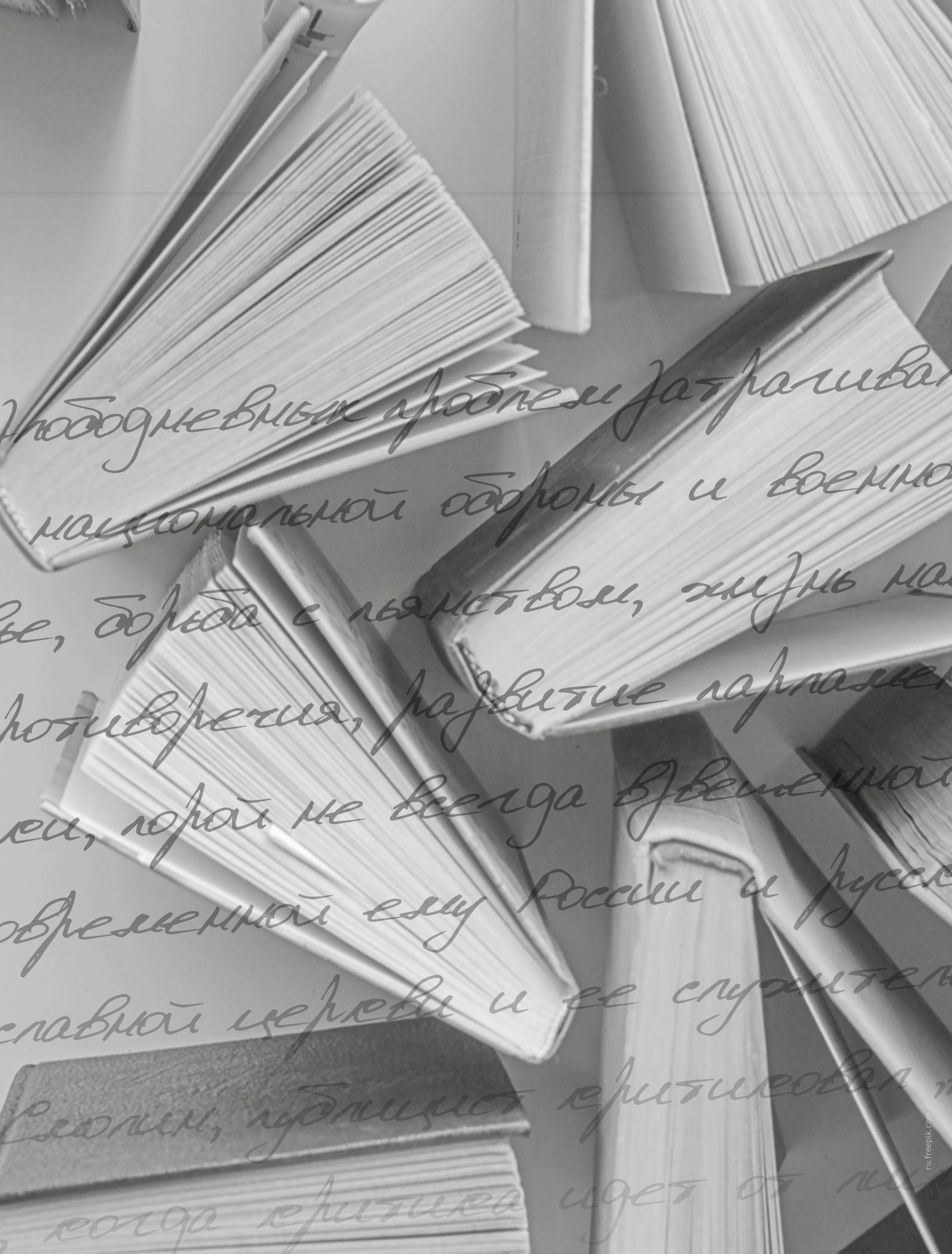
О. М.: *Я не испытываю оптимизма относительного будущего, и я рад, и это сокровенная моя радость, что не увижу худшего. Но, вероятно, бессмысленно говорить о будущем в понятиях «хуже» — «лучше». Молодежь стала другой, и мне это не нравится. У меня есть ощущение, что я принадлежу к какой-то иной ветви эволюционного развития человечества, переставшей быть магистральной. Произошел антропологический сдвиг на наших глазах. На глазах нашего поколения. Современный человек — совершенно другой человек. Было бы лучше, если бы ученые дали этому явлению хотя бы формальное определение, чтобы мы хотя бы осознали, что приобрели и что потеряли. Это важно в первую очередь для вас, молодых. У меня жизни осталось-то...*

А. Н.: ***Мы встречаемся в преддверии Вашего дня рождения. Обычно в такие даты принято говорить о сделанном и о том, что задумано.***

О. М.: *Мне уже давно не хочется строить какие-либо планы. С каждым годом становится все легче думать и все тяжелее писать, находить мотивации для письма. Конечно, есть период воодушевления, что-то делаешь с энтузиазмом и ощущением необходимости для... кого-то, неизвестно кого. Но это неделя, может быть, две. Если не успеваешь за эту неделю доделать дело до конца, каждый день сам себе говоришь: «Кому это все надо? Мне? Да не хочу я ничего писать. Я смертельно устал». Тем не менее продолжаешь делать: нужно быть хоть кем-то, чтобы сыграть роль самого себя. Меня, возможно, уже тяготит эта роль. В другой жизни я занялся бы чем-то другим. Не понимаю людей, которые говорят, что, дай им другую жизнь, они прожили бы ее точно так же, как эту, отказались бы променять свою жизнь на другую. Я бы не отказался. Мир хорошо был создан, несмотря ни на что. Каждый из нас получает некий дар: от родителей, природы, Бога, неважно. Он дан для того, чтобы человек его осуществил, он не должен остаться втуне. Это богатство должно явить миру, выразить его — наша обязанность. Мы играем роль того, кто должен осуществить дарованное, потому что вне своего дара у нас нет бытия: в сущности, быть собой — значит как можно лучше сыграть роль самого себя. Есть некий дар и у меня, и я осуществляю его, как могу, как мог бы его осуществить только я.* ■

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ru.freepik.com

Архив Людмилы Хоревой

ЛЮДМИЛА ХОРЕВА

Родилась в 1953 году в станице Придорожной Краснодарского края. В 1975 году окончила филологический факультет Кубанского госуниверситета, кандидат наук, доцент кафедры публицистики и журналистского мастерства. Публиковалась в «Родной Кубани» и других СМИ.
Живёт в Краснодаре.

«ЕГО "НОМЕР РЯДА" – ЭТО ОН САМ»: РУССКИЙ ПОЭТ СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Сергей Зубарев относится к тем поэтам, которые живут по латинскому девизу «Nulla dies sine linea» – «Ни дня без строчки», реагируя на многие события внешней, сторонней жизни и внутренней, личной. Такое мнение о нем остается после встречи с его лирической поэзией.

Стихотворный багаж Сергея Куприяновича отличается тематическим разнообразием, и каждый повод для его разговора с читателями не может оставить равнодушным никого. Вернее сказать, не столько сами по себе животрепещущие темы – мы все живем в их бурном водовороте, а то, как они раскрываются у поэта. Отсюда и адекватно-восторженные оценки его творчества, с которым народ знакомится по изданным восьми сборникам стихотворений, а больше на сайтах «Российский писатель», «День литературы», «Кубанский писатель», «Стихи.ру». В «Родной Кубани» стихи Сергея Зубарева тоже неоднократно выкладывались в интернете и выходили в печатных номерах.

Насколько же известен Сергей Зубарев кубанским любителям поэзии? Думается, что все же знаком. В 2007 году Союз писателей России (СПР) принял его в свои ряды, а первый сборник стихов поэт издал еще на исходе XX века – в 1998 году. Он участвует в литературных конкурсах разного ранга – краевых и всероссийских и неоднократно в них лауреатствовал (в 2015-м – дважды, 2016-м). В 2020 году победил в литературной премии имени Н. С. Гумилева с книгой стихотворений «Танцы на битом стекле», за что на фестивале «Коктебельская весна – 2020» в Симферополе ему вручили диплом и знак лауреата.

Широкое знакомство читателей с творчеством Зубарева началось с того, что поэт Николай Александрович Зиновьев как-то выложил на своей странице «Российского писателя» его стихи, а тогдашний председатель СПР Николай Иванович Дорошенко обнародовал их на самом сайте.

В печати и других источниках творчество Сергея Зубарева обсуждалось нечасто. Первым большую статью о нем опубликовал в 2012 году на сайте «Российский писатель» популяризатор хорошей современной русской поэзии Григорий Блехман, кстати, по рождению кубанец. Он откликнулся статьей «Написать бы о чем-нибудь светлом (поэт Сергей Зубарев)» [1], прочитав стихи С. Зубарева у Зиновьева и в сборнике «Душа, как выжженное поле» (2010), присланном ему самим автором.

О победных конкурсных произведениях и сборниках Сергея Зубарева рассказывала в 2017 и 2020 годах секретарь Союза писателей России, главный редактор литературно-художественного журнала «Берега» Лидия Довыденко (сайты журнала «Берега» и «Русской народной линии») [2; 3]. Критики отмечали профессионализм, несомненный поэтический талант, принадлежность к традиционной почвенной литературе: «...это подлинно русский поэт, именно русский тип целомудренной православной традиции, выражающей духовную жизнь и большие идеи» [3].

Характеризуя со всех сторон поэзию «нового» поэта, Г. Блехман сокрушенно замечает: «...У кого бы в Москве я ни спрашивал об этом поэте, никто его не читал, что, впрочем, неудивительно, поскольку мы уже давно, к сожалению, не самая читающая страна. А лет тридцать (и более) назад, думаю, такой поэт был бы у нас широко известен и постоянно востребован» [1]. Добавлю, что о Сергее Зубареве ничего не слышали и наши краснодарские учителя и с его современным, актуальным поэтическим словом не знакомят школьников на уроках литературы, кубановедения или основ православия.

В комментариях к статье Г. Блехмана читатели высказывались о многих достоинствах поэзии и сторонах личности Сергея Зубарева, вот некоторые из них:

«Прекрасный поэт. Чувствуется, что для него поэзия – это действительно "как воздух". И, главное, дар Божий. Самородок» (В. С. Попов);

«Сколько слабенького, серенького наводняет ежедневно бумажные и электронные страницы. А такого поэта, который уже состоялся, который пишет так, что мурашки по коже бегают, широкий круг читателей узнает с таким запозданием» (Л. Курганов);

«Есть на Руси таланты. Никуда они не девались. Их лишь надо уметь заметить и представить читателю. Сергей Зубарев, бесспорно, поэт от природы» (И. Волгин);

«Поэт Сергей Зубарев – редкий талант. Статья Григория Блехмана адекватна таланту поэта. Николая Дорошенко иной раз ругаю за то, что выкладывает на сайте статейки, недостойные "Российского писателя". На этот раз поблагодарю. Поблагодарю всех – Сергея Зубарева, Григория Блехмана и Николая Дорошенко за несомненную пользу от работы каждого из них для читателей, а следовательно, и для нашей литературы» (Родион);

«Самобытный, с высокой культурой слова и классического русского стиля, но сразу узнаваемый прекрасный поэт Сергей Зубарев, о существовании которого до сегодняшнего дня и не подозревала... необычайно яркое дарование» (А. Конорева);

«Уже читаю Сергея Зубарева наизусть. Мощный поэт Сергей Зубарев, а ведь мог так и остаться в безвестности. Особенно у Сергея сильна строка, когда он пишет о том, что его "пробило". Тут он, конечно, пронзителен и высок с точки зрения трагедийности. Жизнь есть жизнь. Хорошо, что не сломался и пишет» (Эмма);

«Судя по вашему рассказу, человек он, видимо, до сих пор сомневающийся в том, интересен ли широкому кругу читателей, поэтому с удовольствием поддержу вас в том, что интересен, еще и как» (В. Говоров);

«Я не буду искать Зубареву номер ряда в русской поэзии. Но в том, что русская поэзия во всем мире имеет зубаревское отличие, я не сомневаюсь» (И. Смирнов);

«Согласна с Игорем Смирновым, что не надо "искать Зубареву номер ряда в русской поэзии", потому что он самобытен, узнаваем и прекрасен сам по себе. А, следовательно, его "номер ряда" – это он сам: Сергей Зубарев – замечательный русский поэт» (В. Носова) [1].

В последних двух высказываниях дана серьезная характеристика Сергею Зубареву как поэту истинно русскому, стоя́щему на высоких нравственных позициях, присущих нашей традиционной национальной поэзии.

Мой дальнейший рассказ о Сергее Зубареве и его поэзии будет весьма субъективным, так как хочется показать те стихи, которые особенно тронули, задели за живое. В них нашлись вопросы и ответы ко многим ситуациям, которые случались и в моей жизни.

«Родная Кубань» считает Сергея Зубарева своим, местным поэтом –шестьдесят лет после переезда с родителями из Челябинска он живет в Краснодарском крае, в Анапе. Однако в его стихах заметен след той языковой среды, в которой Сергей рос ребенком, – стихи сохранили чистоту русского языка, не имеющего привкуса кубанских диалектных вкраплений. Поэт пользуется обычным, всем понятным лексиконом, очень редко прибегает к словотворчеству, которое бывает необходимо авторам при нехватке словарного ресурса (в цитируемых отрывках встретятся лишь три окказионализма: «штормует», «Кремляне», «предстишье»). Однако Сергею Зубареву удается сотворить из повседневного речевого запаса оригинальный поэтический язык, чтобы схватить свое особое ви́дение явлений точным словом, отражающим его раздумья, сомненья, веру, любовь, боль, надежду... Вот, например, вслушайтесь [6]:

Из ха́оса выуживать слова,
На нити строк нанизывать их звонко
Так, чтобы закружилась голова
От крика стихотворного ребенка.

Молчание прервав, опять запеть,
Как запевают птицы на рассвете...
(«Из ха́оса выуживать слова...»)

Господи, я онемел...
Дерзости нет и отваги...
В руки не уголь, а мел
Взял и пишу на бумаге.
Вот и бумага бела,
Вот и не трогает болью,
Я ж не сгораю дотла,
Мелом пишу, а не кровью...
(«Господи, я онемел...»)

Из интервью и биографических справок о Сергее Куприяновиче известно, что творчество его сложилось без влияния литературных факультетов и прочих высших образовательных институтов, проникновенные зубаревские строчки частенько рождаются в виноградном рядке, под раскидистым орехом или среди негромкого производственного шума в горячем цеху котельной. В редких стихах бывшего балтийца-десантника мелькнет морской пейзаж, да и то анапский, но больше видятся поэту земные картины кубанской природы, трогающие где нежной прелестью цветущего абрикоса, где призывным утренним криком петуха, блеском тихой речки или же доверчивостью признания в любви к ним:

Лишь польется музыка из окон,
Только пианино заиграет,
Думаю в тот миг я о высоком,
Яблони ли, вишни обрезая.

И душа моя парит над садом
И в мечтах взлетает в поднебесье...
Мне другой не надобно награды,
Музыка, лишь лейся, лейся, лейся...

Сто́ит же мелодии прерваться,
Пианистка юная устала!
Слышится в саду мне гул оваций,
И пчела вон что-то прожужжала...
(«Лишь польется музыка из окон...»)

Самородковая природа зубаревской поэзии не отменяет приятия автором законов стихосложения, следования не только технике, но и сути литературного творчества, а тем более поэтического: насыщенно-яркого, образного, близкого к философскому. Сам творческий процесс для Сергея Куприяновича – это не упорядоченный рабочий день с девяти до шести, не ровные, беспрерывные ряды букв от первой строки до завершающей. Поэту знакомо и отсутствие вдохновения, и огонь озарения мыслью и образом, и удовлетворение от законченности задуманного. Вот, кажется, в противоречии находятся два стихотворения. В первом автор спокойно откладывает стихи ради земных дел:

Столько накатило прозы –
Дел простых, неинтересных...
Но не лить же горько слезы
Обо всех неспетых песнях.
<...>
А сейчас пора за дело,
Починить забор и крышу...
Топором врубайся смело,
А пером потом напишешь...
(«Столько накатило прозы...»)

Во втором, наоборот, в стороне дела земные, поэт околдован творческим предчувствием – «предстишьем», он в преддверии слова, которое первым ляжет в строку, а дальше, как у Пушкина: «минута – и стихи свободно потекут»:

Еще стихотворенья ни строки...
Еще в душе и голове затишье.
Но бьет озноб. В дрожании руки
Ты ощущаешь: вот оно, предстишье.

А вот уже и мыслей перепляс...
И образы проходят друг за другом...
И кажется: ну вот! Ну вот сейчас
Ты выдохнешь такое!.. Что с испугом

Взираешь ты на белый-белый лист
Или экран, играя нервно «мышью».

Но пуст экран. Лист безмятежно чист –
Подзатянулось душное предстишье...

Но молния тебя огнем прожгла,
И за строкой строка на лист легла...
(«Еще стихотворенья ни строки...»)

Однако есть и третье, весьма компромиссное стихотворение, примиряющее поэзию с прозой жизни неожиданным видением этой проблемы. И какая преданность любимому занятию звучит в тексте! Какой глубокий образ, навеянный земной картиной, предложил нам поэт!

Если даже жизни осталось
На один воробьиный скок,
Ты сумей превозмочь усталость,
Написать хоть с десяток строк.

Приручи к себе свои боли
Ради тех стихотворных слов.
Вон же терпит ржаное поле
Своих спутников-васильков...
(«Если даже жизни осталось...»)

Наблюдения над деталями быта и всего, что окружает, понимание взаимосвязей дает Сергею Зубареву возможность рассказать читателю, откуда берется живая сила его поэзии:

...Плывет из кухни хлебный дух,
Весь дом собою заполняя...
А я читаю строки вслух,
Но где ж та хлебная, земная?..

Вот стол уже женой накрыт,
И скатерть белая льняная
О чем-то с хлебом говорит...
Стихи читает, точно знаю.
(«Жена на кухне хлеб печет...»)

Неслучайно проводником к поэзии Сергея Зубарева стал Николай Зиновьев – авторитет поэта-философа подсказал читателям прекрасного соратника по перу: «Берите, читайте, наслаждайтесь чистым чувством, выраженным таким же чистым русским языком... поэта Божьей милостью» [1]. Зиновьев и Зубарев – друзья много лет, они общаются, делятся своими поэтическими находками, раздумьями, мечтами. Александр Егоров (Анапа) отмечал: «И вот вам опровержение: настоящие поэты дружат друг с другом, поддерживают, может быть, даже не друг друга, а Настоящую Поэзию. Созваниваются "...как храмы...", как храмы поэзии» [1].

В беседе с Даниилом Диденко, опубликованной в «Родной Кубани» [5], Сергей Зубарев рассказал, как Николай Зиновьев буквально спас его жизнь, издалека почувствовав, какую безнадежную минуту переживает друг. А всего-то прочел ему по телефону восемь строк...

Среди множества произведений анапского поэта островками нет-нет, да и выплывут строки, посвященные кореновцу Н. Зиновьеву. Нам, давно знакомым с его лаконичной, емкой поэзией и любящим ее, понятно, почему, обращаясь к своему другу, Сергей Куприянович отмечает на его поэтическом таланте свет провидения, высокого духа:

В омуте высшего света
Ты никогда не тусил,
Но сожалений об этом
В сердце своем не носил.

Светом другим был согрет ты
В омуте звездных светил.
Чтобы родиться поэтом,
Бога никто не просил...
<...>
Цепью незримой прикован
К правде, к родной стороне,
Рвешься ты в небо за Словом,
Тем, что парит в вышине...
(«В омуте высшего света...»)

Зубарев и Зиновьев – люди одного поколения, одного времени, их связывают не только воспоминания о той единственной эпохе молодости («Поза-

ди дороги вешние, / Несказанный теплый свет...»), в которую им довелось начать свою жизнь: «Мир строили светлый, мир правый, / Не верили в горький закат», но и сожаления об утраченном: «...ныне печальная лира / С рыданием рвется из рук».

Встретившись однажды под сенью раскидистой ивы, воспетой Зубаревым в посвященном Зиновьеву стихотворении, многие годы живут они в обаянии творчества друг друга:

...И замер в смятении ветер,
Заслушался чуткий камыш,
Попав в стихотворные сети.
А ты говоришь, говоришь...

В восторге мы не замечали,
Как в небе всходила звезда,
Незримые волны качали...
Как молоды были тогда!..
(«Николаю Зиновьеву»)

Двух поэтов роднит и объединяет не только талант, но и слово правды, чаще горькое, которое они несут людям.

У меня нет цели сравнивать их произведения, они, конечно, разные. Зиновьев сдержан, немногословен, неярок, но глубок в сопоставлениях явлений и часто, как ушатом холодной воды, неожиданно итожит сказанное; его стихи – пружина. В стихах Зубарева больше земной радости, он эмоционален, в разных красках описывает свои чувства и мысли – ему сочувствуешь, за него переживаешь, а его поэзия воспринимается бурным чистым ручьем. Но творцы едины в убеждениях и мечтаниях. Зиновьевские строки о лучших – советских – былых временах:

От вас, молодые, не скрою:
Не Божью, но знал благодать,
Державу я видел такою,
Какой ее вам не видать,
(«От вас, молодые, не скрою...»)

перекликаются с зубаревским неприятиям современного устройства жизни:

...И ныне печальная лира
С рыданием рвется из рук, –
В строительстве темного мира
Не примем участия, друг.

Мне снится уже много лет,
Что новый напишем рассвет...
(«Николаю Зиновьеву»)

И эта тема ушедшей, когда-то цветущей, но погубленной страны повторяется в стихах Сергея Зубарева, как и в действительности не исчезают приметы «новой» жизни «убитых деревень» во многих областях России: «в той мертвой деревне и люди уже не живут». В стихотворении «Оптимизация» (2014), отталкиваясь в эпиграфе от известных слов песни на стихи А. Поперечного: «А снится нам трава, трава у дома...», которую исполняла группа «Земляне», и иронично обыгрывая это название: «А группа "Кремляне" нам сладкую песню поет / Про рост ВВП и другую поет лабуду...», поэт как бы переворачивает привычный образ из песни, полный тоски по родине, и видит его с другой стороны. Нет уже той прекрасной деревни и тропинки к ней: «В некошеных травах давно затерялась она», «Заросшее поле забыло про гул тракторов», «Здесь время застыло – давно петухи не поют». Картина совершенно безрадостная:

Кресты на погостах гниют, с неба каплет вода.
Ни дети, ни внуки сюда не придут никогда.
Не Гитлер с Мамаем прошлись по России с косой,
И кто мне ответит, что с русскою будет душой?

Колодезный сруб стал трухой и крошится в осот.
А группа «Кремляне» все песню поет и поет...
(«Оптимизация»)

Но оставил поэт ниточку к той деревне, которая была символом, основой и лицом России. Со щемящей благодарностью в стихотворении «Петухи не во сне ли пропели?» пишет С. Зубарев о человеке, живущем здесь в одиночестве: «Никого! Все давно улетели. / На деревне один "дурачок"».

Речка, живая, насущная, дающая пропитание, остается главным звеном в простой жизни этого человека. Уверенно – «по привычке» – он идет к реке, несущей свет и надежду, но в словах поэта звучит явная тревога за ее будущее:

И спешил он тропинкою узкой
На заре среди трав росяных
К светлой речке, пока еще русской.
Но зевнешь, потечет для иных.

Судьбоносным представляется автору верность родной деревне ее единственного жителя, он видит в нем хранителя русской глубинки и России в целом:

Может, он и судьбою отмечен –
Доживать ото всех вдалеке,
Чтоб вот так разговаривать с речкой
Каждый день на родном языке.
(«Петухи не во сне ли пропели?..»)

О событиях спецоперации Сергей Зубарев пишет много и с разным настроением: радостью, огорчением, непониманием, возмущением, гордостью. Уже в заголовках и первых строках мы ощущаем живые эмоции автора: «Вот и дожи́ли мы, брат, до весны!..», «Не тормози!», «Не пишется, не дышится...», «"Измена?.. Договорняки?.."», «Время сомнений и неудач...», «Был уже в облаках по колено...», «Кто из нас недоробок, жизнь покажет потом...», «В шахматы с внуком играю...», «Ворочаются мысли еле-еле...».

В напряженные декабрьские дни 2021 года, когда еще на уровне дипломатии могла решиться участь нашего мира, у Сергея Зубарева, опирающегося на народную мудрость, уже был свой блестящий поэтический ответ-предупреждение тем, кто не внимал призывам к рассудку:

Нам сегодня, как и вчера,
Варят кашу из топора...
Для раздачи берет половник
Не солдат, а целый полковник.
Подставляется мисок ряд...
Ну а ты почему не рад?
Иль не нравится эта каша,
Или сыт по горло вчерашней?..
Вон как ложки в мисках звенят!..
А полковник – ни клят, ни мят! –
Знай, с усмешкою «дует в уши»...
Ну а кто не хочет – не слушай...
Забывают лишь об одном,
Что нельзя шутить с топором...
(«Нам сегодня, как и вчера...»)

Но военные действия оказались неизбежными:

...Клюет, клюет! Крючок достал до дна.
Как тяжело! Поймал какое слово?
Выуживаю горькое: "Война!.."
Оно глядит печально и сурово.

Плачь, колокол!.. Рыдает белый храм
И сердце разрывает пополам...
(«Из хаоса выуживать слова...»)

И правда, сердце разрывается от печали и страдания, когда идешь по строкам стихотворения, в котором рифмуются слова «весна» и «война». Отчего такое настроение? Читаем: «Унылая холодная весна / Богата на дожди и пустоцветы...», «Проснешься утром, снова дождь нудит, / Слезой в тоску вгоняя все живое», абрикоса ветвь, «осыпав цвет, по завязи скорбит», «что суждено, то выпивай до дна»... Настроение создают и унылая весна, и пустоцветы, и нудный дождь, и слезы с тоской, и скорбные ветви без завязи, и безразличие трын-травы. Каким же будет лето? Да, оно будет, но грустные весенние предчувствия оборачиваются горечью, не несут никакой надежды, когда идет война:

Неотвратимо лето за весною,
Хоть и весна надменно холодна
И что она рифмуется с войною...
(«Унылая холодная весна...»)

Время сражения расставляет всех и все по своим местам – в обществе выявляются те, кто не

разделяет устремлений страны и ее народа к независимости и состоятельности как государства и, торопясь, скрывается за его пределами. К таким у Сергея Зубарева свое отношение и свои эпитеты, а для тех, кто остался с Родиной, у него есть свой весомый рецепт. Он изложен в лаконичной, хотя немного и взволнованной, но исчерпывающей по смыслу миниатюре:

Когда крысы бегут с корабля,
Ни манила б какая земля,
От грозы след не высох,
А корабль штормует во мгле, –
Надо думать о корабле,
Но не о крысах.
(«Когда крысы бегут с корабля...»)

Печальное слово правды звучит в стихотворении-обращении к украинскому солдату «Що зажурився, бывший брат мой...». Нет, поэт не наивен: мысль, что его оппонент убил в себе русского, что он «брат бывший», а «пути обратного» в своей судьбе уже не видит, выражена четко. Есть место лишь горьким сожалениям о том, «как нас вела одна судьба», а теперь объединяет наши народы только горе и одна на всех печаль-журба...

Что поражает в стихах Сергея Зубарева? Бескомпромиссность, прямота, принятие и применение нравственных высоких критериев к чему бы то ни было, хоть к общественным явлениям, хоть к себе самому – в поэзии, в любви, в повседневности. Он и сам в этом признается:

...Искусно рифмой связываешь строки,
Но спрячешь ли за золотой строкой
Свои грехи и – если есть! – пороки?
Не утаишь душевный непокой.

В стихах цветут и опьяняют травы,
В какую даль по ним ты ни ведешь,
Читатель видит, где сказал ты правду,
Где произнес напудренную ложь...
(«Поэт в стихах открыт. Как на ладони!..»)

В кругу личных переживаний в его стихах видим, что нисколько не притупляется с течением лет боль потери сына, пульсирует беспокойство за отношения с любимой женщиной, беспощадно осуждается слабость в противостоянии алкогольному туману и светлы оптимизмом наблюдения за внуками.

Кто терял родного человека и всегда тоскует по нему, в том эхом отзовутся полные горечи и скорби строки, написанные Сергеем Куприяновичем о старшем сыне. Говорят, время вылечит раны, время затушует горе, время даст забыть... Что-то, да, забывается за его завесой. Но невосполнимую потерю оно скрыть в памяти не в силах. Поэтому и идет первый снег, сыплет с неба печальными цветами – во сне, наяву ли и всегда остается горьким воспоминанием.

Мы шли с тобой вдвоем по улице знакомой.
Вдруг облако крылом взмахнуло невесомым –
Посыпал снег с дождем... А ты сказал: «Снег плачет.
Он свой небесный дом оставил, не иначе.
Там было хорошо ему... Ведь правда, папа?..»
А снег все шел и шел, слезами капал, капал...
...Давно, сынок, и ты обрел свой дом небесный.
Рвешь снежные цветы, цветам тем в небе тесно.
И вот они летят – цветы упали с неба –
На дом наш и на сад, назвавшись первым снегом.
«Ну, здравствуй, дорогой!» – снежинки мне пропели.
И снова, сын, с тобой мы кружимся метелью...
(«Снежная элегия»)

Лирическая глубина и многогранность чувств в стихотворениях Сергея Зубарева заставляют читателя переживать все отраженные в них любовные перипетии. Любовь в его стихах то мятущаяся, яркая, зовущая, то ищущая пути к примирению, то цветущая, заполняющая все вокруг... Но я приведу полностью только одно стихотворение. Я читаю его медленно – оно как бы из другого пространства, но все еще земное: «Любимая, дай мне руку...» Оно до краев наполнено нежностью, а это высшая точка переживания любви. «В стихах и звуках» остаются с нами наши любимые. Стихотворение записываю в разряд шедевров любовной поэзии. Привожу с заголовком и датой написания:

ВИШНЕВАЯ ФЛЕЙТА

Любимая, дай мне руку,
С тобою и после смерти
Останусь в стихах и звуках.

Я стану весенним громом
И буду возить по небу
Телегу с железным ломом,

Тебя чтоб будить утрами.
Как бабочки, будут биться
Раскаты в оконной раме.

Тоски дождевой испей ты,
И тотчас услышишь сердцем,
Как плачу вишневой флейтой.

А хочешь, поплачь со мною!
И в плаче на миг сольются
Небесное и земное.

Я шепотом звездным стану,
Вечернею чтоб молитвой
Целить души твоей раны.

И никакая разлука
Не выстудит голос ветра.
Любимая, дай мне руку!..

18 декабря 2015 г.

В начале статьи я предупреждала, что буду субъективна в отборе стихов, и говорила, что каждый читатель сможет найти среди обилия строк свои, предназначенные и необходимые только ему. Сергей Зубарев пишет о победах и поражениях, через которые мы проходим. Так, осуждая тягу к спиртному, борясь с ней, автор показывает, что человек не должен терять надежды. Поэт безжалостно, выбирая честные, хлесткие слова, перебивая ритм, винит себя в безволии и потере ориентиров:

То ли ангел в тот день отвернулся,
То ли бес был настойчив, зараза!..
Пил вино, пил и не поперхнулся
Я ни разу.

А когда сон сморил меня тяжкий,
Я увидел ее у калитки:
Не с косой шла... а в белой рубашке,
С маргариткой...
(«То ли ангел в тот день отвернулся...»)

В предпоследней строке резко уйдя от образа темной силы к светлой, автор единственным словом – «с маргариткой», то есть цветком чистоты и невинности, – возвращает хоть и трепетную, но такую необходимую веру в обновление и перемены, которые, согласно приметам о маргаритках, бывают значительными и ведут к счастью и взаимной любви.

Не могу не отметить стихотворение очень милое и, на мой взгляд, одно из самых оптимистичных: в нем и весна, и игра, и музыка, а главное – внук, вместе с дедушкой приглашающий певчих жильцов в новый дом:

Домик в ветвях магнолии
Для молодой семьи
Сдается – с одним условием:
Пусть и не соловьи,

Но чтоб жильцы были певчими,
Будили нас на заре
И колыбельную вечером
Пели бы во дворе.

С внуком вчера повесили
Маленький птичий дом.
Верьте, что будет весело,
Летите к нам, очень ждем.
(«Объявление»)

Но еще больше поразило меня своей устремленностью в жизнь, своим задором и порывом недавнее стихотворение Сергея Зубарева – «Уголек» (2024). Какое точное мироощущение на очередном жизненном этапе:

Я в золе уголек, я под пеплом седым угасаю.
Но еще я горяч, вы не троньте меня, обожгу.
Не от злости своей, а скорей, от того, что дерзаю
Разгореться костром на высоком морском берегу.

<...>
Ах, мечты, ах, мечты!.. Не угнаться за вами за всеми.
И без вас нам никак – помогаете жизнь озарить.
Было время гореть, а теперь угасания время...
Ветер, сдуй всю золу, и я дам вам еще прикурить...

За двойственным значением последних слов видится добрая улыбка автора, чувствующего в себе новые силы для жизни и творчества. Не знаем, что впереди, но дерзнем гореть костром перед необъятной далью! «Угасания время» тоже может быть ярким и щедрым на тепло.

Весь стихотворный массив, созданный Сергеем Зубаревым, пронизан самой разнообразной тематикой – мне удалось показать только часть тем. У поэта будут еще критики и комментаторы, читатели и почитатели, которые поделятся своими мнениями. Поэзия анапского автора настолько многогранна и выразительна, что достойна того, чтобы была полноценно исследована в ее развитии, художественности и проблематике.

Приведу слова доктора филологических наук Олега Николаевича Мороза о необходимости обсуждения художественной литературы: «...Критика нужна хотя бы для того, чтобы сохранить самую идею о том, что значимость литературы возникает в результате обсуждения художественного произведения; *мы говорим о поэзии, и это значит, что поэзия является частью нашей жизни...*» (курсив мой. – Л. Х.) [4]. В унисон с тезисом ученого о поэзии как части жизни звучит комментарий в адрес Григория Блехмана, раскрывшего первым суть поэзии Сергея Зубарева: «Спасибо Вам, Григорий, огромное, что написали [о] Сергее Зубареве, привели так много его поистине прекрасных стихотворений, без которых я уже и не мыслю свою дальнейшую жизнь» (В. Точилин) (курсив мой. – Л. Х.) [1]. И под этим мнением подпишутся многие.

А если последовать совету еще одного комментатора о том, что «нужно издавать самих поэтов, а не панегирики о них» [1], то «поистине прекрасным стихотворениям» Сергея Зубарева не только стоит посвятить исследования, но и для придания им всероссийской известности их нужно печатать в разных литературных журналах, а лучшие стихи собрать в отдельном издании под эгидой Союза писателей России и заголовком «Избранное». И еще приблизить их к самому массовому читателю – школьнику, включив произведения нашего кубанского поэта в учебные программы по литературному родиноведению. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Блехман, Г. Написать бы о чем-нибудь светлом (поэт Сергей Зубарев). – URL: https://rospisatel.ru/blehman-zubarev.htm (дата обращения: 28.07.2025).

2. Довыденко, Л. О поэтическом сборнике Сергея Зубарева «Всполох». Ростов н/Д. 2016. – URL: https://www.dovydenko.ru/publitsistika/384-o-sbornike-s-zubareva-vspolokh.html (дата обращения: 28.07.2025).

3. Довыденко, Л. В. Сад в золотом огне. О сборнике стихов Сергея Зубарева «Ночного бражника полет». – URL: https://ruskline.ru/analitika/2020/11/05/sad_v_zolotom_ogne?ysclid=mdeovik2fv263448560 (дата обращения: 28.07.2025).

4. «Лучшие мгновения моей жизни я провел в игре»: большое интервью с профессором Олегом Морозом о детстве, футболе, литературе / А. Нейжмак, А. Пиценко. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/gost-zhurnala/gost-zhurnala_17053.html (дата обращения: 10.08.2025).

5. «Писать стихи о Родине и разговоре с Богом»: Беседа Даниила Диденко с поэтом Сергеем Зубаревым / Д. Диденко. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/gost-zhurnala/gost-zhurnala_17045.html (дата обращения: 11.08.2025).

6. Стихи Сергея Зубарева цитируются по источникам, доступным в интернет-пространстве.

Архив Даниила Диденко

ДАНИИЛ ДИДЕНКО

Родился в 2001 году в городе Хабаровске. Поэт, публицист. Публиковался в «Родной Кубани», «Литературной газете», «Завтра» и других СМИ.
Аспирант журфака КубГУ.
Победитель журналистских и литературных конкурсов.
Живёт в Краснодаре.

КОНЦЕПЦИЯ «РУССКОГО МИРА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

Феномен «русский мир» занимает центральное место в публицистике Александра Проханова, одного из ведущих идеологов современной русской национальной историософии. Его работы, включая статьи, книги и выступления в рамках Изборского клуба, предлагают уникальное видение русской цивилизации, ее миссии и места в современном мире.

А. Проханов в своих работах формулирует концепцию «русский мир» вполне открыто. Его исследованиям свойственно прямое декларирование феномена, попытка установить его сущность. Вместе с тем Проханов-теоретик так же, как и Лихоносов, рассматривает «русский мир» в качестве духовной и культурной общности, объединяющей русских людей независимо от их географического положения.

Отсчетом современного духовного преображения русского народа А. Проханов по праву считает 2014 год, когда в состав Российской Федерации был возвращен Крым. Об этом публицист открыто заявил в своей статье «Крым освободил русский дух» [23].

В том же году деловая газета «Взгляд» публикует короткую статью А. Проханова под названием «Русский мир». В ней он пунктирно обозначает главные черты феномена: многонациональность «русского мира» во главе с тремя народами: русскими, белорусами и украинцами; христианская культура и имперская природа русской цивилизации [8]. Впоследствии эта теория получила свое логическое развитие.

Формированию концепции способствовали некоторые философские диспуты, в числе которых можно назвать работу А. Родионова «Русский мир и Проханов А. А.» с подзаголовком «По поводу его выступления "Донбасс и Русская идея" ("День ТВ")». В ней автор статьи критикует Проханова за «смешивание советской модели и СССР второй половины прошлого века», отмечая, что «Русская власть – это советская власть, народовластие и ни что другое» [27]. Факт того, что данная статья была опубликована на сайте газеты «Завтра», дает возможность предположить, что часть идей Родионова были присущи идеологической концепции Проханова.

В 2015 году на сайте «Академии Тринитаризма» были опубликованы тезисы А. Проханова «Русский мир», где он, ссылаясь на работы Е. Холмогорова [29], подчеркнул: «Понятие “русский мир” возникло сравнительно недавно, и это по-своему очень политическое и метафорическое слово, в которое вкладываются совершенно разные смыслы» [8]. Публицист признал противоречивую природу «русского мира», сущность которого ввиду новизны самой концепции еще нуждалась в проработке.

Уже в 2016 году в книге «Доктрина Русского мира» было опубликовано интервью А. Проханова под названием «Симфония Русского мира», в котором публицист попытался очертить «контуры» феномена: «Русский мир по существу – это все. Это даже звезды на небе,

которые высыпают в русской ночи. Русский мир – это все, что нас окружает: это русские империи, разрастание и убывание этих империй, это русские катастрофы, череда русских лидеров, это реальная политика и русская мечта» [9].

Отметим, что осмысление Прохановым феномена «русский мир» в данном случае очень схоже с условным «апофатическим» подходом (согласно концепции философа В. Аверьянова [28]), предполагающим поиск истины через отрицание (в данном случае «русский мир» в понимании автора – это одновременно все, но ничто в отдельности) и несоразмерность сущности феномена его определению. Отметим, что такой подход не соотносится напрямую с богословским апофатическим подходом, подразумевающим определение Божественной сущности через отрицание – данная концепция В. Аверьянова приобретает смысл именно в контексте творчества А. Проханова. Однако сам публицист никогда не отказывался от попыток исследовать «русский мир», определить его основные черты.

В этом же интервью Проханов раскрывает особенности феномена, проводя параллели со схожими национальными философскими моделями других стран. В понимании публициста (на фоне таких терминов, как «американская мечта», «китайская мечта»), «русский мир», также можно трактовать, оперируя категорией «мечта». Однако «русская мечта» подразумевает под собой стремление народа к справедливости, в отличие от американской, главной целью которой является глобальное доминирование [9].

Такие существенные различия в ценностных установках двух супердержав, по мнению Проханова, заключены в историческом контексте России и Америки. Несмотря на то, что обе страны являются многонациональными и многоконфессиональными, только Россия («империя нового типа») во главе с русским народом смогла объединить вокруг себя сотни этносов, дав возможность каждому из них быть государствообразующим, не потеряв при этом своей культурной идентичности: «Получается такая огромная симфония народов, языков и культур. И все это называется Русским миром. В этом Русском мире есть столица Казань и столица Санкт-Петербург, и есть крохотный народ нанайцы, которые живут в дельте Амура и без которых немыслима эта империя» [9].

Уже в 2017 году, переняв инициативу Совета Федерации, предложившего ввести единое определение феномена «русский мир» с целью формирования на его основе государственной доктрины, А. Проханов в интервью изданию «Правда.Ру» предложил свой взгляд на исторический контекст происхождения феномена «русского мира». Так, по мнению публициста, «русский мир» образовался в тот день, когда Русь стала христианским государством. Две так называемые «ипостаси» феномена предстают перед нами в качестве религиозной и философско-материалистической сущностей «русского мира»: «Есть Русь земная, состоящая из границ, народов, рек, лесов, пространств, могил и храмов, а есть Русь небесная – райская, святая, нетленная, неистребимая, связанная с этим чудом преображения» [10].

Именно эта двойственность феномена, по мнению Проханова, не раз давала России историческое «право на ошибку». С каждой национальной катастрофой, начиная от монгольского нашествия, заканчивая распадом СССР, «русский мир», который по всем законам истории должен был пасть в небытие, возрождался и укреплялся. Это, согласно теории публициста, связано с тем, что «небесная Русь, небесное царство, наполненное райскими, православными, божественными смыслами, остается нетленной, неистребимой» [10].

С этим связана одна из проблем в определении самой сущности феномена, отмечает автор. Если исследователь подходит к осмыслению «русского мира» только с материали-

стической точки зрения, любые его попытки определить концепцию будут провальными, ошибочными.

Именно поэтому видится важным использование подхода философа В. Аверьянова к определению феномена «русский мир», когда мы говорим о публицистике А. Проханова [28]. Апофатический, богословский подход парадоксальным образом уживается в творчестве публициста, так как автор практически напрямую называет Россию олицетворением Божественной силы на земле. Это можно назвать устойчивой тенденцией в работах Проханова-идеолога. В наши дни он продолжает следовать установленным ранее идеям: «Россия своими разбитыми в кровь губами силится произнести вселенское Слово жизни. Это слово в ней родилось, живет, наполняет ее, ищет уста художника, богослова, ясновидца, чтобы слово это звучало, как светоносный стих Евангелия, как ослепительная сура Корана, волшебная строка Махабхараты, душистые, как цветы, поучения Конфуция. Россия – душа мира» («Шепот истории», 2025) [26].

В 2017 году Проханов публикует статью под названием «Воля и безволие», посвященную двум причинам, по которым «русский мир» стагнировал. По мнению публициста, две тенденции в России – одновременное движение к укреплению Родины и засилие олигархических элит во власти – были несовместимы: «Распадающийся русский мир может соединить только одно – развитие. То долгожданное развитие, которое недопустимым образом задерживается, обрекая Россию на неподвижность и стагнацию. Только стремительное развитие может вовлечь в этот поток и левых, и правых, и монархистов, и атеистов, и либералов, и носителей высокой государственности» [14]. В данном случае важен не только авторский нарратив в контексте феномена. На примере этой статьи становится видно, как некогда объект философского исследования входит в речевой аппарат СМИ.

Как отметила позже Лидия Довыденко в своей статье «Метафизика Александра Проханова» (2018), А. Проханов продолжил развивать идею распадающегося «русского мира». Роман писателя «Гость», вышедший в 2018 году, запечатлел в себе узнаваемые черты постсоветского времени, в котором парадоксальным образом сплелись «русофобская среда» и черты «имперской России», повторяющей судьбу Христа своей трагической «мистерией воскрешения» [4].

Окончательно это символическое «воскрешение» России в публицистике А. Проханова произойдет в 2022 году, с началом специальной военной операции. В интервью «Крым – родина Русского мира» публицист утверждает, что именно Крым является прародиной всего русского цивилизационного проекта. Он подчеркивает, что возвращение Крыма стало не только территориальным актом, но и метафизическим жестом, символизирующим возвращение России к своей сакральной миссии [6].

В интервью под названием «Птица русской истории не успела улететь из Путина. И ей опять стало уютно в этом гнезде» Проханов соединяет фигуру российского лидера с русской историей, продолжая мифопоэтическую традицию в своей публицистике. История здесь выступает как живое существо, способное возвращаться к тем, кто может принять ее духовное наследие. По мнению Проханова, «русский мир» вновь обретет гармонию, если найдет себе достойного носителя и выразителя [12].

В другом материале – «Происходящее на Украине – это сотворение новой русской истории» публицист открыто называет события специальной военной операции актом не геополитики, а сакральной истории. Украина в его интерпретации превращается в пространство мифологического испытания, где Россия должна вновь подтвердить свою духовную природу и миссию в мире. Так, современная история становится у Проханова продолжени-

ем библейского сюжета – крестным путем и воскресением [11].

Подобный подход вызывает неоднозначную реакцию в научной и публицистической среде. В статье «Публицистика А. А. Проханова: единство в противоречиях» отмечается, что Проханов объединяет в своих текстах, казалось бы, несовместимые идеологические конструкции: православие, советский героизм, монархическую державность. Однако именно в этом парадоксальном единстве и заключается суть его мировоззрения: феномен «русский мир» в его интерпретации включает в себя все пласты русской истории и культуры – от Киевской Руси до советского атомного проекта [2].

Дополнительные философские основания «русского мира» Проханова раскрываются в коллективном докладе Изборского клуба «Мировоззрение русской цивилизации: путь к себе». В этом документе подчеркивается, что российская цивилизация – это не просто региональный игрок, а субъект глобального диалога, основанного на собственной системе координат. Проханов в полной мере разделяет эту установку, утверждая, что «русская всемирность» – это особая форма соприсутствия России в судьбе человечества [3].

Именно к этому понятию он возвращается в своей статье «Русская всемирность», где подчеркивает, что Россия – это не только политическая держава, но и цивилизационное явление, несущее миру альтернативу западному проекту глобализации. Русская всемирность у Проханова – это духовный синтез, великая симфония культур, смыслов и народов, связанных не насилием, а идеей справедливости и жертвы [17].

Несмотря на внешнюю полноту такого подхода, при детальном рассмотрении концепции «русского мира» Проханова можно прийти к выводу, что такой эклектичный образ национальной идеи не всегда дает ответы на поставленные в ходе исследования вопросы. Например, в статье за 2025 год под названием «Хвала будущему» А. Проханов поддерживает позицию отечественных политологов относительно современных «идолов» молодежи – рэперов и прочих «шакалов» (по выражению публициста). Они не нужны для построения будущего России, отмечает автор. Напротив, нашему обществу необходим новый Циолковский, новый Гагарин (он же «ангел русский», «ангел советский»). Тем не менее строить прекрасную Россию будущего, согласно авторской мысли, не могут ни «белые», ни «красные»: «По-прежнему в нашем обществе... соперничает горностаевая мантия с серпом и молотом. Два великих русских проекта – монархический и красный советский – отзвенели... оставив после себя реставраторов, без которых не обойтись при реставрации Успенского собора или павильонов ВДНХ. Но их никогда не допустят до конструирования будущего, для которого еще нет чертежей, нет материалов. А только землепроходцы с мистическим лучом во лбу, которым они озаряют сумерки и туманы грядущего. Будущее – от слова “будь”. Русский, будь человеком будущего» [25]. Таким образом, создается впечатление, что даже А. Проханов не до конца понимает, каким должен быть русский человек будущего. Не ясно и то, кем являются современные «землепроходцы с мистическим лучом во лбу».

Принесенная в жертву художественности информативность статей публициста может вызывать некоторое недоумение у рядового читателя. В уже упомянутом выше материале Проханов пишет: «У этого похода (в будущее. – Прим. Д. Д.) есть авангард – бесстрашный, обреченный на невиданные испытания, быть может, на гибель» [25]. Есть и «арьергард этого похода», в котором «много достойных, благородных людей». При этом читатель, ожидающий подробных характеристик персоналий «героев», остается без какой-либо четкой информации.

В статье под названием «Русские – будет-

ляне» А. Проханов также обращается к образу будущего России. В данной работе публицист во многом повторяет мысли, которые были озвучены выше: «Наступит день, когда глава государства с высшего амвона изречет, что цель Государства Российского – это превращение российского народа в самый светлый, трудолюбивый, добрый, прекрасный, образованный богоподобный народ, не ведающий уныния, от мала до велика, всей многоязыкой многонациональной артелью занятый историческим творчеством – созданием идеального царства. Эта мечта, явленная как образ, определит устройство будущего государства – его институтов, его городов, его лидеров, его заводов, его научных открытий» [18].

Здесь Проханов рисует образ Президента Российской Федерации как священнослужителя (он вещает с «высшего амвона», который в православных храмах знаменует собою те места, с которых проповедовал Господь Иисус Христос) [1]. Кроме того, согласно христианскому канону, амвон «возвещает о Воскресении Христовом, означая камень, отваленный ангелом от дверей Гроба Господня, что сделало и всех верующих во Христа причастниками Его бессмертия, ради чего им и преподаются с амвона Тело и Кровь Христовы во оставление грехов и в жизнь вечную» [1]. Все это заставляет воспринимать идеологическую концепцию «русского мира» в публицистике А. Проханова как близкую к библейской притчу.

Как уже можно было заметить, религиозный аспект публицистики Проханова в контексте феномена «русского мира» является неотъемлемым. Однако, как бы это ни было парадоксально, именно он зачастую и вызывает наибольшее количество вопросов ввиду эклектичности мировоззренческой модели писателя. Вот, например, его размышления о «святости» советского народа в годы Великой Отечественной войны (статья «Религия русской победы» (2024): «В священной войне все было священно. Каждый был овеян святостью. Этой святостью были овеяны рядовые солдаты, командиры отделений, командиры взводов, командиры рот и батальонов, командиры полков и дивизий, командующие армиями и фронтами. Этой победной святостью был овеян Верховный главнокомандующий Сталин» [16].

Запомним данное утверждение. Исходя из контекста отдельно взятой статьи публициста, можно прийти к выводу, что советский народ был не аллегорически «свят», а свят согласно православным представлениям: «...все, кто внесен в красный сталинский синодик, все они будут внесены в православный синодик. Все они святые. И появится икона, на которой эти прекрасные лики будут окружены золотыми нимбами» [16]. Вдобавок заметим, что Проханов в той же статье называет «священным» и сегодняшнее русское воинство, сражающееся в Донбассе.

С разницей практически в год выходит интервью под названием «СВО – это война-восстание» (2025). Здесь тема «святости» советских солдат во времена Великой Отечественной войны раскрывается иначе. Из беседы становится ясно, что красноармейцы в понимании А. Проханова были «святы» с точки с точки зрения «религии» Советского Союза: «Разговоры о том, что Советская армия была оплотом православия, – это мифология, поздние наслоения не очень дальновидных церковников. Русская армия была религиозна. Но это была религия Советского Союза, мечтавшего о великом царстве справедливости, красоты, божественной справедливости» [24]. Эта идея Проханова противоречит аналогичной мысли, сказанной годом ранее, что не может не вызывать определенное недоумение. Несмотря на всю силу слова Проханова-философа, амбивалентность его картины «русского мира» довольно велика.

Еще один пример. Проханов в статье «Религия русской победы» называет «священным» (подобно советским солдатам) и сегодняшнее

русское воинство, сражающееся в Донбассе. А год спустя в беседе «СВО – это война-восстание» публицист говорит: «Какой наш народ? Наш народ продал великое Советское государство. Это народ-предатель. Народ, который предал победу. Мы предали Советский Союз. Мы отказались от него. Отдали все великие советские земли, наплодили своими же руками врагов. Создали вокруг себя враждебные государства, такие как Украина или Прибалтика» [24]. То есть таким же «священным» современное воинство, как и советское, быть не может.

Закономерный вопрос, рождающийся в рамках общей логики философского мира Проханова-публициста: сегодняшние русские солдаты на фронтах специальной военной операции являются «священными» с точки зрения «советской религии» или православия? Самое неоднозначное (и тем не менее логичное с авторской точки зрения) объяснение происходящему можно сформулировать, исходя из дальнейших ответов публициста в данной беседе: «Я не могу в православный храм вести моих друзей шаманов и язычников, которые выходят летом под березы и молятся небесам, птицам, цветам, бабочкам. Но над всеми людьми, иудаистами, христианами-католиками, христианами-баптистами, православными, мусульманами, сияет одно и то же прекрасное, восхитительное Божество. Кто делит Бога, тот греховник» [24].

Следуя данной логике, уже не важно – является воинство православным или «советски-религиозным». Хотя такая картина мира вряд ли придется по душе представителю любой из конфессий. Шаманы, например, не монотеисты. А суть православия – строгое соблюдение канонов, среди которых нет места многобожию или принятию «общего Божества» со всеми существующими религиями.

К слову, после этой беседы на сайте газеты «Завтра» вышла статья А. Проханова под названием «И да воскреснет!», где он снова заявил, что «красная эра» явила себя «райской силой», одолевшей силы ада. «Красная эра в зашифрованном виде несет в себе идею пасхального воскрешения», – отметил публицист [7]. Видится, что в данном случае речь идет не о «религии Советского Союза», а все же о православии в контексте СССР.

Возвращаясь к высказыванию А. Проханова о «народе-предателе», стоит обратить внимание на осмысление феномена «русского мира» Ю. Поляковым. В его понимании предателем при развале Советского Союза стала либеральная «перелетная» элита, а народ был предан.

Феномен «русский мир» в публицистике Проханова предстает как многослойная противоречивая концепция, сочетающая в себе элементы религиозной эсхатологии, исторической памяти, социалистической идеологии, геополитики и художественного мифотворчества. Однако, даже несмотря на некоторую смысловую неоднозначность трудов Проханова, нельзя не отметить существенный вклад публициста в осмысление природы феномена «русского мира».

«Россия ведет смертный бой за свое выживание. В этой войне рождаются новое русское самосознание, новая русская стать и гордость, новое русское предназначение. Мировоззрение – вот поле, где происходит главная схватка за русское будущее, за русские многодетные семьи, за русские коллайдеры и русские межпланетные станции», – подчеркнул Александр Андреевич в статье под названием «Встань и иди!» [13]. В этой цитате заключен глобальный посыл деятельности знаменитого публициста – создавать смыслы. Сегодня его тексты становятся инструментом философского осмысления русской идентичности, в которой концепция «русский мир» – это не столько политическая категория, сколько метафизическая реальность, скрепляющая прошлое, настоящее и будущее. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Амвон // Азбука веры: сайт. – URL: https://azbyka.ru/amvon (дата обращения: 01.04.2025).

2. Бакарджиева, В. Публицистика А. А. Проханова: единство в противоречиях / В. Бакарджиева // Родная Кубань: сайт. – URL: https://www.rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_15796.html (дата обращения: 01.04.2025).

3. Блог Изборского клуба. Мировоззрение Русской цивилизации: путь к себе // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/mirovozzrenie_russkoj_tcivilizatcii_put_k_sebe (дата обращения: 01.04.2025).

4. Довыденко, Л. В. Метафизика Александра Проханова // Русская народная линия: портал. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2018/01/26/metafizika_aleksandra_prohanova (дата обращения: 01.04.2025).

5. Проханов, А. А. Русский мир / А. А. Проханов // Взгляд: газета. – URL: https://vz.ru/opinions/2014/8/28/702747.html (дата обращения: 07.03.2025).

6. Проханов, А. А. Александр Проханов: «Крым – родина Русского мира» / А. А. Проханов // Победа: газета. – URL: https://pobedagazeta.ru/archives/22880 (дата обращения: 01.04.2025).

7. Проханов, А. А. И да воскреснет! / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/i_da_voskresnet (дата обращения: 01.04.2025).

8. Проханов, А. А. Русский мир / А. А. Проханов // «Академия Тринитаризма». – URL: https://trinitas.ru/rus/doc/0012/001d/00123968.htm (дата обращения: 01.04.2025).

9. Проханов, А. А. Симфония Русского мира / А. А. Проханов // livelib.ru: портал. – URL: https://www.livelib.ru/book/141813/readpart-doktrina-russkogo-mira-a-a-prohanov (дата обращения: 01.04.2025).

10. Проханов, А. А. Александр Проханов – о том, что следует понимать под «русским миром» / А. А. Проханов // Правда.ру: сайт. – URL: https://www.pravda.ru/news/society/1336829-russian/ (дата обращения: 01.04.2025).

11. Проханов, А. А. Александр Проханов: «Происходящее на Украине – это сотворение новой русской истории» / А. А. Проханов // Комсомольская правда: радио. – URL: https://radiokp.ru/podcast/specproekty-radio-komsomolskaya-pravda/585489 (дата обращения: 01.04.2025).

12. Проханов, А. А. Александр Проханов: «Птица русской истории не успела улететь из Путина. И ей опять стало уютно в этом гнезде» / А. А. Проханов // Ваши новости: интернет-газета. – URL: https://vnnews.ru/aleksandr-prokhanov-ptica-russkoy-is/ (дата обращения: 01.04.2025).

13. Проханов, А. А. Встань и иди! / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/vstan_i_idi (дата обращения: 01.04.2025).

14. Проханов, А. А. Воля и безволие / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/volya_ili_bezvolie (дата обращения: 01.04.2025).

15. Проханов, А. А. Проханов: Распадающийся русский мир может соединить только одно / А. А. Проханов // Колокол России: сайт. – URL: https://kolokolrussia.ru/novosti/prohanov-raspadauschiysya-russkiy-mir-mojet-soedinit-tolko-odno (дата обращения: 01.04.2025).

16. Проханов, А. А. Религия русской победы / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/religiya_russkoj_pobedi (дата обращения: 07.06.2024).

17. Проханов, А. А. Русская всемирность / А. А. Проханов // Родная Кубань: сайт. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_16351.html (дата обращения: 01.04.2025).

18. Проханов, А. А. Русские – будетляне / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/russkie_budetlyane (дата обращения: 01.04.2025).

19. Проханов, А. А. Проханов: Распадающийся русский мир может соединить только одно / А. А. Проханов // Колокол России: сайт. – URL: https://kolokolrussia.ru/novosti/prohanov-raspadauschiysya-russkiy-mir-mojet-soedinit-tolko-odno (дата обращения: 01.04.2025).

20. Проханов, А. А. Религия русской победы / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/religiya_russkoj_pobedi (дата обращения: 07.06.2024).

21. Проханов, А. А. Русская всемирность / А. А. Проханов // Родная Кубань: сайт. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_16351.html (дата обращения: 01.04.2025).

22. Проханов, А. А. Русские – будетляне / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/russkie_budetlyane (дата обращения: 01.04.2025).

23. Проханов, А. А. Крым освободил русский дух / А. А. Проханов // Взгляд: газета. – URL: https://vz.ru/politics/2014/4/7/680422.html (дата обращения: 01.04.2025).

24. Проханов, А. А. СВО – это война-восстание / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/svo_eto_vojna-vosstanie (дата обращения: 01.04.2025).

25. Проханов, А. А. Хвала будущему / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/hvala_budushemu (дата обращения: 01.04.2025).

26. Проханов, А. А. Шепот истории / А. А. Проханов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/shyopot_istorii (дата обращения: 01.04.2025).

27. Родионов, А. Русский мир и Проханов А. А. / А. Родионов // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij-mir-i-prohanov-aa (дата обращения: 01.04.2025).

28. Симчера, В. Что такое Русский мир / В. Симчера // Завтра.ру: сайт. – URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij-mir-2 (дата обращения: 29.10.2024).

29. Холмогоров, Е. Русский порядок / Е. Холмогоров // Взгляд: газета. – URL: https://vz.ru/columns/2014/4/24/683789.html (дата обращения: 01.04.2025).

Архив Александры Крышки

АЛЕКСАНДРА КРЫШКА

Родилась в 2003 году в городе Темрюке, выросла в станице Тамань. Магистрант факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в газете «Завтра», на сайтах «Русской Народной линии», «Родной Кубани» и в других СМИ. Живёт в Краснодаре.

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАБОТАХ ЛЕОНИДА БОРОДИНА И СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТОВ

Автобиографическое повествование «Без выбора» Леонид Бородин начинает следующими словами: «Как и у многих, сознательная жизнь моя началась вместе с бабушкой. Ольга Александровна Ворожцова, дочь сибирского купца средней руки, учительница по профессии, а по моей памяти – энциклопедистка» [1]. Теплотой воспоминаний об этой женщине пропитаны первые страницы шестого тома собрания сочинений писателя. Именно бабушка, как пишет Бородин, приучила его много читать и «в самом раннем детстве сумела нарисовать <...> картину русской истории». Разумеется, картину полную. А не ту, что началась с 1917 года [1]. То есть до определенного возраста воспитанием маленького Лени занимались бабушка и мама. Отца Леонид Бородин не знал.

Мы предполагаем, что женское воспитание положило основу крайне уважительного отношения будущего писателя к противоположному полу. Бородин пишет об удивительном сходстве чувств к Родине и женщине: «Как у любимой женщины, у нее (у Родины) не должно быть недостатков. При обнаружении таковых я испытывал почти физическую боль...» [1]. Возможно, подобное бескомпромиссное и требовательное отношение стало причиной неизменного взгляда Л. И. Бородина на место женщины в мире и семье.

В статье «Женщина и «скорбный ангел» 1994 года публицист рассказывает о своем впечатлении от фотографии, на которой изображена молодая девушка: «Русское лицо, большие чистые глаза, ни единой черточки в лице, говорящей о пороках или склонности к ним» [2]. Удивительно, что такую положительную характеристику Леонид Иванович дает Зинаиде Конопляниковой – террористке. 12 августа 1906 года девушка застрелила генерал-майора Георгия Мина в Петергофе. За это Конопляникова была приговорена к повешенью и 29 августа того же года казнена.

Смерть «женщины-убийцы», «женщины-террористки» пугает Леонида Бородина. В начале статьи он задает вопрос: «Страшный, кровавый бред в душе девушки с лицом ангела, да как такое возможно?» [2]. В мировоззрении писателя женщина занимает традиционное положение. Она хранительница очага, хозяйка, мать. Существо нежное, стоящее за мужской спиной.

Публицист уверен в том, что мужчины относятся к созданию новой жизни косвенно. Ведь только женщина вынашивает ребенка девять месяцев. Свою непосредственную родительскую причастность мужской пол осознает позже. Поэтому «ему присуще жертвовать или рисковать своей и чужими жизнями во имя устройства бытия» [2].

Публицистические работы Бородина являются выражением его христианского взгляда на мир. Поэтому в данной статье мы находим мыс-

ли о том, что женщина одним фактом своего существования буквально противопоставляет себя смерти. «Разве не этими свойствами ее природы она всегда ближе к Богу, чем мужчина?» – спрашивает автор статьи [2]. Также каждая, кто берет новорожденного ребенка на руки, «бывает равноприродна Божьей Матери» [2].

Несмотря на такое место женщины в иерархии ценностей, она, по мысли Леонида Ивановича, свои лучшие качества может проявлять тогда, когда рядом с ней находится сильный мужчина. «Это он сначала утрачивает какие-то свои свойства, необходимые миру; женщина же, пытаясь возместить убыток, утрачивает свои женские достоинства, без которых миру уже и вовсе не продержаться» [2]. Именно это и сделало из Зинаиды Коноплянниковой страшного убийцу. Автор статьи скорбит о том, что никто не объяснил девушке, «в чем ее главная сила, в чем ее величайшая задача и долг перед миром и Богом» [2]. То есть в вынашивании и рождении детей.

О неразрывной связи мужчины и женщины Бородин пишет и в работе 1993 года «Над Волгой». На создание этой статьи Леонида Ивановича вдохновила картина знаменитого художника Михаила Нестерова «За Волгой». Публицист признается, что простой сюжет провинциальной картины, которая и до сих пор хранится в Астраханской картинной галерее, покорил его.

«На высоком берегу две фигуры – он и она», – пишет Бородин, сравнивая изображенных на картине с библейскими Адамом и Евой [3]. Такая аналогия каждому может прийти в голову, когда он посмотрит на картину: мужчина стоит, гордо подняв голову вверх, «типичный деловой человек конца прошлого века», на первом плане, потупив голову, сидит женщина.

Бородин создает образ сильного мужа. Он отмечает напряженный и прямой взгляд героя картины, его абсолютную уверенность в своих желаниях: «Ему чужды гамлетовские метания, нет необходимости решать проблему: быть или не быть – потому что он уже ЕСТЬ» [3]. Как пишет автор, герой теперь решает, что же ему делать.

Образ женщины, который создает Бородин в этой статье, как и в других работах, отвечает традициям христианского миропонимания. Наиболее ярко это заметно, если рассмотреть логический ряд, предлагаемый автором: «На первом плане – женщина, жена, мать» [3].

Можно утверждать, что для Леонида Ивановича все три понятия тождественны и, более того, только их соединение может выразить всю полноту сути русской женщины. Именно ее публицист награждает сакральным знанием: «Вся печальная правда человеческого пребывания на Божьем свете – в ее глазах, а скромный букетик полевых цветов в руке – единственная награда за непомерную ношу» [3].

Несмотря на разную правду перед Богом: «ЕМУ – искушаться Сибирью, а ЕЙ – следовать за ним, в Сибирь», только в единении мужчины и женщины жизнь имеет шанс на продолжение. Эта мысль Бородина является своеобразной интерпретацией 19 главы Евангелия от Матфея: «И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть» [7]. Именно эти «два лада русской души» представляются писателю определяющими.

Анализ ценностных ориентиров Бородина также проводит доктор филологических наук, профессор Тверского государственного университета Ирина Казанцева: «Именно тогда Л. И. Бородин в неподцензурной публицистике видит будущее России в ориентировании на христианские ценности, а в художественных текстах, созданных во время первого лагерного срока (1967–1973), косвенно через элементы фантастики воплощает христианскую картину мира» [8].

Отметим, что восприятие мира через заповеди православной веры характерно для всех периодов творческого пути Леонида Бородина, что проявляется и в литературно-художественных, и в журналистских работах. Христоцентричность присуща русской литературе на

протяжении многих веков. Обращение к Православию, восприятие веры как единственного спасения народа было общей тенденцией среди так называемых писателей-деревенщиков. Это литературное направление критик Юрий Селезнев выводил за рамки узких понятий «город» и «деревня» и называл «духовно-нравственным».

В своей работе Ирина Казанцева отмечает общность ценностных ориентиров Л. И. Бородина и «деревенщика» В. И. Распутина: «Фактическое соединение двух ветвей, выросших из общего традиционно-православного корня русской культуры, происходит в 1990-е. Тема очередной смуты на Руси и нового раскола близка обоим писателям» [8]. Писателей также связывает место рождения – город Иркутск. В то же самое время в большую литературу вошли и их земляки – драматурги Александр Вампилов и Михаил Ворфоломеев. Однако Леонид Иванович видел отличия между собой и представленными выше авторами. Он характеризовал их как людей «коренных», имеющих под ногами своеобразную опору, почву.

В работе 1975 года «Пути христианского возрождения» Бородин выводит проблему религии за рамки личностного начала. Как и великий писатель Ф. М. Достоевский, он определяет русского человека через православную веру: «Понятие „русский” не просто больше этнического содержания, но что оно обозначает определенное качество сознания, исторически обнаружившееся и понимающее мир и Бога своеобразно и особенно» [4].

Писатель Владимир Личутин подобным Бородину образом определяет русскость: «Русский человек непостижим <...> Русский человек был чрезвычайно религиозен, и его Бог был живой. Это и есть корни русского народа» [10]. Личутин также говорит о том, что Бог оберегал жителя земли русской в самые трудные времена, что помогало ему противостоять невзгодам. Писатель считает, что в России нужно как можно скорее восстановить утраченное духовное содержание, что укрепит страну.

Л. И. Бородин также придерживается мнения о том, что русская нация «возникла на почве христианства». Доказательством этого является «катастрофическое положение ее сегодня». Потому для России писатель видит только один путь – вернуть ей «православное лицо», «историческое сознание» и «национальное виденье Бога» [4].

Писатель Юрий Лощиц в своей речи в 2007 году, выступая на Соборной встрече, сказал: «Ибо, если нет жизнетворной семьи, невозможно народное бытие, обессмысливается любое социальное устроение» [9]. Лощиц, как и Бородин, смотрит на семью с позиций православной веры. Он подчеркивает, что общество в России в 2007 году сложно назвать здоровым. Во многом потому, что распространена практика прерывания беременности по социальным показаниям, также среди подростков насильственно истреблен культ целомудрия.

Юрий Михайлович подчеркивает две несоединимые тенденции, которые были в нашей стране в тот период: это стремление к демографическому прорыву после падения в 90-е годы и либерализм в отношении семейных ценностей.

В религиозной программе «Образ жизни» Л. И. Бородин подчеркивал значение семьи для человека в трудные времена: «Тюремные условия в минимальном качестве обеспечивали нам существование <...> Завтрак, обед, ужин будет подан. Если плохо, отправят в больницу. Если совсем плохо – похоронят. Иногда гораздо труднее было на воле: без работы, без прописки, многие без семьи» [11]. С первой женой Леонид Иванович расстался еще до первого срока. А когда оказался на свободе, женился второй раз. В автобиографическом повествовании «Без выбора» много лет спустя он напишет о супруге Ларисе: «Единственное – дал мне Бог в напарницы жизни женщину, перед жизнью страха не имевшую совершенно, но хочется думать, что я и сам бы... один...Кто знает!» [1]. В этой цитате, на наш взгляд, выражена благодарность супруге за самоотверженность.

О важном значении спутницы жизни рассуждал в своих дневниках известный критик Игорь Дедков. В записях Дедкова не раз встречаются мысли о семье и детях, порой противоречивые. Критик рассматривал не только литературные произведения, но и судьбы писателей через их отношение к родным. Предполагаем, что именно поэтому последнюю запись в своем дневнике И. Дедков посвящает супруге. Он подчеркивал, что все самое лучшее и светлое в его жизни напрямую связано с женой, которая всегда была рядом, в моменты приобретений и потерь, радостей и разочарований. «Не знаю, принес ли я тебе счастье, ты мне – да! Другого не хотел, не воображу, не искал. Без тебя моя жизнь, все прочее и достойное в ней не состоялось бы. Ты всегда была моей единственной», – писал критик [6].

Как и на картине Нестерова, вторая жена Леонида Бородина следовала за ним. В главе «Девять лет облегченного режима» автобиографического повествования «Без выбора» публицист перечисляет «географию и хронологию» жизни на свободе: «1973-й год – сибирская тайга; 1974-й – подмосковная станция Ворсино по киевской дороге; 1975-й – опять тайга; 1976–1978-е – прославленные Венечкой Ерофеевым Петушки; 1979-й – Москва; 1980-й – опять тайга; 1981–1982-й – Москва, новый арест и пятнадцатилетний срок!» [1].

В последней главе книги публицист вспоминает 1973 год. Тогда вместе с супругой они «уходили в тайгу». Во многом потому что из тюрьмы Бородин вышел «изгоем»: «Не имел жилья, права работать по профессии, проживать в столицах республик ... за душой ни рубля...» [1]. В эти трудные годы жена стала поддержкой для писателя.

Важно отметить, что эту главу Леонид Бородин назвал «Счастье». О жизни с «любимой женщиной» в сибирской тайге он пишет так: «Задним числом засчитываю эти минуты первыми минутами счастья!» [1]. На этой же странице публицист делает акцент на одной стороне женской натуры: «Жена приводит в порядок весьма загаженное бичами зимовье, вьет гнездо, это счастливый дар ее натуры» [1]. Лексически Л. И. Бородин отмечает особенность супруги, используя слово «дар», что подразумевает божественное начало.

Окончание этого сюжета, а также всего автобиографического повествования является своеобразным тезисом сказанного выше: «Наш с женой рывок из Москвы в неизвестность – все было именно так: плечом к плечу. И сколько в этой неизвестности случилось всего и всякого...» [1].

О необходимости сохранения традиционных ценностей писали и продолжают писать многие авторы патриотической направленности. К примеру, в минувшем 2024 году публицист Егор Холмогоров на встрече в городе Томск сравнил семейные ценности с компасом, который всегда показывает в одну сторону, вне зависимости от того, куда мы идем. Так и семья помогает человеку выстоять в трудные времена.

В 2023 году на сайте журнала «Родная Кубань» появилась статья Холмогорова «Почему семейные ценности стали главным полем боя на Третьей мировой». В этой работе автор говорит, что в XX веке произошла революция в личных и интимных отношениях. Во-первых, происходящее между двумя людьми стало достоянием общественности. Во-вторых, в норму вошла «свободная любовь» – явление, искусственно созданное. Виновниками этого, по мнению Егора Станиславовича, были представители левого направления. Они поняли, что чем слабее институт семьи в государстве, тем в более шатком положении оно находится. С этим связано появление радикального феминизма, позже и чайлдфри, а также увеличение количества полов и легитимизация смены пола. Многие из этих явлений стали активно развиваться не только в странах Европы, но и в России.

Прозаик, публицист и многодетный отец Захар Прилепин в 2017 году в книге «Быть отцом» так отвечает на вопрос журналиста о том, почему в России большое количество неблагополучных

семей: «Самое страшное случилось в последние двадцать лет. Человеку объяснили, что он никому ничего не должен, что он венец природы и все крутится вокруг него» [5]. Прилепин поднимает одну из главных проблем, и прошлого, и современности – проблему индивидуализма (о которой писал еще Константин Победоносцев). И сопутствующие ей проблемы тотального гедонизма и мнимого комфорта жизни.

В этом материале Прилепин выражает мысли, тождественные словам Бородина о том, что мужчина и женщина неразрывно связаны. И от этой связи зависит будущее России. Писатель приводит в пример собственную семью, где у каждого могут быть работа и хобби, но личные отношения, воспитание детей он называет таким же трудом: «Это как в деревне, где утром просто нельзя не встать на работу» [5].

В публицистике Л. И. Бородина большое внимание уделяется проблеме духовно-нравственных ценностей как отдельно взятой личности, так и целого народа. Мировоззрение Бородина было православным, поэтому Родину, семью и женщину он оценивал с традиционных позиций, как и его современники Юрий Лощиц и Игорь Дедков. В творчестве современных писателей и публицистов также можно найти схожие мысли о традиционных ценностях, что подчеркивает вневременность рассуждений Л. И. Бородина, оценивающего и мир вокруг, и собственное поведение через высокие православные добродетели. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Бородин, Л. И. Без выбора автобиографическое повествование / Л. И. Бородин // Собрание сочинений: в 7 т. – Том 6. – Москва: Издательство журнала «Москва», 2013. – 592 с. – ISBN 978-5-89097-089-3.

2. Бородин, Л. И. Женщина и «скорбный ангел» / Л. И. Бородин // Собрание сочинений: в 7 т. – Том 7. – Москва: Издательство журнала «Москва», 2013. – С. 90. – ISBN 978-5-89097-090-9.

3. Бородин, Л. И. Над Волгой /Л. И. Бородин. – Собрание сочинений: в 7 т. – Том 7. – Москва: Издательство журнала «Москва», 2013. – С. 25. – ISBN 978-5-89097-090-9.

4. Бородин, Л. И. Пути христианского возрождения/ Л. И. Бородин. – Собрание сочинений: в 7 т. – Том 7. М.: Издательство журнала «Москва», 2013. – с. 203. – ISBN 978-5-89097-090-9 (т. 7).

5. Гоголев, Р. Захар Прилепин: «Если у женщины есть только работа – это катастрофа» / Р. Гоголев // 7я.ру: интернет-портал. – URL: https://www.7ya.ru/article/Zahar-Prilepin-Esli-u-zhenwiny-est-tolko-rabota-jeto-katastrofa/ (дата обращения: 21.02.2025).

6. Дедков, И. А. Дневники 1953–1994 гг. / И. А. Дедков // Прожито цифровой архив: сайт. – URL: https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B138%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=675 (дата обращения: 12.08.2025).

7. Евангелие от Матфея, глава 19, стих 5, 6 // Азбука веры: сайт. – URL: https://azbyka.ru/biblia/?Mt.19&r (дата обращения: 28.03.2025).

8. Казанцева, И. А. Формы воплощения христианской аксиологии в русской литературе ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА – НАЧАЛА XXI ВЕКА»/ И. А. Казанцева// сайт. – URL: file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/16495-Article%20Text-36844-1-10-20220914.pdf (дата обращения: 08.04. 2025).

9. Лощиц, Ю. М. Семья. Народ. Власть / Ю.М. Лощиц // Русская народная линия: сайт. – URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/11/07/sem_ya_narod_vlast/?ysclid=mbfb7bbyon597515182 (дата обращения: 04.05.2025).

10. Носов, М. Владимир Личутин: русский человек непостижим/ М. Носов//Архангельская епархия: сайт. – URL: https://www.arh-eparhia.ru/publications/70054/ (дата обращения: 09. 03. 2025).

11. Образ жизни Леонид Бородин / И. Диалектова // Телепрограмма: видеохостинг. – URL: https://youtu.be/LvBL4ePssEw?si=EeFKOB6s4IDcpzf8 (дата обращения: 26.04.2025).

12. Холмогоров, Е. С. Почему семейные ценности стали главным полем боя Третьей мировой / Е. С. Холмогоров // Родная Кубань: сайт. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_15450.html (дата обращения: 24.04.2025).

Архив Дарины Игнатенко

ДАРИНА ИГНАТЕНКО

Родилась в 2005 году в городе Приморско-Ахтарске.
Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ.
Публиковалась в журнале «Родная Кубань».
Живёт в Краснодаре.

КЛИШИРОВАННЫЙ ЕСЕНИН, ИЛИ «АЙСЕДОРА И ЕСЕНИН» В КРАСНОДАРСКОМ «ДОМЕ МЕЦЕНАТА»

Театральный сезон еще не начался, но это не значит, что в Краснодаре летом не найдется постановок для любителей современного искусства. К сожалению, словосочетание «современное искусство» вызывает смешанные чувства. Даже если режиссерам удается передать атмосферу, то иногда посыл автора остается или непонятым, или изуродованным. Особенно если спектакль поставлен по классическим произведениям или о жизни великих русских писателей.

Краснодарский Иммерсивный театр «Дом мецената» – молодой театр, показывающий свои спектакли, театрализованные лекции, выставки в старинных дореволюционных зданиях города: доме табачного купца Панайота Акритаса (1894 г. постройки), особняке Лю Трахова (1896 г.), бывшем доходном доме Екатеринодара (1910 г.). История театра началась в 2020 г. с иммерсивной выставки в отреставрированном особняке Лю Трахова. За год, по информации, предоставленной на сайте театра, дом посетили более 10 тысяч человек. «Мы поняли, что хотим создать нечто большее. Так в 2021 г. появился иммерсивный театр "Дом мецената"» [1]. За несколько лет работы театр расширил «карту реальных исторических мест» до домов Санкт-Петербурга и Москвы. «Дом мецената» гарантирует полное погружение в атмосферу старинных особняков: «иммерсивные спектакли не смотрят – их проживают вместе с актерами», – написано на сайте театра [1].

Большая часть женской половины моей семьи – учителя-филологи, любящие посещать различные театры в свободное время. Мама не смогла пойти на «Айседору и Есенина» в «Дом мецената» и предложила пойти мне вместо нее с ее компанией филологов (моя тетя и ее коллега). Я смутно понимала, что такое «иммерсивный театр», да и в самом особняке не была, поэтому мне показалось это очень интересным предложением.

Вход в бывшую гостиницу «Краснодар» (после пожара в доме Акритаса и смерти его владельца при советской власти дом использовался сначала как партийная школа, затем как гостиница) лежит через кофейню, где собирается публика театра, которая заходит в место действий спектакля только по приглашению дворецкого. Уже на этапе ожидания этого молодого человека у меня возникли вопросы к тому, как были одеты зрители. Некоторые стояли в шортах, некоторые в розовых рубашках с котиками, пальмами и в кепках, а одна парочка – в ободках с ушками. Мне кажется, идти в театр, как на пляж, не лучшая идея. Ну да ладно...

Вышел дворецкий с ярко выраженным иностранным акцентом, одетый в старомодный сюртук, провел нас на лестничную клетку и заявил: «Сейчас 1925 год, мы находимся в Ленинграде, гостиница "Англетер". Пожалуйста, сохраняйте тишину, в соседних номерах отдыхают постояльцы. Пройдемте на 4-й этаж в номер русского поэта Сергея Есенина».

Зашли в двухкомнатный номер, путь к которому лежал через узкий гостиничный коридор. Играла тихая трагичная, мрачная и даже тревожная музыка, в первом помещении стояли старый рояль, шкаф с графинами и бокалами, стол с канделябром и зажженными свечами, фотографией Айседоры Дункан с ее детьми. Дворецкий в начале спектакля был как указатель: куда идти, на что смотреть и так далее. Он направился во вторую комнату. Немая сцена. На кровати при свечах лежал мертвый поэт. Щеголеватый дворецкий потушил свечи и отвел нас в первую комнату, где уже стояла Айседора и говорила о своих переживаниях по поводу смерти поэта: «Новость о смерти Есенина влетела в наш дом и, казалось, разбила там все окна». Как известно, Дункан прожила не так долго после ухода из жизни великого русского поэта. Режиссер метафорично показал смерть американской танцовщицы через немую сцену, где актриса, исполняющая ее роль, обматывала шею и голову длинным алым шарфом (14 сентября 1927 года Айседора Дункан погибла в Ницце из-за попадания обмотанного вокруг шеи длинного шелкового шарфа в спицы колеса автомобиля, на котором она совершала прогулку) [2]. Так небольшую кучку зрителей (не более 20 человек) погружали в атмосферу трагичной любви.

Раскрывать все секреты спектакля нет смысла, но обратить внимание на некоторые детали, которые оставили меня в смешанных чувствах, все-таки стоит. Во-первых, режиссером «Дома мецената», а если быть точнее «автором проекта» является Юлия Удовенко. К сожалению, никакой информации о ней нет, кроме того, что она коллекционер антиквариата, чем, собственно, и обставлены комнаты отреставрированных ею дореволюционных домов.

Постановщик рассказала, что «миссия театра заключается в воссоздании жизни исторических персонажей. Иммерсивные спектакли поощряют заинтересованность людей: "Когда ты вникаешь не только в книгу, но и видишь перед собой героя, можешь взглянуть в глаза, нечаянно ощутить прикосновение, то погружаешься в другую эпоху. У нас и выставки были заточены на вовлечение в углубленное изучение истории"» [3]. То есть детище Юлии создано, чтобы приобщить людей к углубленному изучению истории.

Теперь вернемся к спектаклю «Есенин и Айседора». Из-за того, что около двадцати зрителей бегали за актерами из комнаты в комнату, спокойно посмотреть спектакль мне с моим маленьким ростом получалось не всегда, но услышать каждое слово, каждый вздох в маленьком замкнутом пространстве – другое дело. Окунуть зрителей в атмосферу той эпохи режиссеру удалось, но передать достоверность фактов из жизни русского поэта, увы, не получилось. Почему?

Первая реплика Есенина: «Я болен, я ужасно болен». На протяжении всего спектакля он кричал о своей болезни, рыдал, вел себя как сумасшедший, читая своего «Черного человека». Смотрю на окружающих людей – многие стояли с высоко поднятыми бровями на недоумевающих лицах. «Он же не был сумасшедшим», – обращаюсь я к тете. «Нет, конечно», – отвечает она.

Помимо того, что на первый план выводилось, что Есенин великий русский поэт, крестьянский сын, а чужая земля для русского человека – каторга, что Есенин любил свою родину, а Америку и Европу презирал, режиссер не забыла добавить в образ русского классика клишированные маркеры – пьяница, гуляка, бабник, читающий матерные стихи и ведущий разгульный образ жизни. Не забыли ярко показать конфликт Есенина с Маяковским.

Так же слишком настойчиво зрителям пытались показать интимную жизнь поэта и американской танцовщицы. Так как мы находились чуть ли не в метре от актеров, то и смотреть на все, что происходило на произвольной сцене, иногда было очень неловко.

Вишенкой на торте стала заключительная

сцена: Есенин, стоя возле Айседоры, обмотал шею галстуком и потянулся к люстре. Тонкий намек на суицид Есенина. Для людей искусства нет ничего лучше, чем показать как можно ярче смерть. Да, по официальным данным, Есенин повесился, но сколько же было исследований, доказавших, что поэт умер насильственной смертью. Есенина убили. Согласитесь, что показать убийство намного сложнее, чем ничтожный суицид, который подтвержден только бумагами, а не фактами. Но это уже другая тема.

Удивительно, что на приеме у художника Якулова (нас на тот момент «перенесли» уже в 1921 год), когда поэт встретился с Айседорой, по квартире не бегал медведь с балалайкой, раз уж Есенин в спектакле то и дело пил только водку: «Я не пью коньяк, только водку».

На этом вечере Есенин заигрывал со зрительницами (театр все-таки иммерсивный), целовал руки, знакомился, его дворецкий разливал всем на выбор шампанское и лимонад, ну и, естественно, великий русский поэт вел себя развязно, читая свои похабные стишата.

Хоть премьера «Айседоры и Есенина» в «Доме мецената» состоялась 28 декабря 2022 года, я не нашла ни одной рецензии театральных критиков на спектакль, только отзывы или маленькие заметки на страничках в соцсетях. В них написано, что людям понравилась атмосфера, игра актеров (к актерам действительно вопросов нет, играют они превосходно).

От себя добавлю: Есенин – великий русский поэт, любящий свой народ и свою родину, остался за стенами «Дома мецената». В иммерсивном театре зрителям было представлено его клишированное и пошлое подобие. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. История «Дома мецената» // dommecenata.ru. – 2024. – URL: https://dommecenata.ru/#rec671320405 (дата обращения: 21.08.2025).

2. Танцы, смерть детей и нездоровая любовь с Есениным: трагичная история Айседоры Дункан // Газета.ру. – 27.05.2022. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2022/05/27/14903048.shtml (дата обращения: 21.08.2025).

3. Эйдельман, Р. / Особняк на Мира, 61: Кому принадлежал и как превратился в культурное пространство // Непарадный Краснодар. – 01.02.2023. – URL: https://neparadniykrasnodar.tilda.ws/osobnyak_na_mira_61 (дата обращения: 22.08.2025).

Елизавета Гусарова
(студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ)

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕКЦИЯХ ДОЦЕНТА РАНХИГС

Вероятно, ни для кого не секрет, что большинство школьников и студентов предпочитают чтение всевозможных кратких содержаний, интерпретаций и пересказов, надеясь заменить ими чтение всего произведения. Но так ли это эффективно, как они думают? Одна из главных проблем пересказа заключается в потере первоначального смысла текста. Заметим, что определенные эпизоды произведения и его смыслы чаще всего интерпретируются по-разному. Читатель может неправильно понять идеи автора и, разумеется, передать свое ложное восприятие другим. Как правило, при изложении краткого содержания происходит искажение сюжета, исключение его важных элементов с целью упрощения своего рассказа, что непосредственно влияет на восприятие полного содержания произведения. Нами был обнаружен занимательный YouTube* канал, на котором кандидат филологических наук, доцент кафедры деловой и политической журналистики ИГСУ РАНХИГС Любовь Гогина публикует курс онлайн-лекций для подготовки к ЕГЭ по литературе.

Так, преподаватель выпустила цикл из восьми лекций о «Тихом Доне». Первые ошибки появляются в видео, которое нумеруется следующим образом – 124/1.3. Две последние цифры обозначают том и часть. Здесь Любовь Гогина называет Григория Мелехова «Георгием». Казалось бы, эту ошибку можно принять за оговорку, но когда это происходит неоднократно, то, разумеется, вводит в заблуждение зрителей, особенно не читавших роман. Заметим, что в произведении большое количество действующих лиц, и человек, не ознакомленный с произведением, может воспринять «Георгия» за нового персонажа.

Следующий момент, который также невозможно оставить без внимания, показан в видео 124/2.5, где лектор утверждает: «Кривошлыкова и Подтелкова решили казнить последними, чтобы те видели, как мучаются их сослуживцы», что является в корне неверным. Для опровержения представленной версии обратимся к роману Михаила Александровича Шолохова: «Подтелков чуть шевелит обвислыми усами, говорит глухо, но внятно: «Старики! Позвольте нам с Кривошлыковым поглядеть, как наши товарищи будут смерть принимать. Нас повесите опосля, а зараз хотелось бы нам поглядеть на своих друзьев-товарищей, поддержать, которые духом слабы» [3; с. 695]. Таким образом, версия Гогиной терпит крах. Подтелков и Кривошлыков подходили к тем, кто дожидался казни, и пытались ободрить их.

Обратим наше внимание на высказывания Любови Петровны в видео 124/3.6. Доцент приводит факты о персонаже, которые просто не могут не повергнуть в шок. По ее словам, Петр Мелехов является красногвардейцем, более того, творит бесчинства в захваченных “деревнях” и участвует в мародерстве вместе с другими большевиками. Вновь обратимся к произведению, где герой говорит о своем отношении к красным и пытается направить младшего

YouTube – нарушает законодательство Российской Федерации.*

брата на правильный путь: «Ты гляди, как народ разделили, гады!.. Я на свою борозду попал. С нее меня не спихнешь. Я, Гришка, шататься, как ты, не буду... Петро сердито потурсучил ус, часто замигал, будто ослепленный. – Меня к красным арканом не притянешь. Казачество против них, и я против. Суперечить не хочу, не буду! Да ить как сказать... Незачем мне к ним, не по дороге!..» [4; с. 19]. Благодаря приведенным высказываниям и другим фактам, событиям романа, мы понимаем, что слова Гогиной о принадлежности Петра к красным запредельно абсурдны. Так, появляется вопрос: насколько внимательно доцентом был прочитан роман, если допускаются такие очевидные ошибки?

Казалось бы, после приведенных неточностей, стоит покинуть канал преподавателя, но для более объективной оценки рассмотрим и другие видео.

Лектор также анализирует «Собачье сердце» и, обратим внимание, допускает поразительные ошибки. Например, в своем пересказе Гогина превращает мужчин в женщин: «Можно назвать еще такие имена, как Пеструхина и Жарковкина» [5]. Заметим, что фамилия в принципе произнесена неверно, ведь в булгаковском тексте она звучит следующим образом: «...он товарищ Пеструхин и Жаровкин [1; с. 22].

Обратимся к пересказу следующего произведения – «Герой нашего времени». На наш взгляд, в этом анализе весомое количество содержательных ошибок. Первое, на чем хочется акцентировать внимание, – возраст персонажей в главе «Бэла». Гогина подмечает, что девушке 16 лет, и называет ее ровесницей Григория Печорина. Возникает вопрос: как такое возможно? Ведь на момент повествования герою было около двадцати пяти – это мы узнаем из рассказа Максима Максимыча: «Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти... Его звали... Григорьем Александровичем Печориным» [2].

Во время рассуждения об убийстве Бэлы говорится, что Казбич вонзил нож в грудь. Однако стоит обратиться к произведению, и вновь обнаруживается фактическая ошибка: «Такой злодей; хоть бы в сердце ударил – ну так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар!» [2].

В пересказе о взаимоотношениях Печорина с княжной Мэри говорится следующее: «Она с трудом перенесла эту трагедию... Она сравнила себя с цветком, который путник сорвал, вдохнул аромат и бросил в пыль на дорогу» [5]. И снова перед нами содержательная ошибка, достаточно прибегнуть к тексту, и мы узнаем, что с цветком ее сравнивал сам Печорин в записи от 3 июня: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся душой! Она как цветок, лучший аромат которого испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет» [2].

Также стоит учесть, что в комментариях зрители обращают внимание на допущенные ошибки при пересказе, но, что неудивительно, они остаются незамеченными доцентом РАНХИГС.

Таким образом, кратко прокомментировав курс лекций Любови Гогиной, которая, заметим, выпускает их для помощи школьникам при подготовке к ЕГЭ (но о какой помощи может идти речь, когда ее видео кишат фактическими ошибками?), приходим к выводу, что эти лекции не дают полноценного представления о произведениях и, что еще хуже, вводят учащихся в заблуждение. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

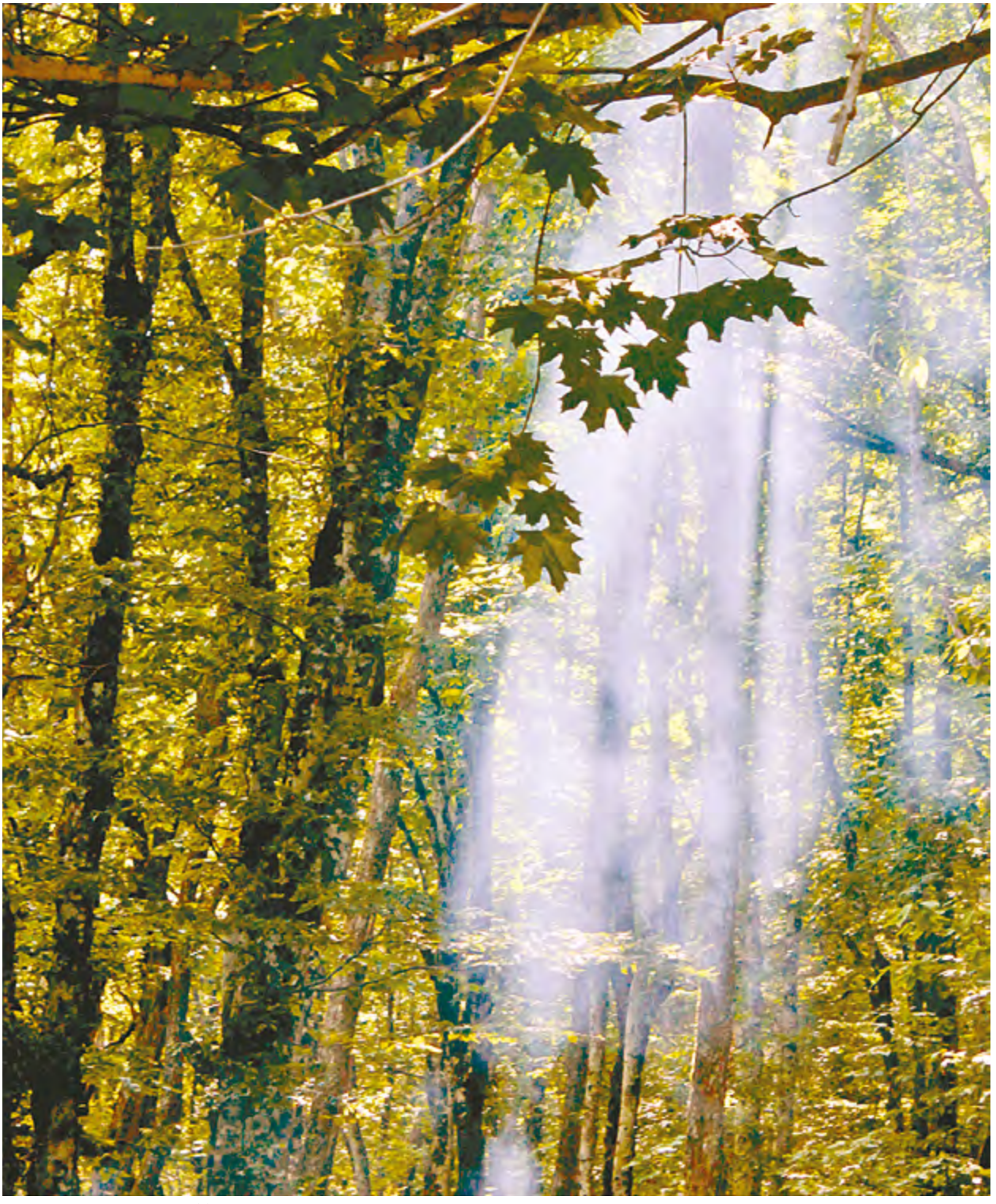
1. Булгаков М. Собачье сердце: Повести; Рассказы. – М.: Мартин, 2020. – 320 с.
2. Лермонтов М. Герой нашего времени – [Электронный ресурс] // URL: https://books.yandex.ru/reader/uyLBIgkq?resource=book.
3. Шолохов М. Тихий Дон. Кн. 2. – М.: Эксмо, 2024. – 695 с.
4. Шолохов М. Тихий Дон. Кн. 3. – М.: Эксмо, 2025. – 710 с.
5. YouTube* канал Любови Гогиной – [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/@Gogina.

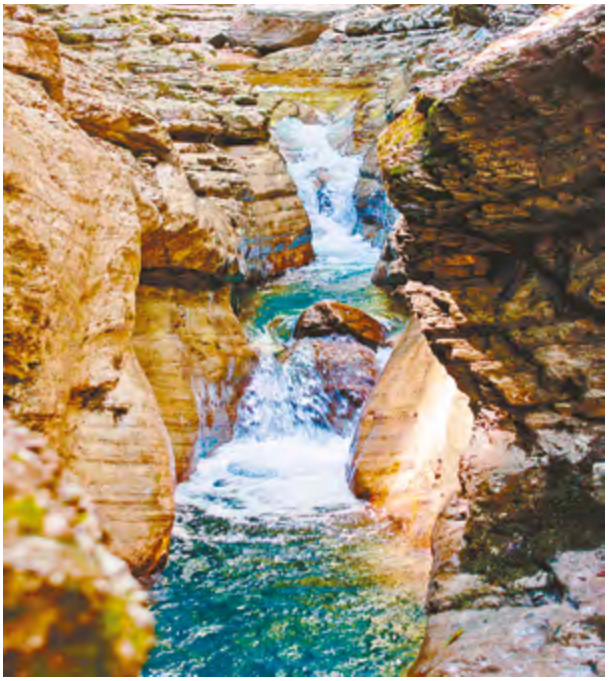
КУБАНЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ВОЛНЫ ГОР. Гора Семашхо, лето, 2025 год. *Фото Дарины Игнатенко.*

ДЫМ ПОХОДНОГО КОСТРА. Гора Семашхо, лето, 2025 год. *Фото Дарины Игнатенко.*

ПОТОК МЕЖДУ СКАЛ. Каньон реки Букепки, лето, 2025 год. *Фото Дарины Игнатенко.*

ТИХАЯ ГАРМОНИЯ. Каньон реки Букепки, лето, 2025 год. *Фото Дарины Игнатенко.*

ЛАЗУРНЫЙ ИЗГИБ РЕКИ. Каньон реки Букепки, лето, 2025 год. *Фото Дарины Игнатенко.*

ОКНО В ГОРЫ. Гора Индюк, лето, 2025 год.
Фото Дарины Игнатенко.

НА УРОВНЕ ГОРИЗОНТА. Гора Индюк, лето, 2025 год.
Фото Дарины Игнатенко.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ ЛАГЕРЯ. Каньон реки Букепки, лето, 2025 год. *Фото Дарины Игнатенко.*